

TRANSACTIONS OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA
VOLUME XI

ЗАПИСКИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США

ТОМ XI

ЛЕВ Н. ТОЛСТОЙ

1828 - 1978

LEO TOLSTOY

TRANSACTIONS OF THE ASSOCIATION OF THE
RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA VOLUME XI

NEW YORK

1978

ЗАПИСКИ

ТОМ XI

**ТОЛСТОВСКИЙ НОМЕР
1828 - 1978**

TRANSACTIONS

VOLUME XI

**TOLSTOY VOLUME
1828 - 1978**

NEW YORK

1978

EDITOR-IN-CHIEF

Constantine Belousow, *Former Dean, International University*

EDITORS

Nicholas Arseniev, *Professor Emeritus, St. Vladimir's Seminary*
Thomas E. Bird, *Queens College, Cuny*
Alexander Bogolepov, *Professor Emeritus, St. Vladimir's Seminary*
Oleg Ilyinsky, *New York University*
Richard Haugh, *Tuskegee University*
Alexander Obolensky, *Professor of Russian Language & Literature*
Sergei Pushkarev, *Yale University*
Alexis Scherbatow, *Fairleigh Dickinson University*

The Association of Russian-American Scholars express its gratitude to the Tolstoy Foundation, Mrs Tatiana Schaufuss, Prince Teymuraz K. Bagration-Mukhransky and our members for their support in aiding the publication of Transactions.

Board of Directors

Library of Congress Catalog Card No 67-29613

Copyright 1977 by the Association of Russian-American Scholars in USA, Inc.

TRANSACTIONS IS PUBLISHED BY THE ASSOCIATION OF
RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA, Inc.

85-20 114th Street
Richmond Hill, N.Y.
11418

The editors assume no responsibility for statements, either of fact or opinion,
made by contributors.

CONTENTS

I. L.N. TOLSTOY

Portrait of L.N. Tolstoy	5
C.G. Belousow. L.N. Tolstoy	7
Portrait of A.L. Tolstoy	9
Biographical Sketch: A.L. Tolstoy	11
A. L. Tolstoy. Tolstoy and the Russian Peasant. <i>Reprint</i>	15
N.O. Lossky. Moral Individuality of Tolstoy	21
E.E. Klimoff. Lev Tolstoy as depicted by Russian Artists. (R)	34
B.A. Filippov. An Oak of A. Bolkonsky and of L. Tolstoy. (R)	53
N.S. Arseniev. The Dynamism of Life in Leo Tolstoy's Work and Personality. (R)	58
R.V. Pletnev. Tolstoy and the Social Classes. (R)	86
P.B. Struve. Essays about L. Tolstoy. <i>Reprint</i> . (R)	100
L.D. Rzhnevsky. L. Tolstoy. Selection of Vocabulary. (R)	121
S.P. Kryzhicky. Tolstoy and Bunin. (R)	128
G.G. Krugovoy. Pierre Bezukhov and Platon Karataev. (R)	138
V.I. Grebenshikov. The Voice of the People in the Writings of L. Tolstoy and A. Solzhenizyn. (R)	154
N.V. Pervushin. Tolstoy, Rousseau, G. Sand and Dostoevsky. (R)	164
H.S. Ermolaev. The God of Andrey and the God of Pierre. (R)	174
V.S. Krupitsch. L. Tolstoy and Apollon Grigoriev. (R)	183
I.I. Baloueff. The Evolution of Esthetic Judgements concerning L. Tolstoy. (R)	197
S.G. Pushkarev. The Diary of L. Tolstoy. (R)	208
A.P. Obolensky. The Confession of a Natural Man.	222
R.V. Haugh. Tolstoy and the American Shakers.	231
K. Filips-Juswigg. Anglo-American Books about L. Tolstoy after 1970	241
B. Sorokin. Was Tolstoy a Traditionalist or an Innovator?	247

Editorial and Subscription Office
85-20 114th Street
Richmond Hill, N.Y. 11418

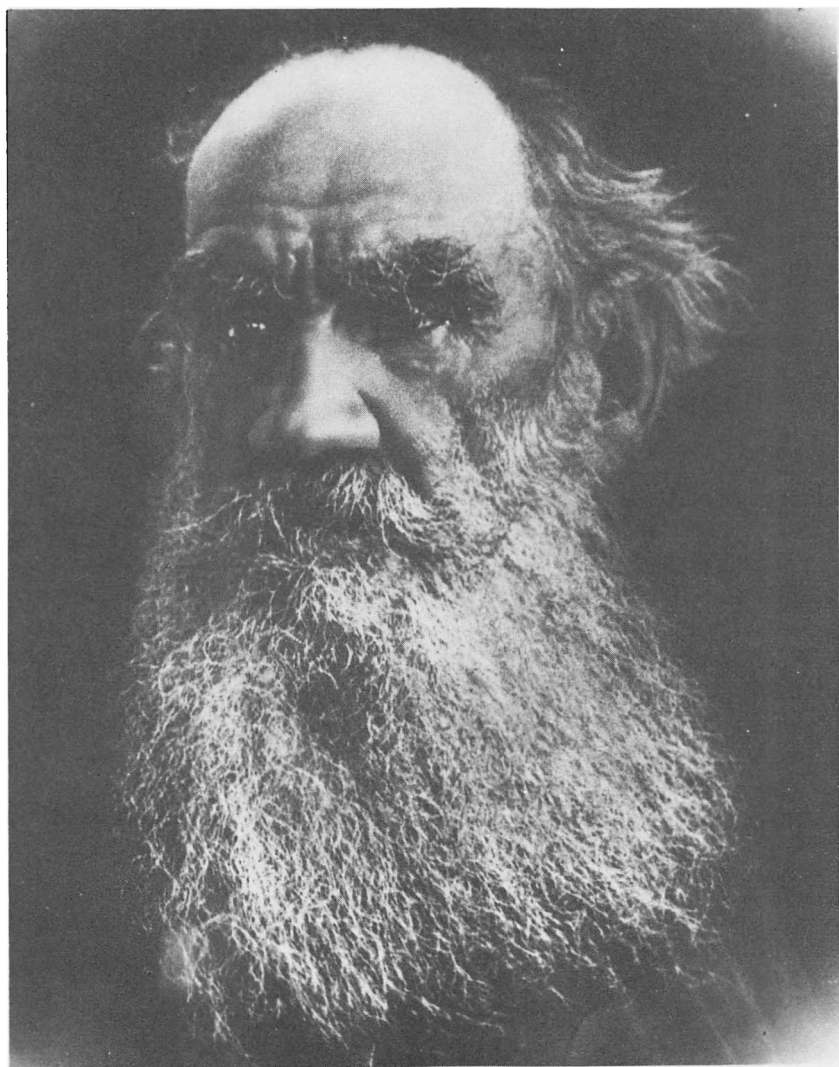

СОДЕРЖАНИЕ

I. Л.Н. ТОЛСТОЙ

Портрет Л.Н. Толстого	5
К.Г. Белоусов. Л.Н. Толстой.	7
Портрет А.Л. Толстой	9
Биографический очерк: А.Л. Толстой	11
А.Л. Толстая. Толстой и русский крестьянин. (Перепечатка).	15
Н.О. Лосский. Толстой как тайновидец плоти и духа. (Перепечатка)	21
Е.Е. Климов. Лев Толстой по портретам русских художников.	34
Б.А. Филиппов. Дуб А. Болконского и Л. Толстого.	53
Н.С. Арсеньев. Захваченность стихией жизни у Льва Толстого.	58
Р.В. Плетнев. Сословия и классы у Льва Толстого.	86
П.Б. Струве. Статьи о Л.Н. Толстом. (Перепечатка)	100
Л.Д. Ржевский. Толстой за выбором слова.	121
С.П. Крыжицкий. Толстой и Бунин.	128
Г.Г. Круговой. Пьер Безухов и Платон Каратаев.	138
В.И. Гребенщиков. Голос народа у Л. Толстого и А. Солженицына.	154
Н.В. Первушин. Толстой, Руссо, Ж. Санд, и Достоевский.	164
Г.С. Ермолаев. Бог Андрея и Бог Пьера.	174
В.С. Крупич. Лев Толстой и Аполлон Григорьев.	183
И.И. Балув. Эволюция эстетических взглядов Л. Толстого.	197
С.Г. Пушкарев. Выписки из дневника Л.Н. Толстого.	208
А.П. Оболенский. Исповедь «естественного человека».	222
Р.В. Хауг. Толстой и Шейкеры.	231
Е.Ф. Филипс-Юзвигт. Англо-Американские книги о Л.Н. Толстом за 70-е годы.	241
Б.Сорокин. Был ли Толстой традиционалист или новатор?	247

К 150-летию со дня рождения Льва Николаевича ТОЛСТОГО
(28 августа - 9 сентября 1828 г. 7/20 ноября 1910 года) – вели-
кого писателя русской и мировой литературы.

On the 150th Anniversary of the Birth of Lev Nikolaevich TOLSTOY
Aug. 28-Sept. 9 1828 - 7/20 Nov. 1910.

LEV NIKOLAEVICH TOLSTOY

by K. Belousow

Lev Tolstoy is a name of world-wide significance and stature and striking artistic grandeur and impact.

Whole generations of young people of the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries were brought up on Tolstoy's artistic works. A sensitive receptivity, a desire to reflect their ideals and to perceive those excellent qualities which were possessed by Tolstoy's unforgettable characters are qualities peculiar to youth. Tolstoy's genius and his depictive and descriptive art so enthralled the young reader that his heroes came alive and were like close friends, remaining for a long time models for young people. His remarkable language, his authenticity, and the perennial quality of his descriptions totally captivated, making it difficult to tear oneself away from Tolstoy's books.

Therefore, we consider it our responsibility to mark the 150th anniversary of the birth of this Russian genius who elevated Russian literature to heretofore unknown heights.

In the difficult days of bitterness and life's reverses, in contemporary life it is sufficient to take *War and Peace* in hand. One can forget everything, so that at least for the duration of the reading one is totally immersed in the pleasure of the events depicted.

It is probable that no Russian writer has been written about to the same extent as Tolstoy. Not only is he not forgotten today, but his work appears increasingly all over the world and is translated into virtually all languages. It would be nearly impossible to enumerate all the writers, philosophers, scholars, and political figures who have fallen under his influence and have been enchanted by his talent.

Among the contemporary Russian scholars, members of the Association of Russian-American Scholars, we will mention only a few names and give a brief summary of Tolstoy's writings.

The philosopher Professor N.O. Lossky says in one of his articles: «When L.N. Tolstoy was alive, I remember that I sometimes experienced

a flood of joy at the thought that I was a contemporary of this indubitable genius, realizing that not only the coevals of Plato, Shakespeare, Newton, Goethe, and Pushkin, but we too could partake in the joy of having a titan in our midst. It is alleged that a genius is great in all of his accomplishments and not merely in one particular area of creativity. This is, certainly, an accurate thought: a genius leaves his imprint on all his accomplishments; however, not even a genius is all-powerful and totally perfect; it is ordinarily only in one or, at most, in a very few fields that one achieves such heights of greatness, the overwhelming reflection of divine strength. In other areas he may even fall to an astonishing degree – but even here he may reveal his genius – if only in the originality of the fall – shot through with flashes of genius.» It is not surprising that Tolstoy's passionate appeals for perfection move the hearts of people not only in Russia but throughout the whole world.

Professor G.V. Vernadsky, the historian, devotes an entire chapter to Tolstoy as an historian. He concludes this chapter with Tolstoy's own words: «In each event analyzed we see a certain fate of freedom and a certain fate of necessity. And always, whatever event it may be, the more we see of freedom, the less we see of necessity, and vice versa. Man is the creation of an all-powerful, all-good, and omnipresent God...» For Tolstoy it is in this form that the manifestation of divinity appears as a law of history.

The scholar, philosopher, theologian Prof. Protopresbyter V.V. Zenkovsky's evaluation of Tolstoy is especially valuable for an understanding of his philosophical point of view. At the end of his life:

Tolstoy broke out of the cage of secularism, and destroyed it; and this triumphant exploit, together with his summons to rebuild culture on a religious foundation – comprises Tolstoy's immense *philosophic* importance, an importance which extends beyond the borders of Russia. The good must be Absolute or it is not good – such is the result of Tolstoy's searching; such is his legacy to the Russian consciousness.

Each writer has his flaws. They are especially evident in such an outstanding writer and thinker as Tolstoy. However, they are all completely obscured in view of the bright literary brilliance of this author's unsurpassed literary works.

Посвящается Александре Львовне Толстой осуществляющей заветы своего отца о служении другим своей работой в Толстовском фонде.

Dedicated to Alexandra Lvovna Tolstoy – Executor of her father's will in service to others through the work of the Tolstoy Foundation.

АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ

(Биографический очерк)

Александра Львовна Толстая, младшая дочь Льва Николаевича Толстого, Писательница, лектор и общественный деятель, родилась 1-го июля 1884 года. Секретарь и душеприказчик Льва Николаевича, Александра Львовна большую часть своей жизни отдала распространению учения своего великого отца путем работы по социальной помощи, лекций и писаний. В 1939 году Александра Львовна создала Толстовский Фонд и была выбрана его председателем. Первоначальной целью Фонда являлась помощь русским беженцам; впоследствии, эта помощь распространилась и на беженцев других национальностей.

В 1941 году Александра Львовна приняла американское гражданство и отказалась от своего графского титула.

После революции 1917 года и до своего отъезда из России в 1929 году, Александра Львовна организовала в Ясной Поляне учебно-просветительный центр объединила группу профессоров и членов Академии Наук для работы над изданием полного собрания сочинений Толстого. Во время одной из таких встреч, Александра Львовна была арестована и просидела в тюрьме.

У Льва Николаевича Толстого и его жены Софии Андреевны (урожденной Берс) было тринадцать человек детей. К тому времени когда родилась Александра Львовна, Толстой уже создал свои романы; все его творческие силы были отданы изучению религии и философии и писанию повестей морально-нравоучительного содержания, из которых он больше всего ценил «Чем люди живы» и «Где любовь, там и Бог». Как известно, Толстой прилагал все усилия для того, чтобы придерживаться своих теорий и проводить их жизнь. С этим не была согласна его жена София Андреевна и некоторые из его детей; Александра Львовна была близка с отцом и не соглашалась с матерью, что всегда было для нее большим вопросом.

Александра Львовна получила домашнее образование. В детстве, как пишет журнал «Нью-Йоркер» от 15 марта 1952 года в одной из своих характеристик знаменитых людей (Profiles), посвященной А.Л. Толстой, она была «сорванцом» и живя в Ясной Поляне не только ездил верхом, каталась на коньках и бегала на лыжах, но участвовала в полевых работах и помогала отцу рубить дрова. Большое значение в жизни семьи имела музыка. Александра Львовна училась на фортепиано, но ей пришлось бросить свои занятия, т.к. игра упрежненных на фортепиано и работа на пишущей машинке требовала слишком больших усилий для пальцев. В семье Толстого также много играли на гитаре и пели цыганские романсы.

В 1901 году Александра Львовна начала помогать отцу и стала его секретарем. В ее обязанности входила переписка рукописей Льва Николаевича и ведение корреспонденции. В то же время, она работала в созданной ею клинике для больных и в местной школе; кроме того, она на практике училась ведению сельского хозяйства.

В своей книге «Трагедия Толстого» она рассказывает о своей глубокой привязанности к отцу в последние годы его жизни. Желание находиться возле отца заставило Александру Львовну отказаться от сделанных ей предложений замужества. Она повсюду сопровождала Толстого и, как известно, находилась вместе с ним на железнодорожной станции Астапово, где Лев Николаевич скончался от воспаления легких в 1910 г.

Будучи душеприказчиком литературного наследия своего отца, Александра Львовна подготовила, согласно выраженной им воле, издание ненапечатанных трудов Толстого. Он хотел, чтобы на вырученные от продажи этого издания деньги (500,000 рублей) Ясная Поляна была бы выкуплена у его наследников, – вдовы и детей, – и отдана в собственность крестьянам.

Годы между смертью Толстого и началом Первой Мировой Войны Александра Львовна провела в Европе и в купленном ею поблизости Ясной Поляны имении, где она открыла конский завод. В 1914 году Александра Львовна прошла повторные курсы по анатомии, патологии и прочим предметам, о которых она имела представление благодаря своей работе в клинике Ясной Поляны. После окончания курсов Александра Львовна стала сестрой милосердия и была прикомандирована к санитарному поезду для приема раненых. В 1915 году, когда в русской армии, действовавшей на Турецком фронте вспыхнула эпидемия сыпного и брюшного тифа, Александра Львовна вступила в отряд Красного Креста, сформированный для борьбы с эпидемией. За усердие, проявленное на фронте, Александра Львовна была награждена Георгиевской медалью. Оправившись после приступа малярии, она стала исполнять административные обязанности в организации по оказанию помощи. Эта организация, расположенная около прифронтовой полосы, заведывала школами и питанием 10,000 беженских детей. Затем Александра Львовна была назначена начальником военно-медицинского отряда на Западном фронте. Чин ее был равен полковнику и она находилась во главе трех медицинских отрядов из 450 человек каждый, работавших на фронте. Во время немецкой газовой атаки Александра Львовна была отравлена и увезена в госпиталь, где она находилась с конца 1916 года и до начала февральской революции 1917 года. За свою работу во время газовой атаки Александра Львовна была награждена второй Георгиевской медалью.

По выходе из госпиталя она вернулась к исполнению своих обязанностей в военно-медицинскую часть и пыталась восстановить в ней дисциплину, нарушенную революционным брожением. За свою работу Александра Львовна получила третью Георгиевскую медаль. В конце 1917 года Александра Львовна отправилась сначала в Москву, а затем в Ясную Поляну. Хотя имение Толстых было национализировано, оно уцелело благодаря уважению народа к великому писателю. Вернувшись в 1918 году в Москву, Александра Львовна, с разрешения властей, организовала общество распространения и изучения произведений Толстого. Вместе с несколькими последователями своего отца, она разбирала его рукописи, хранившиеся в Румянцевском музее, готовя полное собрание сочинений Толстого в 91 томе. Печатание этого издания было начато Советским правительством в 1928 году и только недавно было доведено до конца.

Живя в Советском Союзе, Александра Львовна была арестована пять раз, и в 1920 году была приговорена к трем годам тюремного заключения после того, как группа «белых» тайно собралась в ее доме. Находясь в заключении, Александра Львовна организовала школу и хор и, как пишет журнал «Нью-Йоркер», «привела в удивление тюремщиков и заключенных своим умением ладить и с недовольными интеллигентами переполнявшими тюрьму, и с уголовными преступниками, обращаясь с ними так, словно это были потерянные дети.»

После года тюрьмы Александра Львовна была освобождена без суда. В 1921 году

она была назначена хранителем Ясной Поляны, превращенной в музей и культурно-просветительный центр. Она занимала этот пост восемь лет и успела создать за это время лечебницу, аптеку, клинику, четыре начальных школы и ремесленную школу. В Яснополянской школе не преподавали коммунистическую политграмоту; в 1924 году школа подверглась нападкам партийцев и туда был прислан инструктор политграмоты. В виду того, что Александра Львовна была против анти-религиозной пропаганды, внедряемой в школе Советами, она решила уехать из СССР. В октябре 1929 года она получила от советского правительства разрешение на чтение лекций о Толстом в Японии. Втечение почти двух лет она читала лекции по-русски и по-английски, иногда пользуясь услугами переводчиков, и посетила Токио, Осаку, Киото и прочие города Японии, где она создала себе верных друзей среди японцев.

В 1931 году Александра Львовна приехала в США. Она читала в ряде школ, университетов и клубов лекции о Льве Николаевиче Толстом и о том, что представляет из себя коммунизм. Несколько лет она занималась сельским хозяйством, сначала в Нью Сквэр, Пенсильвания (1931-33), затем в Хэддам, Коннектикут (1933-39). Там она разводила кур, доила коров и занималась полевыми работами. Тем временем, ею была написана книга «Трагедия Толстого». Книга эта была признана «важным документом, рисующим жизнь Толстого в Ясной Поляне и его отношения с женой и детьми». Александр Назаров, рецензировавший книгу А.Л. Толстой в «Нью-Йорк Таймс» писал, что «автор унаследовал часть гения, которым в такой необычайной мере обладал ее отец. Она превосходно пишет, обладает большим чувством юмора, яркостью описаний и большим даром создавать характеристики.» Десять лет, проведенных Александрой Львовной в после-революционной России описаны ею в книге «Я работала для Советов». Эта книга вышла на английском языке в 1934 году. Критик «Субботнего литературного обозрения» (Saturday Review of Literature) писал, что книга А.Л. Толстой «является волнующим и увлекательным свидетельством, рассказанным живо, энергично, с большим чувством справедливости и минимальным количеством упреков и жалоб».

Еще одна книга Александры Львовны, «Мой отец – Жизнь Льва Толстого», вышла в августе 1953 года. Она была издана «Харпер» в США и В. Голланцем в Лондоне. Книга была переведена на семь языков – финский, французский, датский, японский, испанский, шведский и русский, а также на иврит.

В 1939 году Александра Львовна и Татиана Алексеевна Шауфус, сидевшая вместе с ней в Советской тюрьме создала Толстовский Фонд совместно с такими видными представителями русской эмиграции как Сергей Васильевич Рахмаников, Борис Михайлович Бахметев и Борис Васильевич Сергиевский, и привлекла к участию в нем тех американцев, которые работали в АРА (комиссии Хувера) во время голода в 20-х годах в Советской России.

Целью Толстовского Фонда в период его создания и до настоящего времени является помощь беженцам из коммунистических стран. При содействии Толстовского Фонда США въехало 40,000 беженцев. Толстовский Фонд периодически имел от 10 до 15 отделений в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Южной Америке. Оказывая материальную помощь, Толстовский Фонд также содействует эмиграции в США и культурной жизни русских, поддерживает библиотеки и детские лагеря, разыскивает родных, руководит расселением новых эмигрантов, находит для них работу, помогает молодежи получать образование, заботится о детях и стариках.

В 1941 году Толстовский Фонд получил в дар Рид Фарм, – 74 акра земли, находящейся в Рокланд Каунти, поблизости от Нью-Йорка. Ферма эта, известная также под именем Толстовского Центра, была постепенно усовершенствована: на ее территории были сооружены различные постройки, собрана библиотека в 15,000 томов, построена церковь и открыт лагерь для детей. За время существования фермы, тысяч

эмигрантов и их семейств находили там приют и пользовались медицинской помощью до тех пор пока они не делались самостоятельными. Старческий дом и дом для хронически больных на 96 человек были также построены на ферме, что потребовало больших усилий со стороны Александры Львовны.

Александра Львовна является убежденной анти-коммунисткой. Она настаивает на том, чтобы группы борющиеся с проникновением советской агрессии в русскую православную церковь и русскую общественность, объединились бы в одно целое.

Александра Львовна сыграла большую роль в перемене отношения американских властей и правительства в Вашингтоне к русским беженцам после Второй Мировой Войны. Отличительной чертой характера Александры Львовны является то, что она проявляла еще больше энергии когда на просьбы ей отвечали отказом и когда начинало казаться, что все возможности исчерпаны. Эта особенность Александры Львовны присуща также Татиане Алексеевне Шауфус и благодаря этому им удалось добиться перемены многих несправедливых правительственных решений в отношении беженцев. Многие из них не смогли бы приехать в Америку без помощи Александры Львовны и Татианы Алексеевны. К числу таких приехавших принадлежат калмыки, члены профсоюзов, Русский Охранный Корпус, русские вывезенные из Китая на остров Тубабао и отдельные перебежчики.

В свободное от занятий время Александра Львовна много читает. Раньше она любила ловить рыбу в находящемся вблизи от фермы озере Рокленд. Летом она занимается садоводством, выращивая замечательные тюльпаны и помидоры. До самого последнего времени она читала лекции о Толстом, о беженцах и о работе Толстовского Фонда. И в настоящее время, когда ей позволяет здоровье, она принимает участие в администрировании Толстовской Фермы, являющейся культурным центром для беженцев и их расселения. Александра Львовна любит беседовать со студентами американских колледжей и университетов, которые приезжают повидать дочь Толстого в созданном ею Центре. Александра Львовна также работает над своей книгой *The Uprooted*, освещающей работу Толстовского Фонда по оказанию помощи беженцам со дня его основания.

Александра Львовна всегда интересовалась молодежью и заботилась о том, чтобы русские дети знали русский язык и любили Россию и ее историю, и могли бы гордиться отечеством своих родителей. До того как в 1970 году стали строить Дом для престарелых Толстовского Фонда, на ферме ежегодно открывался детский лагерь для 80 русских детей. Палатки были разбросаны на зеленом лугу фермы в Валлэй Коттэдж. Кроме свежего воздуха, спортивных игр и здоровой пищи, детям преподавали Закон Божий, русский язык и литературу. Вечера проводились у костра, с пением русских песен. Группы студентов ежегодно проводят семинары на Ферме при участии Александры Львовны.

1-го июля 1977-го года Александры Львовне Толстой исполнилось 93 года. Если годы сказываются на ее здоровье, то они никак не отражаются на ее неутомимой энергии и на ее живом интересе ко всему, что происходит на свете, - в Америке, в России и, конечно, в Толстовском Фонде.

В памяти Александры Львовны всплывают отрывки из ее жизни, воспоминания о том, что говорил ее отец, Лев Николаевич, и впечатления, которые произвели на нее встреченные на ее долгом жизненном пути люди, - самых различных занятий, профессий и общественных положений.

TOLSTOY AND THE RUSSIAN PEASANT *

By Alexandra Tolstoy

Many writers have written about Tolstoy's relations with the Russian peasants, but very few have understood the deep spiritual links which united him with them. This interesting subject deserves a great deal more research and much wider treatment than can be covered in this short article.

The Marxist leaders had their own point of view on this question. Trotsky once said that Tolstoy accepted only two classes of people – the landowner and the peasant. This perhaps was true during the earliest period of his life, but not after the 1880's, when Tolstoy's interest became primarily centered on the working class and its well-being. And Trotsky admitted that «the interest of Tolstoy was not only 'esthetic'», but was «based on deep psychological understanding and love».

In his memoirs, Gorky writes how he once came to see Lenin and found him reading *War and Peace*. «What an artist!» Lenin exclaimed, «and you know the amazing thing about Tolstoy is that he is a real *moujik*, he has a peasant's voice and he thinks like a peasant».

«And this great man», Gorky added, «shows his capacity to feel, to think, to speak, and to work like a peasant and to contemplate the world and the ruling classes with the eyes of a peasant».

Plekhañov, in his article, «Marx and Tolstoy», wrote that «the suffering of the peasants interested Tolstoy far less than those who made them suffer – the people of his own class – the landowners».

A Soviet writer, Kogan, quotes Turgenev as saying that Tolstoy «is as attached to the peasantry as to a woman expecting a child».¹ And Kogan elaborates on this idea: «The creator of Karataev has by no means overlooked the people, but on the contrary has worshipped them. The people could have used the same expression that was used by Katusha Maslova

---

* Reprint from «The Russian Review» v. 19, April 1960.

¹ Tolstoy always had a special regard for expectant mothers. [Ed.]

when she said to Nekludov: «Through me you want to save yourself».

For Tolstoy the peasants were the real people – those who work with their hands and feed the world with what they produce; they are close to nature and therefore closest to God.

Early in the 1880's Tolstoy started thinking seriously about the importance of education for the peasant. «Why should millions of Russians live in slavery, poverty, ignorance, to provide food for all these useless people?» he asked himself. He knew that in these millions were buried great talents, wisdom, and perseverance which could not develop without education, and he threw his whole being into his school work, even considering marrying a peasant girl and giving his whole life to the education of the peasant children. It was during these years that Tolstoy came to know and love the Russian peasants. «It has been my whole life», he wrote to his cousin Alexandra Tolstoy, «it has been my monastery, my church into which I escaped, finding refuge from all anxieties, doubts and temptations of life».

The closer he came to the peasant class, the more Tolstoy was concerned about its poverty. In his articles «What Is to Be Done», «The Slavery of Our Time», and others, he tried to find a solution to the problem of increasing the amount of land for those who really worked on it and thus improve the lot of the farmers. He was pleased to read Henry George's book, *Progress and Poverty*, which set forth a solution to the land problem. The American political economist proposed abolishing all private ownership of land, and establishment of a single tax to be paid to the government – by those who wanted to use the land, the amount of the tax depending on the land's location and value.

«It is an important book», Tolstoy wrote to his wife, «the abolition of serfdom like the abolition of private ownership of land is a step forward in our general social life». And later on, when the Russian Duma was established, Tolstoy tried several times to arouse the interest of its members in the single tax.

As the years went by Tolstoy's love toward the simple people grew. His philosophy, the doctrine of non-resistance, was partly based on the psychology of the peasant – his faith, his patience, his forgiveness. He wrote in *Confession*: «I came closer to people who were religious – the poor, the simple uneducated people; pilgrims, monks, sectarians, peasants. In direct opposition to what I saw in our society, where not one of a thousand professed himself a believer – amongst the people, there was not a single unbeliever in a thousand».

«I looked around more widely», Tolstoy writes further, «I studied the lives of the past and the contemporary masses of humanity and I saw that not two, nor three, nor ten, but hundreds, thousands, millions, all these people infinitely divided by manners, power of mind, education

and position – were all alike as opposed to my ignorance and were well acquainted with the meaning of life and death; they labored quietly, enduring privation and suffering, lived and died, and saw in all this not a vain, but a good thing... The life of the working classes, of the whole of mankind of those who create life, appeared to me in its true significance. I understood that this was life itself, and I accepted it».

And as he came closer to the poor people, Tolstoy felt that he could no longer live in luxury on his estate of twenty-four hundred acres of land, while his neighbors, the peasants, did not have enough land, tools, or sometimes sufficient food for their families. From dawn to sunset these people worked in the fields while the landowners enjoyed wealth, luxury, and leisure. So he began to labor together with them. Usually he worked for widows with children, sowing, mowing, and harvesting. He even built a house for one widow. His friends, among them the famous painter Gué, helped him.

«Though he was a Count», a peasant would say, «he could work hard and always when we were mowing he was first in a row, and we could hardly keep up with him».

One of the peasants told me the following anecdote: «Once when we were haymaking, the Count was on the wagon pressing down the hay, and I was loading. When the load was high enough, I started to tie up. I pulled the rope and gave it a last jerk, when to my great horror, I saw the Count lose his balance and... down he went... My heart stopped beating. I was so frightend – I ran up to him, ‘Lev Nikolaevich’, I shouted, ‘are you hurt?’ ‘Nothing to speak about’, he said, rubbing his back. ‘Come on, give me a hand’, and he climbed back on the top of the load and off we went – home».

Another man who taught Tolstoy how to make shoes once said, «The Count was pretty good at it, and believe me, if he were to stick to the job he would make a good shoemaker».

It was during this same period – in the 1880’s – that Tolstoy wrote a number of works: *My Confession*, *My Religion*, *The Kingdom of God is Within You*, and many others. Two folk stories, «Where Love is, There is God», and «What do Men Live By», also written during this period, were considered by my father to be his best literary works.

Some have felt that Tolstoy idealized the peasant. In my opinion he understood and described the psychology of the peasant better than any other Russian writer, and he saw in them traits that were hidden from the eyes of many others – the Marxists, the intelligentsia, the landowners. He uncovered ability and intelligence in the pupils he taught in his school. He demonstrated his understanding of the peasant through the character of Karataev in *War and Peace*, describing the latter’s love of people and animals, his patience and humble acceptance of suffering and

death; and through Ivan the Fool with his simplicity, his deep wisdom and logical mind, unperverted by contradictory scientific debates and political controversies.

In *Anna Karenina* a short conversation with one of the peasants gives the hero, Levin, a great deal to think about. «People are different», the man said, «some live only for themselves, only to fill up their bellies – others – the honest ones, live for their souls, they remember God».

Tolstoy knew as well the darker side of the peasant which he portrayed in the drama *The Power of Darkness*. Here the workman Nikita commits adultery and gradually sinks lower and lower into sin. The girl with whom he lives, gives birth to a child. Nikita kills the child. Finally the spirit of God awakened in his heart. His sins weighed heavily on him. «Don't be afraid, son», his father told him, «Don't be afraid of men, only of God. He is the only one you gave to be afraid of. Go, repent before the people, ask their forgiveness and God will help you...» And here we come to the last most touching scene of the drama. The girl who was seduced by Nikita was about to be married. The women were singing. Suddenly everyone was silent. Nikita came in, fell on his knees, and confessed all his sins to the people, and begged forgiveness.

Tolstoy once said to Prougavin, a writer who for many years studied and wrote about the different sects in Russia: «I owe more to two simple Russian peasants who were scarcely able to read and write than to all the learned writers in the world». One of these was Timothy Bondarev. In 1905 Tolstoy received an article by him with the epigraph: «In the sweat of the brow shall thou eat thy bread». This doctrine fully coincided with Tolstoy's. He immediately got in touch with Bondarev and wrote a preface to his book. «Labor to earn one's bread», Tolstoy wrote, «is a panacea to save humanity. The law that a man must work in order to eat should be regarded as a blessed law of life, an obligation for everyone...» And «then, when that time comes, all men will be united in one God in love towards one another and they will destroy the poverty that oppresses men».

The other peasant-philosopher, whom Tolstoy had in mind while speaking to Prougavin, was Sutaev, who lived with his family in the province of Tver. When asked what was the basis of his philosophy of life, Sutaev answered «it is simple, it is all within you, Love – it's everything». And he and his family lived according to this simple philosophy, spreading love and goodwill around them. They worked hard and during their hours of leisure they read the Gospel and helped their neighbors.

Sutaev corresponded with my Father and later came to Moscow to see him. His oil portrait, done by my elder sister Tatyana, was always in

my Father's study next to another picture of a man Father greatly honored – William Lloyd Garrison.

Other peasant friends included the painter Nicholas Orlov. Orlov used to come to Yasnaya Polyana in the summer, rent a two-room hut in the village and live there with his wife and eight children, painting different scenes of the life of the peasants, showing the miserable conditions in which they lived. In a preface, Tolstoy wrote: «The subject of Orlov's album is the real Russian peasant, not the one who unfortunately learned to build machinery and railways, and not the one who learned about revolutions and parliaments with their differences and parties, but the humble, hard-working Christian – kind and patient people who have devoted their lives to and carry on their shoulders the weight of those who now make them suffer and try to corrupt them... Orlov and I love one and the same thing in the Russian peasant. We love his humble, patient soul, which is enlightened with true Christianity and which promises so much to those who know how to understand it».

My Father received thirty or forty letters daily. During his breakfast he would open his mail and read it, marking the envelopes with N.A. – «no answer» or R – «requests» or ST – «stupid». But most of the letters from the working peasants he answered himself. They were the important ones and were addressed to Lev Nikolaevich Tolstoy rather than to «His Excellency Count Tolstoy». They were important, for they always tackled the most serious questions on the meaning of life, religion, and politics.

As time went by my Father more and more strongly felt the urge to leave what he considered to be a luxurious life, though our home was a very modest one in comparison to other houses of the Russian aristocracy. Not long before his death he wrote a letter to one of his friends, Michael Novikov, telling him that he wanted to come and live in his village and asked Novikov to rent him a peasant hut where he could spend the rest of his days. But at the last moment he changed his mind and decided to join friends in the Caucasus.

Father left home but his dream never came true – he died in a small station-master's house in Astapovo, about two-hundred miles from home. But even on his deathbed, when we wanted to make him comfortable, he thought of those who were so dear to his heart: «Think only how the peasants die...»

Fifty years have gone by. The worst elements of whom Tolstoy was always afraid now rule Russia, but Father's faith in the Russian people is justified. Oppressed by the Communist rulers, driven by force into collective farms, deprived of the freedom of disposing of their produce, persecuted for worshipping God, the peasantry has remained opposed to Communism for sixty years. The Soviet rulers have not been able to

obtain many ardent followers from among the peasants. Neither have they succeeded, in spite of unremitting pressure from the Communist leaders, in destroying in the Russian peasant his faith in God and his devotion to the teachings of Christ. «His soul», as Tolstoy wrote, «is still enlightened with true Christianity, which promises so much to those who know how to understand it».

НРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ ТОЛСТОГО

N. Lossky*

Наружность Л.Н. Толстого чисто русская, и душа у него подлинно русская. Для изучения психологии русского народа его сочинения и особенно история его жизни дают богатый материал. Из этого огромного материала здесь будет рассмотрена только нравственная личность Л.Н., и то лишь со стороны отношения Л.Н. к свободе. Проследивая проявления этой стороны личности Толстого, можно заметить, что хотя внешняя история его жизни и творчества делится на два на первый взгляд резко различные периода, внутренняя жизнь его не содержала в себе разрыва или истерического распада, а составляла органическое единое целое, закончившееся правильным решением одной из труднейших задач человеческой жизни: основное глубочайшее стремление, руководившее первым периодом жизни Л.Н. Толстого, превратилось во втором периоде в новое, еще более высокое, стремление, не отменявшее задачу первой половины его жизни, а впервые давшее ей высшее возможное для человека осуществление.

Вся жизнь Толстого есть типично русское выражение органической потребности во внутренней свободе души. Потребность эта присуща большинству русских людей. Ошибаются те, кто, ссылаясь на отсталость России в проведении в жизнь начал гражданской и политической свободы и на деспотический характер русского правительства, считают русских народом-рабом. Несмотря на все жестокости, насилия и несправедливости, которые терпит ежедневно русский народ, без сомнения, любовь к свободе в нем громадна, но в сочетании с другими свойствами народа из самой этой любви к свободе вытекают такие черты характера, которые лишают народ силы во внешней борьбе и побуждают его искать удовлетворения потребности свободы в совер-

---

* Статья была напечатана впервые в России в журнале «Логос», в 1911 году, 1-ый выпуск. Передана в Записки сыновьями покойного профессора: проф. А.Н. и Б.Н. Лосскими, за что редакция «Записок» приносит им сердечную благодарность.

шенно иных формах, чем это делают, напр., англичане. Любовь к свободе есть вместе с тем ненависть к насилию. Представим себе человека, который так возненавидел насилие, что не только страдает, подвергаясь ему, но и сам неспособен применить его к другим лицам даже для защиты своей свободы. Положим, далее, этот человек ясно усматривает, что, кроме рабства внешнего, цепей, тюрем, воспрещений собраний, союзов и т.п., есть еще рабство более глубокое, внутреннее, состоящее в механизировании души, подчинении ее привычкам, выработке не разумных принципов, а мертвого автоматизма. Такой человек пойдет преимущественно по пути развития внутренней свободы и проявит мало умения осуществлять ее вовне, в устройстве государственной жизни.

Из таких людей, мягких, терпеливых и неспособных к резкой защите своих прав, состоит в большинстве русский народ. В таком обществе на низших ступенях его развития, при неорганизованности его, власть неизбежно попадает в руки наиболее наглых и злых. Отсюда становится понятным следующее парадоксальное явление: наше государство – самое деспотическое в Европе, между тем как наше общество, быть-может, самое свободное в мире. С этим не трудно согласиться, наблюдая у нас отношения между родителями и детьми, между учениками и учителями, между студентами и профессорами, между мужчиною и женщиною: это сказывается в отношениях нашего общества к браку, к сословным различиям, к милитаризму и всякому бряцанию оружием, к формам и темам искусства, к научным теориям; это сказывается даже в мелочах, напр., в отношении к формам одежды, к формам вежливости и т.п. Быть-может в нас заложено стремление к такой безмерной свободе, которая осуществима только на высочайших ступенях культуры, не достигнутых еще человечеством, и деспотические формы нашего государства играют роль защитного приспособления, временно предохраняющего общество от соблазнов, непреодолимых для неокрепшего малокультурного сознания.

Однако возвратимся к Л.Н. Толстому. Жизнь его, как сказано выше, есть образец правильного решения проблемы свободы. Сначала и до конца Толстой проявляется как существо, не выносящее никаких пут, особенно внутренних. Свободолюбие есть органическое свойство его души, столь глубокое, столь оснвное, что оно входит, как элемент, во все его интересы и во все даваемые им решения проблем. В условиях человеческой жизни, бесконечно малой части бесконечно большого мира, осуществление свободы принадлежит к числу труднейших задач, поэтому тот, кто остро чувствует потребность свободы, ежеминутно испытывает страдания от столкновений с миром, то чувствуя себя угнетаемым, то сознавая себя угнетателем. Жизнь Л.Н. Толстого была полна этими страданиями до тех пор, пока во

втором периоде ее он не нашел начала более высокого, чем свобода, приносящего с собою, между прочим, и свободу. Посмотрим сначала, в какой форме обнаруживал Л.Н. Толстой жажду свободы, потом – какие страдания она внесла в его жизнь и, наконец, какой он нашел способ освободиться от них.

Первое воспоминание Л.Н. Толстого из самого раннего детства относится к пеленанию: «я связан; мне хочется выпростать руки и я не могу этого сделать, и я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик; но я не могу остановиться...» «это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страдания, не сложность, противоречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и я, кому сила нужна, я слаб, а они сильны»¹. К раннему детству относятся также воспоминания о посещении какого-то родственника, гусара князя Волконского. «Он хотел приласкать меня и посадил на колени и, как часто это бывает, продолжая разговаривать со старшими, держал меня. Я рвался, но он только крепче придерживал меня. Это продолжалось минуты две. Но это чувство пленения, несвободы, насилия до такой степени возмутило меня, что я вдруг начал рваться, плакать и биться».² Угроза розгою со стороны гувернера Thomas за какой-то ничтожный проступок вызвала в ребенке Толстом «ужасное чувство негодования и возмущения и отвращения не только к Thomas, но и к тому насилию, которое он хотел употребить надо мною. Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием, которое испытываю всю свою жизнь».³

Уже в восемнадцатилетнем возрасте он разсуждает о том, как человек может стать независимым от общества. «Общество есть часть мира. Надо разум согласовать с миром, с целым, познавая законы его, и тогда можно стать независимым от части, от общества».⁴

С детства он проявлял склонность итти наперекор принятым формам общежития. Например, говорят, что будучи ребенком, он, «входил в залу и кланялся задом, откидывая голову назад и шаркая». По словам М.Н. Толстой, сестры Л.Н., «он всегда отличался оригинальностью, переходившей нередко в самодурство». Она рассказывает, как в 1860 году, когда они жили во Франции в Nyères, Л.Н. был приглашен на вечер к княгине Дундуковой-Корсаковой. «Там собралось все высшее общество и главным сloc этого вечера должен был быть Л.Н., и, как нарочно, он долго не приходил. Общество стало уже

---

1 Собр. соч. графа Л.Н. Толстого. Изд. 11, ч. XII. Первые воспоминания, стр. 449 с.

2 Бирюков, Л.Н. Толстой, 1, стр. 90.

3 Там же, стр. 95.

4 Там же, стр. 143

унывать, у хозяйки истощился уже весь запас занимания общества и она с грустью думала о своем *soirée manquée*, но, наконец, уже очень поздно, доложили о приезде графа Толстого. Хозяйка и гости оживились, и каково же было их удивление, когда в гостиную вошел Л.Н. в дорожной одежде и в деревянных сабо. Он совершал какую-то длинную прогулку, с этой прогулки, не заходя домой, явился прямо на вечер и стал всех уверять, что деревянные сабо, самая лучшая, самая удобная обувь и что он всем советует ею обзавестись. Ему и тогда уже все прощалось, и вечер из-за этого стал еще более интересным».¹

Фет в своих «Воспоминаниях» говорит, что он с первой минуты заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений».² На вопрос П. Бирюкова об отношении его к общественным настроениям эпохи шестидесятых годов он сам ответил, что «всегда противился невольно влияниям извне, эпидемическим, и если тогда был возбужден и радостен, то своими особенными, внутренними мотивами, теми, которые привели меня к школе и общению с народом».³

Л.Н. не кончил курса в университете. Одна из причин этого обстоятельства заключается в том, что он не способен был к деятельности, для которой рамки поставлены ему извне. Он сам указывает на эту причину: «как это ни странно сказать, работа с «Наказом» и «*Esprit des lois*» (она и теперь есть у меня) открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».⁴ Способность к чрезвычайно напряженному, но всегда самостоятельному умственному труду он не раз доказал в течение своей жизни, напр., когда в 1870 г. изучил греческий язык настолько, что через несколько месяцев стал читать Ксенофонта без словаря.

Особенно интересно в Л.Н. Толстом отвращение ко всякой внутренней связанности в себе и восхищение людьми, свободными во всех своих внутренних проявлениях. По поводу своих отношений к брату Сергею он говорит: «Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им. Я восхищался... в особенности как ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Я всегда себя помнил, себя сознавал, всегда чуял, ошибочно или нет, то, что думают обо мне и чувствуют ко мне другие, и это портило мне радости жизни».⁵

---

1 Бирюков, стр. 384.

2 Там же, стр. 271, цитата из А. Фета.

3 Там же, стр. 397.

4 там же, стр. 131.

5 Бирюков, стр. 87.

В автобиографической повести «Казачи» он, без сомнения, имея в виду себя, следующим образом описывает Оленина: «Оленин был юноша, нигде не окончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в таком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырех лет не избравший еще себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший». «Для него не было никаких – ни физических, ни моральных – оков; он все мог сделать и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что не верил и ничего не признавал. Но, не признавая ничего, он не только не был мрачным, скучающим и резонирующим юношей, а напротив, увлекался постоянно... Но отдавался он всем своим увлечениям лишь настолько, насколько они не связывали его. Как только, отдавшись одному стремлению, он начинал чувствовать приближение труда и борьбы, мелочной борьбы с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свою свободу».¹

Не трудно догадаться, каков должен быть идеал жизни у человека с таким характером. Восемнадцать лет Толстой пишет в своем дневнике: «цель жизни есть сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего».² Достигнув возраста семидесяти четырех лет, он говорит: «человек всякий живет только за тем, чтобы проявить свою индивидуальность».³

Это счастье – сполна проявить свою индивидуальность и осуществлять всестороннее развитие ее – было достигнуто Толстым в необычайно широких размерах. Полнота его жизни изумительна. Его увлечения и деятельности так разнообразны, что могли бы составить содержание десятка обыкновенных человеческих жизней. Опасности войны, наслаждения художественного творчества, прилежные и плодотворные занятия педагогической деятельностью в школе для крестьянских детей, изучение греческого языка, использованное для перевода и критики Евангелия, изучение еврейского языка для критики Ветхого завета, изучение исторических документов, относящихся к наполеоновским войнам, занятия сельским хозяйством и в роли помещика и в роли пахаря-земледельца, занятия ремеслами, пчеловодство, коневодство, музыка, скульптура, всевозможные виды спорта, – неужели одна жизнь могла вместить все это обилие интересов и увлечений!

---

1 Собр. соч. II, стр. 104 с.

2 Бирюков, стр. 145.

3 Собр. соч. IV, Мысли о воспитании, стр. 392.

Все свои деятельности Толстой осуществлял с чрезвычайною страстностью, везде он проявлялся, как могучая индивидуальность. Без сомнения, на его долю выпали минуты такого интенсивного счастья, какого не переживают люди, идущие по узкому проторенному пути, но, с другой стороны, его жизнь не менее полна и страданиями. Они неизбежны и неустранимы, поскольку индивидуум стремится свободно проявляться в формах личной жизни и на каждом шагу наталкивается на ограничения. ее. Эти страдания нередки в первый период жизни Толстого. Самое интенсивное из них было вызвано сознанием неизбежности такого насилия над личностью, как смерть, уничтожающая всякий смысл личной жизни, как таковой. Состояние крайнего угнетения, вызванное размышлениями о смерти и едва не приведшее Толстого к самоубийству, в захватывающей форме изображено им в «Исповеди». Оно было одним из важнейших мотивов, создавших перелом в его жизни.

Менее интенсивны, но зато более многочисленны были страдания, вытекавшие из столкновений личной жизни Толстого с жизнью других людей. Инстинктивно стремясь к свободному проявлению своей индивидуальности, Толстой в первом периоде своей жизни не вполне осознает пределы чужой свободы и нередко нарушает ее. Правда, это случается с ним только в столкновениях с равными себе. Высокое благородство его натуры сказывается в том, что, приходя в соприкосновение с беззащитными и угнетенными существами, с детьми, бедными людьми, крестьянами, он чрезвычайно чутко подмечает и устраняет все то, что содержит в себе хотя бы намек на насилие. В этом отношении особенно поучительна его педагогическая деятельность и педагогические статьи.¹

Единственный критерий правильной педагогической деятельности, по его мнению, есть свобода.² Воспитание, как «стремление одного чеповека сделать другого таким же, каков он сам»,³ ненавистно Толстому. Единственно допустимое влияние одного человека на другого заключается в воспитательном значении примера, т.е. самосовершенствования воспитателя,⁴ и в образовании, которое сводится лишь к передаче «сведений знаний», которое «свободно и потому законно и справедливо».⁵ Навязывание народу развития «с направлением» Толстой, конечно, горячо порицал.⁶

---

1 Собр. соч., IV.

2 Там же, стр. 30 и др.

3 Там же, стр. 102.

4 Там же, стр. 389.

5 Там же, стр. 134, 130.

6 Бирюков, II, 139.

Никаких наказаний и принудительной школьной дисциплины он не допускал. Его идеалом был «свободный порядок» среди детей, отделившихся благодаря индивидуализирующему влиянию школы от «табунного чувства», идущих в школу с любовью к ней и не чувствующих никакого гнета: «мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера он не обязан помнить нынче. Его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера».²

На этой почве у Л.Н. Толстого создались такие отношения к детям, которые можно признать образцом высших совершеннейших форм общения между людьми. Его описание этих отношений, напр., того, как двое крестьянских детей вместе с ним писали художественный рассказ, или как он с крестьянскими ребятами гулял в лесу зимним вечером после школьных занятий, нельзя читать без сильного волнения и чувства какого-то особенного удовлетворения.³

Несмотря на свое сочувствие к слабым и угнетенным, Л.Н. отрицательно относился к либеральным планам преобразования государства, полагая, что изменение внешних форм жизни не может улучшить человека. Точно так же, будучи противником насилий, он отрицательно относился к деятельности революционеров. Но с другой стороны, всякая встреча с безцеремонными проявлениями деспотизма нашей государственной власти вызывала в нем бурный протест. В 1862 г. в «Ясной Поляне», в отсутствие Л.Н., был произведен обыск. «Какое огромное счастье», говорил Л.Н., «что меня не было дома. Ежели бы я был, то теперь, наверно бы, уж судился, как убийца». Ожидая второго обыска, он держал пистолеты заряженными, хотел эмигрировать и, наконец, решив лично жаловаться государю Александру II, подал ему в Москве просьбу об удовлетворении.

В отношениях с равными себе Толстой в первый период своей жизни иногда вторгался в пределы чужой свободы. В молодости, мечтая о семейной жизни, он, повидимому, склонен был представлять свое отношение к жене, как отношение воспитателя, стоящего всегда на некотором отдалении и высоте над воспитанником. Такова, напр., чрезвычайно характерная картина отношений между мужем и женою в «Семейном счастье», романе, написанном Толстым после того, как его мечты о семейном счастье с В. не осуществились.

---

1 Бирюков, II, 139.

2 Собр. соч., IV, стр. 205, 204, 209.

3 Там же. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? Стр. 174-202. Ясно-Полянская школа, стр. 220-227.

В сфере идейной борьбы страстному человеку особенно трудно удержать себя в границах дозволенного. В своем дневнике (под 7 июля 1854 г.) Толстой сам называет себя человеком «раздражительным» и «нетерпимым». И, в самом деле, люди, знавшие Толстого лично в первом периоде его жизни, отмечают его задорную склонность к противоречию и протесту. Григорович в своих «Литературных воспоминаниях» рисует его следующим образом: «Какое бы мнение ни высказывалось и чем авторитетнее казался ему собеседник, тем настойчивее подзадоривало его высказать противоположное и начать резаться на словах. Глядя, как он прислушивался, как всматривался в собеседника из глубины серых, глубоко запрятанных глаз, и как иронически сжимались его губы, он как бы заранее обдумывал не прямой ответ, но такое мнение, которое должно было озадачить, сразить свою неожиданностью собеседника. Таким представлялся мне Толстой в молодости. В спорах он доходил иногда до крайностей».¹

Без сомнения, на этой почве у него возникало не мало мучительных столкновений. Такова, наприм., была ссора его с Тургеневым, воспоминание о которой мучило его в течение восемнадцати лет, пока, наконец, во втором периоде своей жизни он не устранил всякую тень вражды, написав Тургеневу письмо в духе христианского смирения.

Свободное развертывание своей индивидуальности по всевозможным направлениям – таково содержание жизни Толстого. Без свободы он не может представить себе жизни, всякое малейшее насилие есть уродование души, нарушение ее гармонии.²

Но как осуществить такую полную свободу, которой требует душа Толстого? Не безумие ли требовать свободы, будучи такою ничтожною дробью мира, как человек? Какой-нибудь пустяк, напр., речь моего соседа, обращенная даже не ко мне, есть уже насилие надо мною: она вторгается помимо моей воли в мое сознание, отрывает меня от спокойного течения мыслей, раздражает меня, и я не в силах, а главное не в праве, помешать ей. Живя в таком мире, человек, настолько чуткий к свободе, как Толстой, не обречен ли на непрерывные и безвыходные страдания? Да, без сомнения, Толстой не мало страдал, но выход из страданий он нашел и, усмотрев его, с страстною решительностью пошел по новому пути. Этот путь – любовь. Если я не люблю человека, то звуки его голоса, как отвратительный треск, врываются в мое сознание назойливее грохота ломовой телеги, нагруженной железом; но если я его люблю, то слова, даже и раз-

---

1 Григорович, т. XII, стр. 327.

2 Собр. сч., IV, стр. 201.

давшиея неожиданно, среди моих занятий, как музыка, охотно подхватываются мною, и насилия надо мною нет.

Расширение любви есть спасение личности от гибели, указание этого пути есть сущность христианства, которое говорит: »живи сообразно твоей природе (подразумевая божественную природу), не подчиняя ее ничему – ни своей, ни чужой животной природе, – и ты достигнешь того самого, к чему ты стремишься, подчиняя внешним законам свою внешнюю природу».¹ Любовь есть надежный путь жизни, на котором не встречается «ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, ни пресыщения им».² Идущий по этому пути «перенес свою жизнь в ту область, в которой она свободна»,³ и достиг жизни «блаженной и безконечной», свободной от страха смерти, так как, человек, живущий разумно, не дорожит пространственно-временною личною жизнью, а пребывает в той области своего бытия, о которой можно сказать: «я есмь – никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь».⁴

И, действительно, во втором периоде своей жизни Толстой примирился с фактом смерти, часто заявлял о спокойном и радостном ожидании ее, сознавая в себе в то же время нарастание радости жизни и чувства «благодарности за благо жизни».⁵

Нужна исключительная одаренность, чтобы так решительно вступить на путь проповеди любви и осуществления ее, как это сделал Толстой после своей «Исповеди». В сочинениях и письмах первого периода он часто говорит о счастье любви и сознании в себе умения любить. Но все же в этом отношении есть разница между первым и вторым периодом его жизни. В первом периоде он смотрит на любовь только как на средство для достижения свободы или счастья, средство, за которое он хватается, когда чувствует себя несчастным, и иногда даже сомневается в нем, находя, что проповедь любви есть разсуждение которым утешают себя несчастные. Наоборот, во втором периоде он сознает любовь, как сущность души, и интересно обосновывает эту мысль путем исследования понятия «характера», как совокупности стремлений, т.е. как совокупности проявлений любви к одному, а не к другому.⁶ Как сущность души, любовь не есть средство для достижения какой-либо вне ее лежащей цели, она ни на что не рассчитывает, она есть

---

1 Толстой. Царство Божие внутри вас, 1894, I, стр. 153, 154.

2 Собр. соч. XI. Из «О жизни», стр. 417.

3 Собр. соч. XI. К вопросу о свободе воли, стр. 580.

4 Там же, из книги «О жизни», стр. 432.

5 Письма Л.Н. Толстого, собр. П. Сергеевко, № 273.

6 Собр. соч., XI. Из книги «О жизни», стр. 438.

цель сама по себе,¹ но следствием ее являются и те блага, которые Толстой считал высшими в первый период своей жизни: полная свобода и полная удовлетворенность.

Что нового в этой проповеди любви? Ведь она стара, как мир, и после Христа к ней никто ничего не прибавил? Толстой знал об этой иллюзии, будто нравственные истины давно уже известны. «Сообщите», говорит он, «человеку самую высокую нравственную истину, выраженную самым ясным, сжатым образом, так, как она никогда не выражалась, – всякий обыкновенный человек, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тем более такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти, непременно скажет: «Да кто ж этого не знает? Это давно известно и сказано». Ему, действительно, кажется, что это давно и именно так сказано. Только те, для которых важны и дороги нравственные истины, знают, как важно, драгоценно и каким длинным трудом достигается уяснение, упрощение нравственной истины – переход из ее туманного неопределенно сознаваемого предположения, желания, из неопределенных, несвязных выражений, в твердое и определенное выражение, неизбежно требующее соответствующих ему поступков».²

Толстой прав. Проповедь любви присуща, правда, всем высшим формам религии. Но общего провозглашения этого принципа недостаточно; нужна упорная работа множества гениев нравственности, чтобы открыть все следствия, вытекающие из него, найти пути для осуществления их, отразить все софистические выводы лживого ума, усыпляющего совесть, и разоблачить все приемы одурманения совести.

На этом поприще Толстой не мало потрудился и многого достигнул. Правда, в его сочинениях есть десятки страниц, заполненных именно тем, что он сам считает лишь первую стадией выражения нравственной истины, «туманными, неопределенно сознаваемыми предположениями, желаниями», на этих страницах можно найти не мало противоречий (напр. тогда, когда он определяет цель жизни, как любовное служение страдающим, а страдание считает результатом преступления человеком закона своей жизни,³ так что оказывается, что цель жизни может быть достигнута человеком только в том случае, если другие люди не будут осуществлять цели своей жизни), но рядом с этим у него повсюду разсеяны сверкающие перлы этического сознания. Упомянем здесь только об особенных заслугах Толстого в освещении социально-психологической стороны нравственной жизни. Свою способность проникать в психическую жизнь челове-

---

1 Толстой. Царство Божие внутри вас, 1894, I, стр. 154.

2 Толстой. Так что же нам делать? Гл. XII, стр. 95.

3 Сбор. соч. XI, 470, 472.

ских масс он блестяще обнаружил в художественных произведениях, особенно в «Войне и мире». Некоторые из его художественных описаний того, как механизм государственной власти отражается в душе индивидуума, напр. изображение разстрела французами пленных русских в Москве, имеет громадное значение для моралиста. В своих этических сочинениях он дает весьма интересные указания на усыпляющее совесть влияние городской жизни, на обособление людей друг от друга, вызываемое разделением труда и т.п.

Сосредоточением внимания на нравственной стороне общественной и государственной жизни определено понимание христианства, данное Толстым. Исторические формы враждующих между собою «видимых» христианских церквей оттолкнули его от себя, в особенности своим отношением к инославным и защитой различных видов насилия, производимого государством. Изобличение этих недостатков церкви выполнено Толстым с огромною силою, но, пожалуй, главная его заслуга здесь заключается в одном открытии, изображающем проповедь Христа в необычном свете и требующем, конечно, проверки со стороны специалистов. Обыкновенно говорят, что учение Христа относится к сфере личной нравственности и не касается вопроса о строе государственной жизни. Толстой держится иного мнения. Сущность христианства, говорит он, состоит в проповеди любви и выражается в пяти заповедях, имеющих целью устранить поводы раздора между людьми. Эти заповеди таковы: 1) не сердись, 2) не блуди (т.е. если ты вступил в плотский союз, не нарушай его для вступления в союз с другим лицом), 3) не клянись, 4) не противься злу злом (откуда в качестве следствия получается предписание: не судите, чтоб не судиться и не присуживайте никого),¹ 5) не войей.² Из этих пяти заповедей большая часть, именно три последние, согласно толкованию Толстого, прямо имеют в виду государственную жизнь, и исполнение их ведет к упразднению государства, как строя жизни, основанного на насилии.

Однако воздержание от всяких видов насилия еще не решает вопроса о правильном поведении. Кроме знания о том, чего не надо делать, или что нужно делать в экстренных случаях, необходимо еще более важное знание, что делать ежедневно, ежеминутно. На этот вопрос у Толстого есть чрезвычайно простой и ясный ответ, содержащий в себе бесспорную истину: каждый человек должен выполнять все основные виды деятельности, необходимые для создания

---

1 Лк. VI, 37. Перев. Л.Н. Толстого в соч. «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий».

2 Доводы в пользу такого понимания текста Мр. V, 43-45 и Лк. VI, 32-35, там же, а также в соч. «В чем моя вера».

благ, в которых нуждается человечество: «Деятельность человека, которая влечет его к себе, разделяется на 4 рода: 1) деятельность мускульной силы, работа рук, ног, плеч, спины, тяжелый труд, от которого вспотеешь; 2) деятельность пальцев и кисти рук, деятельность ловкости мастерства; 3) деятельность ума и воображения; 4) деятельность общения с другими людьми. И те блага, которыми пользуется человек, тоже можно разделить на четыре рода. Всякий человек пользуется, во-первых, произведениями тяжелого труда: хлебом, скотиной, постройкой, колодцами, прудами и т.п., во-вторых, деятельностью ремесленного труда: одеждою, сапогами, утварью и т.п., в третьих, произведениями умственной деятельности: наук, искусств, и в четвертых, установлением общения между людьми: знакомствами и т.п. И мне представилось, что лучше всего было бы так чередовать занятия дня, чтобы упражнять все четыре способности человека и возвращать все четыре рода произведений, которыми пользуешься так, чтобы четыре упряжки были посвящены: первая – тяжелому труду, другая – умственному, третья – ремесленному и четвертая – общению с людьми. Хорошо, если можно устроить так свою работу, но если нельзя, одно важно, чтобы было сознание обязанности на труд, обязанности употреблять на дело каждую упряжку».¹

Толстой указывает многочисленные благотворные следствия такой организации труда. Главнейшие из них – восстановление полноты индивидуальной жизни, нарушенной неправильным разделением труда, восстановление физического и умственного здоровья, устранение обособления между людьми, вызванного крайним различием в занятиях, успокоение совести, мучимой сознанием несправедливого неравенства в распределении благ и труда и, наконец, устранение опасностей революции. В обществе людей, проводящих свою жизнь в таком труде, на основании христианского сознания, по мнению Толстого, не может быть мотивов для сложения государственного строя, так как в нем одни не стремятся господствовать над другими, а государство, по мнению Толстого, есть не более, как организованная эксплуатация одних людей другими с помощью гипноза, подкупа, устрашения и насилия. Совершенная христианская любовь неизбежно сопутствуется совершенной свободой, при которой государству с его насилиями (присягою, судом, казнями, войнами) нет места!

По мнению Толстого, русский народ более всего склонен к такому строю жизни: в нем «особенно со времени Петра I никогда не прекращался протест христианства против государства»; среди русского народа «устройство жизни таково, что люди общинами уходят в

---

¹ Толстой. Так что же нам делать? Гл. XXXVIII.

Турцию, в Китай, в необитаемые земли и не только не нуждаются в правительстве, но смотрят на него всегда как на ненужную тяжесть и только переносят его как бедствие».¹

Без сомнения, Толстой впал в крайность, типичную для русского человека, усматривая в государстве только зло и полагая, что совершенная общественная жизнь требует полного упразднения государства. Однако идеал, резко выдвинутый им, – создание такого общежития, при котором социальное целое не подавляло бы и не обедняло бы (путем неправильного разделения труда) индивидуальности человека, а также не насиловало бы совести, настоятельно требует осуществления. По мере развития человеческой личности, раскол между требованиями совести и складом государственной и общественной жизни становится все более глубоким, положение делается невыносимым и опасным. Не даром весь мир прислушивался с таким вниманием к голосу Толстого, как к голосу внутренней совести всего человечества. При встрече с Толстым всякое честное правительство, искренне стремящееся к добру, должно, несмотря на все обидные замечания, вырывающиеся у Толстого, почтительно встать и не препятствовать, а содействовать распространению его сочинений. К тому же борьба с Толстым бессильна, так как добро неискоренимо. «Церковь, составленная из людей не обещаниями, не помазанием, а делами истины и блага, соединенными воедино – эта церковь всегда жила и будет жить». «Мало, много ли теперь таких людей, но это та церковь, которую ничто не может одолеть, и та, к которой присоединяются все люди».

«Не бойся малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. XII, 32).

---

¹ Толстой. Царство Божие внутри вас. 1894. II, стр. 31.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ПО ПОРТРЕТАМ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Е. Klimoff*

Толстой привлекал многих русских художников не только силой своего творческого дара, но и своим внешним обликом.

Первым русским художником, написавшим портрет Льва Толстого с натуры, был И.Н. Крамской. Портрет был заказан П.М. Третьяковым для его галереи. Иметь в своем собрании портрет Л. Толстого было давнишней мечтой Третьякова. Еще в 1869 г. он обратился к А.А. Фету с просьбой убедить Толстого позировать для портрета. Толстой ответил категорическим отказом. У Третьякова было желание собрать портреты современных ему писателей и он поручал исполнение портретов разным художникам.

С такой просьбой о портрете Толстого Третьяков обратился к Крамскому, который к 1870-м годам был уже известным художником, автором картин «Христос в пустыне», «Русалки», а также автором ряда портретов. Третьяков считался с мнением Крамского и часто советовался с ним по поводу покупки картин.

Крамской отвечает Третьякову 1 августа 1873 года: ...«я употреблю все старания, чтобы написать портрет графа Толстого, который оказывается моим соседом – в 5 верстах от нас его имение в селе Ясная Поляна. Я уже был там, но граф в настоящее время в Самаре и воротится в имение в конце августа...»

Обрадованный Третьяков отвечает 8 августа 1873 года: «Сама судьба благоволит нашему предприятию... Дай Бог Вам успеть! хотя мало надежды имею, но прошу Вас сделайте одолжение для меня, употребите все Ваше могущество, чтобы добыть этот портрет». По этому письму видно, насколько Третьяков был заинтересован в получении портрета, но сам Толстой отнесся вначале к мысли о портрете отрицательно. Он был занят работой над романом «Анна Каренина» и только настойчивость Крамского убедила Толстого в необходимости позировать для портрета. Крамской сообщает Третьякову 5-го сентября

---

* Eugene Klimoff - Artist and Historian of Russian Art.

1873 года: «Граф Лев Николаевич Толстой приехал, я с ним видался и завтра начну портрет... разговор мой продолжался слишком 2 часа, 4 раза я возвращался к портрету и всё безуспешно; никакие просьбы и аргументы на него не действовали, наконец, я начал делать уступки всевозможные и дошел в этом до крайних пределов. Одним из последних аргументов с моей стороны был следующий: «я слишком уважаю причины, по которым Ваше Сиятельство отказываете в сеансах, чтобы дальше настаивать, и, разумеется, должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет, но ведь портрет Ваш должен быть и будет в галерее. «Как так?» Очень просто, я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через 30, 40, 50 он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно». Он задумался, но всё-таки отказал, хотя нерешительно. Чтобы наконец кончить, я начал ему делать уступки и дошел до следующих условий, на которые он и согласился: во 1-ых, портрет будет написан, и если почему-нибудь он ему не понравится, будет уничтожен... он бы хотел иметь портрет и для детей... исход из этого, это написать с натуры 2 раза совершенно самостоятельно, и уж от него будет зависеть, который оставить ему у себя и который поступит к Вам. На этом мы расстались и порешили начать сеансы завтра... Не знаю, что выйдет, но постараюсь, написать мне его хочется».

С.А. Толстая в письме к В. Стасову сообщает: «Крамской приехал в Ясную Поляну сам и своей симпатичной личностью и беседою привлек Льва Николаевича, и он согласился на портрет».

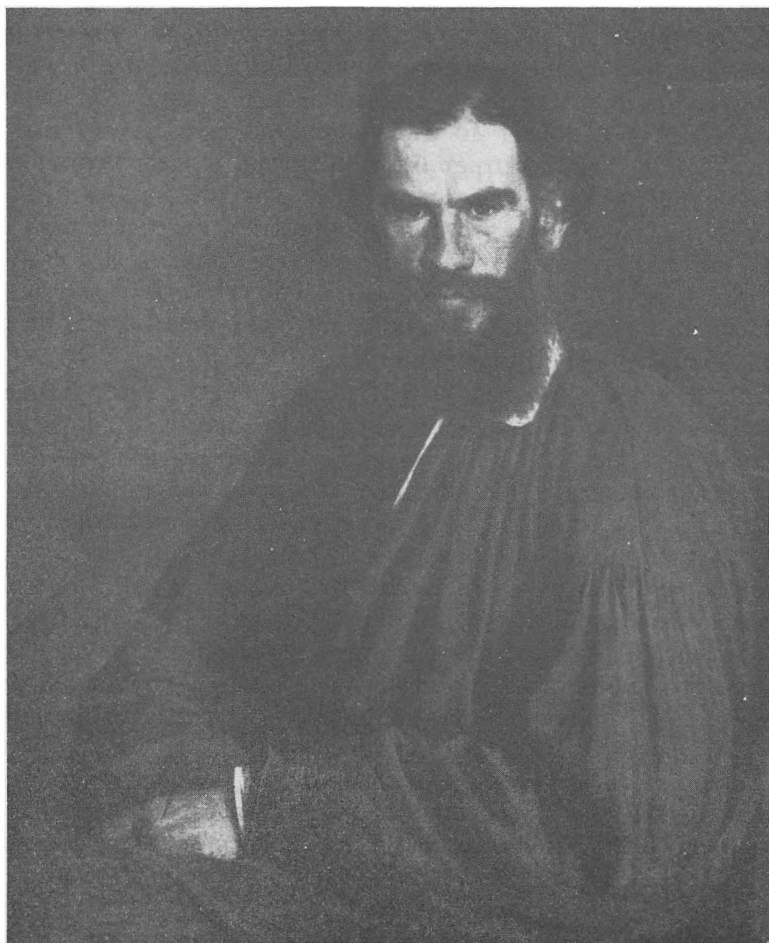
Сеансы начались 6 сентября 1873 г. и происходили ежедневно по 3-е октября. Крамской писал поочередно два портрета писателя. Известие о начале работы обрадовало Третьякова. «Я так и думал, – пишет он Крамскому, – что только Вам и удастся убедить неубедимого – поздравляю Вас... Дай Вам Бог успеха...»

О том, как велась работа над двумя портретами, Крамской пишет Третьякову: «после третьего сеанса он и жена его были довольны портретом, на следующий раз я привожу другой холст и начинаю новый, бóльший, а тому даю время сохнуть. Когда и этот портрет был поставлен на ноги, графиня говорит мне – лучше этого, второго, сделать нельзя, то же говорит и граф, прибавляя, что ему будет совестно оставить этот лучший у себя... ограничиваюсь замечанием, что надо оба портрета сделать так, чтобы выбор был затруднителен... вчера, наконец, мне удалось и первый поправить настолько, что он, по общему их отзыву, стал лучше второго... Оба портрета далеко, очень далеко не кончены ни в сходстве, ни в живописи, они только решительно подмалёваны...»

Первый портрет остался в Ясной Поляне, а несколько бóльший

вошел в собрание Третьякова. Насколько известно, только голову писателя Крамской писал с натуры, а голубая «толстовка» писалась уже накинутой на чучело, но это не отразилось на общем впечатлении от портрета, который надо считать одним из лучших изображений писателя.

Взгляд Толстого, спокойный и внимательный, направлен в упор на зрителя и как будто пронизывает его наскозь. Вместе с тем в писателе

И.Н. Крамской
Портрет Л. Толстого 1873 г.

чувствуется человек, крепкий физически и обладающий силою воли. Работая в это время над романом «Анна Каренина», Толстой в образе художника Михайлова, которого Анна и Вронский встретили в Италии, отобразил некоторые черты Крамского. Михайлов и Крамской относятся к искусству чрезвычайно строго и взыскательно. Крамской писал: «Искусство может исполнять роль несколько более высшего порядка, чем украшение и забава жизни», – и это своё исповедание воплотил в портрете Толстого.

Таким образом знакомство с Толстым послужило к созданию двух портретов и к появлению образа художника Михайлова в романе «Анна Каренина».

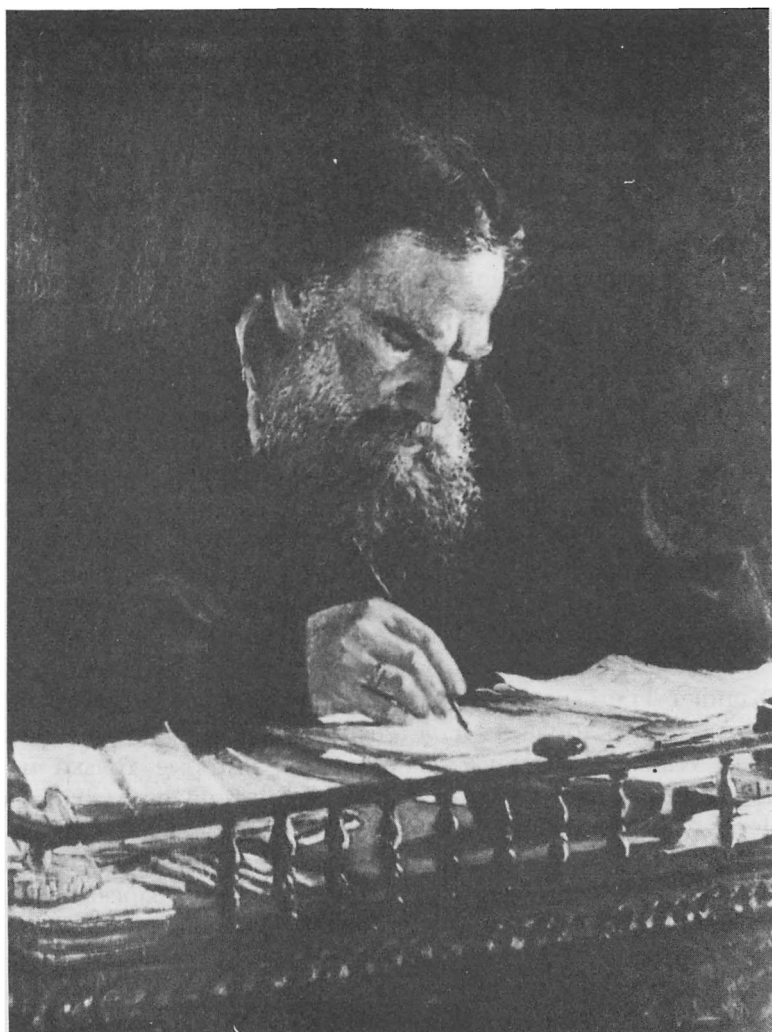
Через 5 лет, в 1878 г., Толстой дал согласие на посылку его портрета из галереи Третьякова в Париж на выставку, что говорит о том, что своим портретом он был доволен. Но по желанию самого Толстого портрет не был показан в своё время на Передвижной выставке. Стасов сожалел, что портрет выдающегося писателя, принадлежащий в то же время к лучшим творениям Крамского, остается неизвестным современникам. Это побудило его содействовать тому, чтобы портрет был включён в число произведений экспонируемых на Парижской всемирной выставке 1878 г.

Еще за месяц до начала работы над портретом Толстого, Крамской пишет Третьякову: «Я работаю, т.е. начинаю работать, картину «Осмотр старого дома»... Меня теперь озабочивает разыскание старой барской усадьбы... нужны такие детали, которые только и могут быть в доме, где не жили около 20 лет. А где этакую штуку сыщешь?»

Через два года Крамской пишет Третьякову: «Я еду на юг... в Тулу к графу Толстому, и полагаю у него остановиться, так как неподалеку есть одно место для картины (старая барская усадьба)». Так что в некотором отношении картина Крамского «Осмотр старого дома» связана с посещением Толстого.

Следующий по времени портрет Л. Толстого исполнил в 1884 г., т.е. через 11 лет после Крамского, Николай Николаевич Ге. Художник рассказывает: «В 1882 году случайно попало мне слово великого писателя Л.Н. Толстого «О переписи» в Москве... Я нашел тут дорогие для меня слова... Я еду в Москву обнять этого великого человека и работать ему... я безгранично полюбил его, он всё открыл». Ге едет в Москву и знакомится с Толстым; ко времени знакомства с Л. Толстым Ге был уже автором известных картин «Гайная Вечеря» и «Петр и царевич Алексей». Им же были написаны портреты Костомарова, Герцена и др. Ге был также одним из учредителей Товарищества Передвижных Выставок.

Н.Н. Ге

Л. Толстой за работой 1884 г.

С удивительной правдивостью передал Ге сосредоточенного Толстого, сидящего за письменным столом в своем Хамовническом доме, всецело погруженного в работу. Писатель никого не замечает, он весь ушел в обдумывание своей статьи «В чем моя вера». Листы рукописи, книги, чернильница загромождают стол. В облике Толстого заметна перемена по сравнению с портретом Крамского, – в бороде видна уже сильная проседь.

Толстой оказал большое влияние на Ге. Художник доверял писателю, считался с его мнением, посылал ему на отзыв свои картины, исполнил несколько иллюстраций к его рассказам. Толстой поддерживал начинания Ге и писал ему: ... «надо, надо до смерти делать всё, что можно... Портреты Ваши отличны, спасибо». Поддерживало Ге несомненно высказывание Толстого, что «наука и искусство без религиозной основы – вздор и зло» и что «задушевность составляет необходимое условие художественных произведений».

В письме к Л.Ф. Анненковой в 1884 г. Толстой пишет: «Вы уже знаете, верно, про смерть нашего друга Н.Н. Ге. Не помню, чтобы какая-либо смерть так сильно действовала на меня. Как всегда при близости смерти дорогого человека стала очень серьёзной жизнь, яснее стали свои слабости, грехи, легкомыслие, недостаток любви, одного того, что не умирает, и просто жалко стало, что в этом мире стало одним другом, помощником, работником меньше...»

Так связались друг с другом писатель и художник.

О первой встрече с Л. Толстым И.Е. Репин вспоминает: «В 1880 году в Москве, в Большом Трубном переулке, в мою маленькую мастерскую... вошел ко мне коренастый господин с окладистой серой бородой, большеголовый, одетый в длинный черный сюртук.

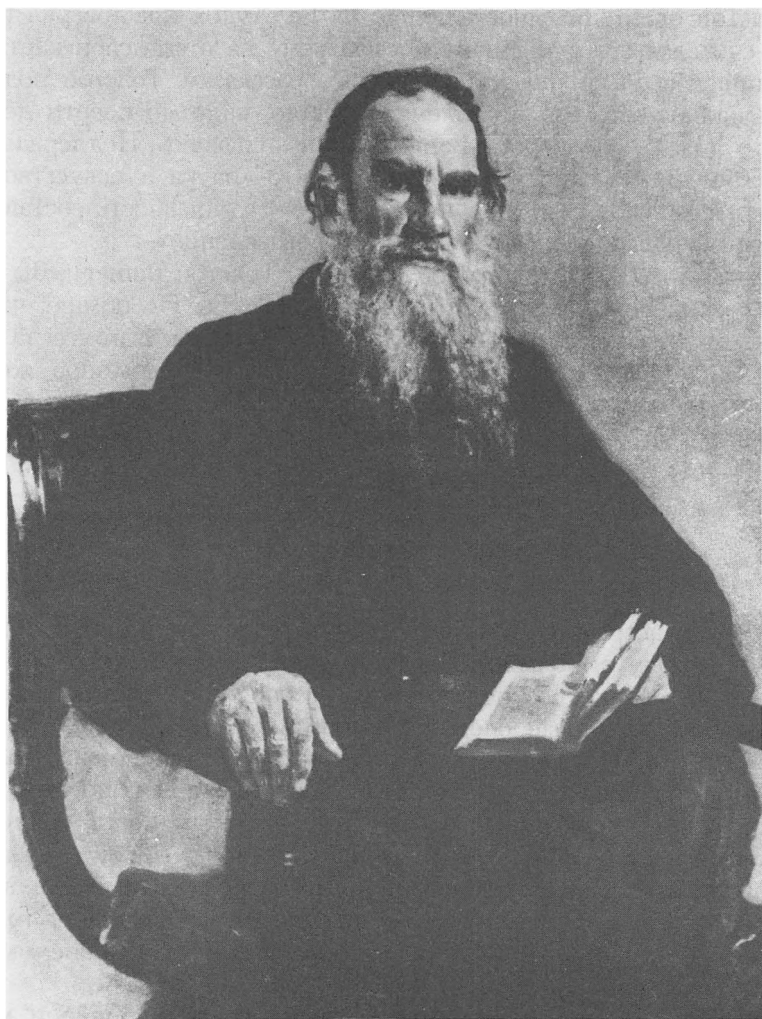
Лев Толстой. Неужели? Так вот он какой! Я хорошо знал только его портрет работы Крамского и представлял себе до сих пор, что Лев Толстой очень своеобразный барин, граф, высокого роста, брюнет и не такой большеголовый... А это странный человек, какой-то деятель по страсти, убежденный проповедник. Заговорил он глубоким, задушевым голосом... При нем, как за гипнотизированный, я мог только подчиняться его воле. В его присутствии всякое положение, высказанное им, казалось мне бесспорным...

Прощаясь, он предложил мне по вечерам, по окончании моей работы, заходить к ним для предобеденной прогулки... Эти прогулки продолжались почти ежедневно, пока Толстые жили в Москве, до отъезда в Ясную Поляну.»

Также, как и в случае с Крамским, Третьяков просит Репина написать портрет Толстого.

Первое посещение Ясной Поляны Репин осуществил только в 1887 году и прожил тогда у Толстого с 9-го по 16-ое августа, когда были им написаны два портрета писателя, в том числе известный портрет сидящего в кресле Толстого с пометкой Репина: «1887, 13-15 августа. Ясная Поляна».

И.Е. Репин
Портрет Л. Толстого 1887 г.

Репин изобразил на этом портрете Толстого сидящим в спокойной позе в кресле. Левою рукою Толстой держит раскрытую книжку, правую положил на подлокотник кресла. Писатель как будто задумался над прочитанным и смотрит не на зрителя, а чуть в сторону. Из под густых нависших бровей видны напряженно-внимательные глаза. Описывая лицо Толстого, Репин говорит: «Широкие скулы, грубо вырубленный нос, длинная косматая борода, огромные уши, смело

и решительно очерченный рот, как у Вия, брови над глазами в виде пандырей. Внушительный, грозный, воинственный вид...»

«Лев Николаевич своей личностью и физиономией, – продолжает Репин, – выражает победу духа над миром собственных житейских страстей. И глаза его ярко светятся обетом этой победы.»

Борода и усы стали у Толстого уже совсем седыми, только пряди волос на голове еще тёмные. Синяя блуза, «толстовка», перетянутая тонким ремнем, оттеняет седину бороды.

Надо поражаться, как мог Репин в три дня написать портрет почти в натуральную величину (123 сантиметра на 88). Способность интенсивно переживать видимое была вообще свойственна Репину: известный портрет Мусоргского Репин написал в 4 сеанса, а портреты

И.Е. Репин

Л.Толстой на пашне. 1891 г.

членов Государственного Совета Репин писал в полтора – два часа. Эта же способность быстро схватывать видимое отразилась и на удивительных рисунках Репина, поэтому его наброски-рисунки Толстого необычайно живы и непосредственны. В 1891 г. Репин снова был в Ясной Поляне, когда много раз рисовал Толстого и помимо набросков написал 3 портрета маслом: Толстой, лежащий под деревом; Толстой

в яснополянском кабинете и Толстой на пашне. По этюдам 1891 г. Репин пишет в 1901 г. босого Толстого в лесу, в белой толстовке. Как всегда, лицо Толстого прекрасно удалось Репину, но есть некоторая нарочитость в показе босого Толстого. Сам Толстой, по свидетельству его сына Сергея Львовича, был недоволен тем, что Репин изобразил его босым. «Недостает только, чтобы меня изобразили без панталон».

Интересно привести слова Сергея Львовича Толстого об отношениях Репина со Львом Николаевичем. «Отец любовался талантом Репина, его техникой, его широкими смелыми мазками и высоко ценил некоторые его картины. Однако его оценка относилась не столько к художественности его картин, сколько к их сюжетам... Отец говорил, что Репин не религиозный человек, что у него нет твёрдых убеждений, что он не знает, что писать, и не знает, что хочет выразить своими картинами...»

«Отношение Репина ко Льву Николаевичу было сложно. Он, разумеется, восхищался им, как художником слова, но я думаю, что он не сочувствовал его этическим и философским взглядам.»

Это не помешало Репину запечатлеть Льва Толстого в многочисленных рисунках и в живописи. Без работ Репина наше представление о великом писателе было-бы неполным.

Не одни только художники-живописцы стремились изображать Толстого, известны и русские скульпторы, создавшие ряд фигур писателя. Скульптор Паоло Трубецкой был в Ясной Поляне в 1899 г. и сделал несколько импрессионистических изображений Толстого, среди которых известен не только бюст писателя, но и небольшие бронзовые фигурки Льва Николаевича. В скульптурах Трубецкого чувствуется влияние Родэна, всё полно движения. В год общения с Трубецким Толстой пишет В. Черткову: ...«как умный портретист, скульптор Трубецкой занят только тем, чтобы передать выражение лица – глаз, так для меня главное – душевная жизнь...»

В этих словах Толстой даёт понять, что душевной стороны жизни Трубецкой не захватывает. И действительно, в скульптурах Трубецкого жизнь тела в его движениях занимает главное место.

По поводу скульптуры Трубецкого «Толстой верхом» писатель сказал: «Он ошибся, он слишком отделал лицо по отношению всего остального, и получилось несоответствие. Я ему это сказал, и он согласился... нарушено равновесие. Этого уже не поправишь. Это во всех искусствах так...»

Кроме Трубецкого известны также фигурки Толстого работы Н.Л. Аронсона.

П. Трубецкой.
Л. Толстой. 1899 г.

«Толстой и Пушкин... Из всех авторов, русских и иностранных, с самых ранних лет, – признается художник Леонид Пастернак, – меня всего более влекло к ним и более всех они были дороги мне. Высокие заветы этих двух величайших русских писателей-художников всю жизнь непоколебимо стояли передо мной и влияли на моё творчество...

Меня тянуло к Толстому не только как к великому художнику, но и как к человеку, в котором я угадывал наличие душевных качеств, обуславливающих основные проблемы морали: участливость, жалостливость – начало любви к людям.»

Знакомство Л. Пастернака с Толстым произошло в Москве в 1893 г., когда Пастернак обратился к писателю с просьбой указать ему некоторые детали в иллюстрациях к «Войне и миру», над которыми в то время он работал. Толстой внимательно рассматривал рисунки и был ими очень доволен.

В одно из посещений Толстого в Москве, вспоминает Пастернак, «я решился высказать Татьяне Львовне и Марии Львовне, как я был бы счастлив, если бы мог порисовать Льва Николаевича, но не решаюсь просить его, зная, как он не любит, когда его портретируют, и не хочется его беспокоить.

«Нет, нет, наоборот – папа очень будет рад! Ему интересно, как Вы его нарисуете... Он Вам охотно попозировует...»

...«Я приступил к написанию его портрета только по настоянию его дочерей...» «С тех пор, – продолжает Пастернак, – я стал его зарисовывать (впервые в Ясной Поляне), когда представлялась возможность, не утруждая специальным позированием, а во время прогулок, работы, чтения, писания.»

Так возникли многие портретные наброски и картины Пастернака из жизни Толстого, из которых особенно запоминается картина «Толстой в кругу семьи». О возникновении этой картины Пастернак вспоминает: ...«я стал делать этюды и наброски... За круглым столом под лампой шила что-нибудь Софья Андреевна. Это была очень живописная группа и я её зарисовал. Но едва успел я кончить, как Лев Николаевич, не заметив даже, что я его набрасываю, отошел от стола и сел, как обыкновенно, с другой стороны на стул – слушать содержание полученных со всего света писем, которые всегда ему читала Татьяна Львовна. Я тут же зарисовал Льва Николаевича, как он обычно сидел... этот набросок я взял как основу для будущей моей картины.»

Картина «Толстой в кругу семьи» привлекает передачей тихого семейного уюта, когда в вечерние часы Толстой, сидя в тени, прислушивался к чтению дочери, а Софья Андреевна что-то шила. На картине виден тёмный силуэт головы Толстого. Художник вспоминает, как «забавны бывали восклицания Толстого, вроде «Как он затылок мой ловко сделал!»

Пастернак вспоминает слова, сказанные ему Толстым: «Помните, Леонид Осипович, всё прейдёт... всё. И царства, и троны прейдут, и богатства, и миллионы. Всё изменится, и ни нас, ни правнуков наших не будет уже, и от костей наших не останется ничего. Но

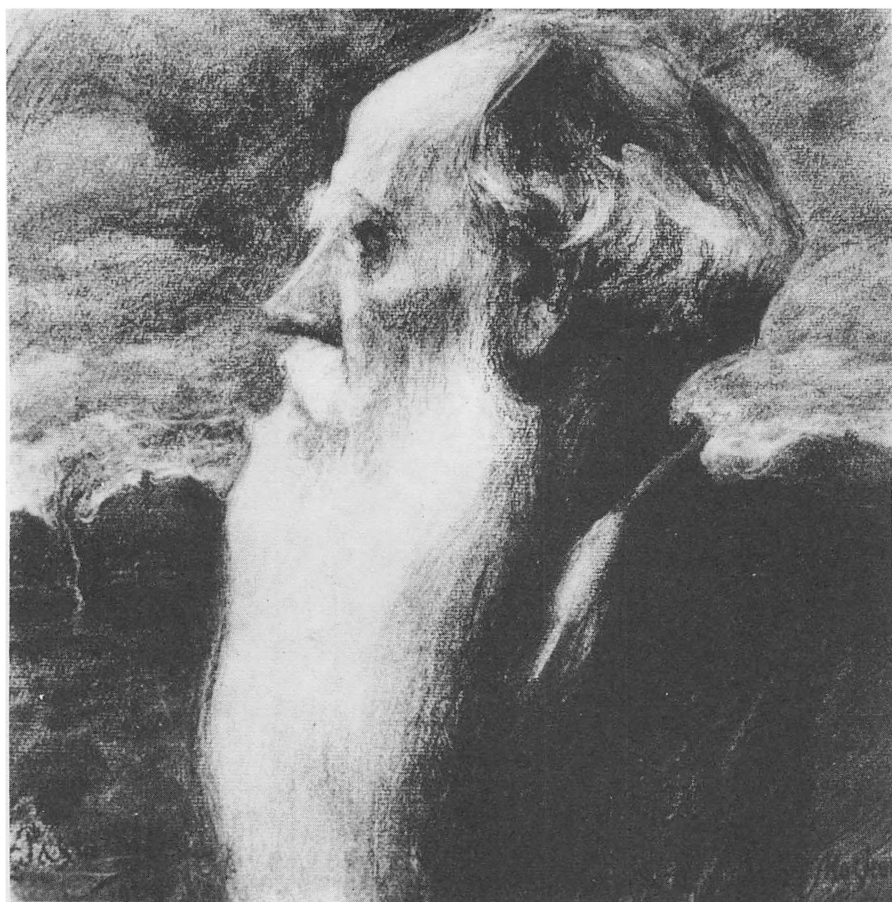
если в наших произведениях есть хоть крупинка настоящего искусства, они будут жить вечно.»

Л.О. Пастернак.
Толстой в кругу семьи. 1902 г.

Что касается взглядов Толстого на искусство, то по словам Пастернака «Лев Николаевич очень любил изобразительное искусство и не только любил, но и высказывал такое понимание и такую изысканность вкуса, что наслаждением бывало слушать его суждения. Лев Николаевич больше любил рисунок, а живопись его не так интересовала.»

В связи с этим рисунок-портрет Толстого, исполненный Пастернаком в 1906 году, представляет собою особый интерес. Это рисунок углем, Толстой изображен в профиль на фоне тёмного неба и силуэтов изб. Светится выпуклый лоб, седая борода и усы. Подчеркнут упрямый

Л.О. Пастернак.
Л. Толстой. 1906 г.

затылок, а из под «нависших сдвинутых бровей, – по словам Пастернака, – Толстой смотрит испытующим взглядом, который как-бы просверливает вас и видит насквозь... Я видел вспышки и блеск молнии, я видел грозу с рокотавшими за тучами раскатами грома. Этого Толстого я старался изобразить потом на моем портрете в профиль, на фоне бурного неба.»

Такое изображение Толстого, хотя исполнено при жизни писателя и на основе рисунков с натуры, есть героический портрет, где черты лица и облик всей головы говорят о значительности духовной силы Толстого, этого современного Микулы Селяниновича. На основе

рисунка Пастернак исполнил также офорт, подчеркнув еще больше экспрессию лица.

Любопытно, что под влиянием рисунков Пастернака, Толстой сам однажды в 1898 году попытался нарисовать Пастернака в профиль. Рисунок этот хранится в отделе рукописей Гос. Музея Л.Н. Толстого.

Дружба Пастернака с Толстым укрепилась, когда Пастернак исполнил иллюстрации к роману Толстого «Воскресение». Пастернак на 35 лет пережил Толстого. В 1910 году Пастернак приехал на ст. Астапово, чтобы зарисовать Толстого на смертном одре. Приехал также и сын Пастернака – Борис, который в своих воспоминаниях упоминает о том, что тело Толстого, покрытое белой простыней, лежало на кровати, а свет из окна падал причудливо на постель; тени от переплётов рамы ложились на белую простыню в виде креста.

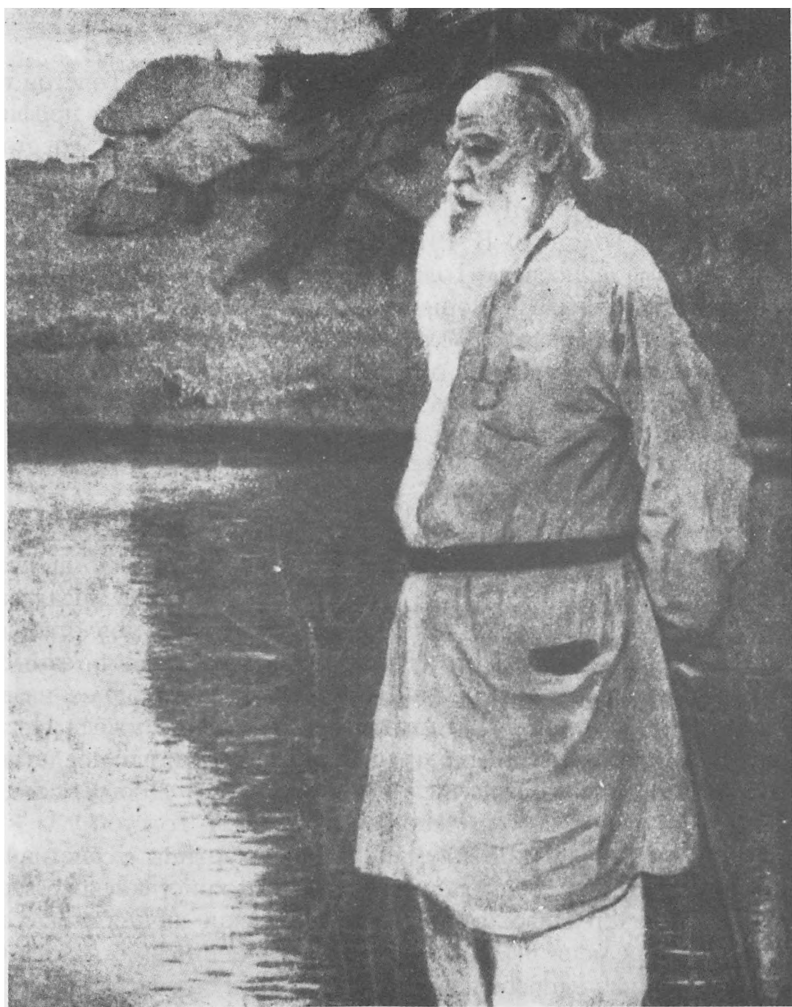
Одним из последних прижизненных портретов Толстого была работа М.В. Нестерова. Возникновение этого портрета было вызвано следующими причинами. В начале нашего века Нестеров писал картину «Святая Русь», которая в конечном счете не удовлетворяла художника и еще в 1905 году у Нестерова появился новый замысел картины под названием «Христиане», или как позже он ее назвал «На Руси». В числе «христиан» должны были быть, по мысли Нестерова, представлены не одни люди народной веры, но и представители русской мысли, и в их числе Лев Толстой и Достоевский, и В. Соловьев. 3-го июня 1906 г. Нестеров пишет С.А. Толстой:

«Приступая к выполнению задуманной мною картины «Христиане», в композицию которой среди людей, по яркости христианского веропонимания примечательных, войдут и исторические личности, как гр. Л.Н. Толстой, для меня было бы крайне драгоценно иметь хотя бы набросок, сделанный непосредственно с гр. Льва Николаевича.»

Софья Андреевна ответила уклончиво, говоря о болезненном состоянии Толстого. Но всё-же Нестеров приехал в Ясную Поляну в августе 1906 г. и сделал несколько набросков. «Лев Николаевич, – вспоминает Нестеров, – помимо ожидания, предложил мне позировать и за работой и во время отдыхов. И я через 2-3 часа по приезде сидел уже у него в кабинете и чертил в альбом... Расстались прекрасно. Сам звал на прощанье заезжать в Ясную Поляну... Я страшно рад, что решил сюда заехать... сам Толстой – целая поэма!»

Через год, в июне 1907 года, Нестеров снова приехал в Ясную Поляну. Укрепило его желание видеть Толстого полученное им от писателя письмо в ответ на посланные фотографии своих картин. Толстой писал: ...«Мне нравятся и Сергей Отрок и два монаха

М.В. Нестеров.
Портрет Л. Толстого. 1907 г.

в Соловецком. Первая больше по чувству, вторая больше по изображению и поэтически религиозному настроению... Помогай вам Бог не унывать и не уставать на этом пути...»

На другой день после приезда, 24 июня 1907 года, начались сеансы. Толстой позировал на воздухе, сидя за шахматами, а когда нужно и стоял недолго. За ним был виден пруд и часть еловой аллеи. Всего было 6 сеансов. Толстой записывает в дневнике: «Живет Нестеров

– приятный». Закончить портрет в Ясной Поляне Нестерову не удалось; Нестеров сделал еще этюд с д-ра Маковицкого в той же позе, в которой позировал Толстой и на том же месте около пруда, а кроме того просил Черткова сделать несколько снимков с Толстого, чтобы закончить портрет.

Толстой показан стоящим в задумчивой позе в созерцании окружающей его природы Ясной Поляны. Сам писатель считал портрет необычным, он любил себя видеть более «боевым», а на портрете он спокойный старец, сохраняющий еще физическую силу и стройность.

Нестеров же смотрел на свой портрет не как на самостоятельное художественное произведение, а только как на эскиз к большой картине «Христиане».

«Толстого, Достоевского и Соловьева, – писал Нестеров, – нельзя выкинуть из жизни народа, идущего по путям... богоискательства.»

На большой картине «Христиане» фигура Толстого помещена крайней справа, но картина не была закончена, шли годы первой мировой войны, а затем и революции, не способствовавшие подобной тематике.

Отношение Нестерова к Толстому было сложно. Он высоко ценил в Толстом автора «Войны и мира», но далеко не всё принимал в философском учении Толстого, как и последний далеко не всё считал у Нестерова удачным, что откровенно ему и говорил.

Из посмертных изображений Толстого остановлюсь только на рисунке Е.Е. Лансере (1875-1946), помещенном в книге «Хаджи-Мурат» и на гравюре Н.В. Пузыревского «Портрет Толстого».

Иллюстрации к «Хаджи-Мурату» были заказаны Е. Лансере в 1912 году издательством Голике и Вильборг в Петербурге. Чтобы лучше передать природу Кавказа, Лансере едет на Кавказ и в течение четырех лет исполняет около 70 рисунков к «Хаджи-Мурату». Книга была издана в 1916 году, а потом переиздавалась и дополнялась новыми рисунками в 1937-1938 годах. Необычайная простота рисунков Лансере, отсутствие в них всякой «красивости», соответствует духу толстовской повести и самому стилю письма Толстого. «Хаджи-Мурат» одно из последних произведений Толстого, написанное престарелым писателем, и таким седовласым старцем с всклокоченной и развевающейся бородой изобразил его Лансере. Чёрные штрихи вьются, переплетаются и в их нервном движении рождается образ задумавшегося Толстого. Как будто рассердился и негодует он, нахмурил брови, готов ударить кулаком по столу, протестуя против нелепых условностей жизни, и говорит: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте

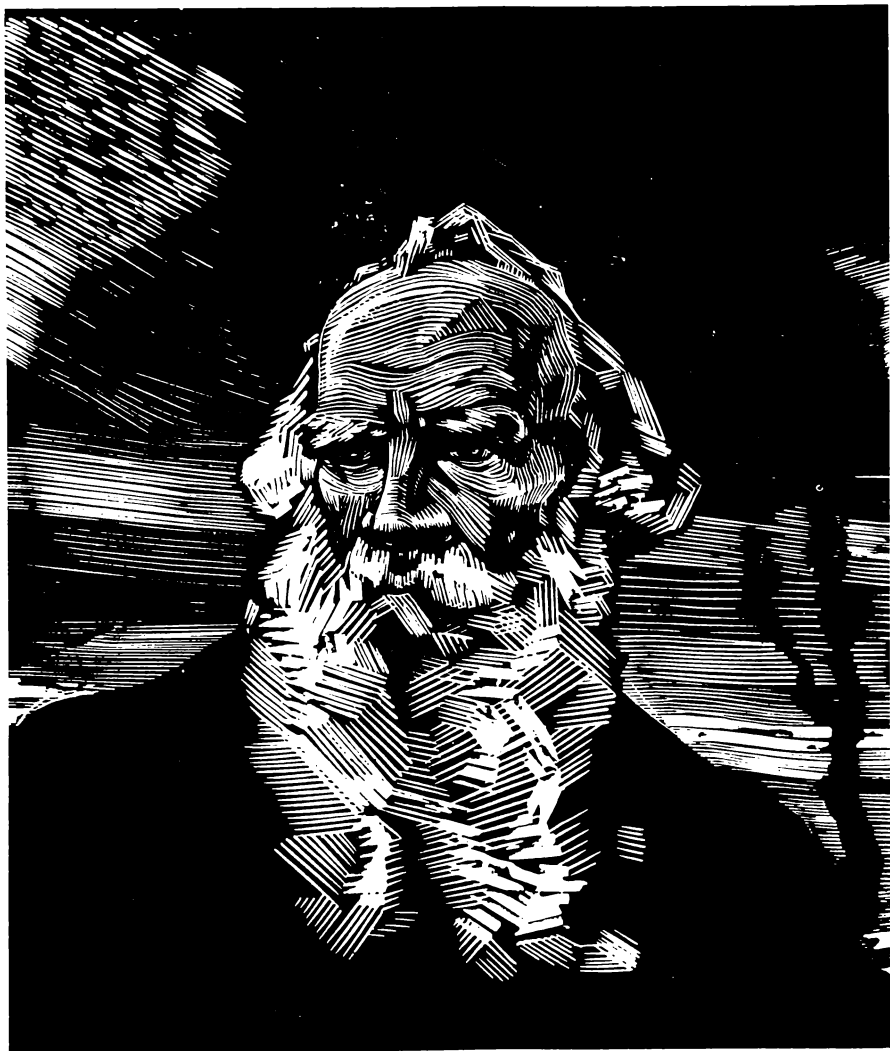
Е.Е. Лансере
Л. Толстой. 1916 г.

его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда!»

Е. Лансере – племянник Александра Бенуа – был деятельным участником общества «Мир Искусства». Его рисунки к «Хаджи-Мурату» и к «Казакам» Толстого одни из лучших иллюстраций русских художников начала нашего века.

Гравюра на дереве «Портрет Толстого» художника Н.В. Пузыревского (1895-1946) исполнена в конце 1920-ых годов. Это монумент-

гальный и величественный облик писателя. Смелый и решительный бег белых штрихов выдвигает из мрака голову Толстого. Две-три белых точки в глазах дают представление о напряженном взгляде великого писателя.

Н.В. Пузыревский.
Л.Толстой. Конец 1920-х годов.

Н.В. Пузыревский был учеником художника В.Н. Масютина, а затем в Берлине занимался под руководством проф. Э. Орлика.

Ограничиваясь названными портретами Льва Толстого, я несколько не претендую на полный перечень работ русских художников, посвященных Толстому, но и это краткое указание показывает насколько личность Толстого воодушевляла художников и способствовала появлению различного рода произведений русского искусства.

ДУБ АНДРЕЯ БОЛКОНСКОГО И ЛЬВА ТОЛСТОГО

Несколько цитат и попутных мыслей

B. Filipoff*

Мне кажется, что настойчивое приравнение жизни и судьбы человеческой к жизни растительного мира – это не только художественно-образная система и личное пристрастие Льва Толстого. Вспомните раздумья князя Андрея Болконского перед старым дубом – ранней весной еще «с несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами» обломанных веток, дубом-суровым старцем, хорошо знающим, что жизнь кончена. И вдруг, вскоре же, влюбившийся в Наташу князь Андрей, проезжая мимо того же дуба, почти не узнает его: «Да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны, – подумал князь Андрей. – Да где он?» – подумал опять князь Андрей... Старый дуб, весь преобразенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия, – ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да, это тот самый дуб», – подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. ...«Нет, жизнь не кончена в тридцать один год – вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей...».

И, уже в самом конце творческого пути Толстого, – начало «Хаджи-Мурата» с поражающим образом «чудного, малинового, в полном цвету, репья». Почти невозможно было сорвать этот цветок: «он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна». «Какая, однако, энергия и сила жизни... Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь»...

А рассказ «Три смерти» заканчивается смертью срубленного дерева:

---

* Boris Filipoff - Professor at the American University. Washington, D.C.

«Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса. ...Топор низом звучал глуше, сочные белые щепки летели на росистую траву. ... Дерево вздрогнуло всем телом, покачнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своем корне. На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, снова послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и опустив ветви, оно рухнуло макушкой на сырую землю». А вокруг шумел живой веселый лес и его «сочные листья радостно и спокойно шептались в вершинах, и ветви живых деревьев медленно, величаво зашевелились над мертвым, поникшим деревом».

Есть у Толстого – и весьма упорное – противопоставление культурной, особенно городской, жизни человечества – естественной и поэтому (с точки зрения Толстого) святой жизни мира растительного. Вспомните, хотя бы, знаменитое начало «Воскресения»: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничто не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополя, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопающиеся почки...».

Не мог обойтись без этих цитат. Не мог потому, что в них я воочию вижу, ясно ощущаю душу Льва Толстого, душу столь близкую именно растительному миру, что и руссоизм Толстого, и его органический детерминизм связаны, по-моему, скорее не с его восходящим к осмнадцатому столетию интеллектуализмом, а со стихийной растительной силой *земли*.

Ну, какое там искусство театра, когда существует из нутра прущая мужичья или цыганская пляска, столь же непосредственная, как вырастающий из самой почвы физический труд и здоровый отдых, простая, без интеллигентских вывертов любовь (вспомните, хотя бы «Казаков») – и детская радость жизни! А музыка? Оперы? сонаты? Но не лучше ли всех гитара дядюшки и его охотничьи песенки, балалайка его дворового и необработанный голосок Наташи – ведь это и есть та самая свободно вырастающая из нутра самой природы музыка народа, какую тщетно искать в *искусственной* музыке. А песни цыганского табора, рвущие душу на части и так и вздымающие руки, ноги, все тело к любви и пляске! –

В «Живом труп» Федя Протасов восклицает: «Вот это она! Вот это она! И где же делается все то, что здесь высказано? Ах, хорошо!

И зачем может человек доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его? *Музыкант* (записывая мелодии цыган): Да, очень оригинально. *Федя*: Не оригинально, а это настоящее».

Как часто говорят о двойничестве Льва Толстого, больше того: видят в нем фальшь и противоречия на противоречиях. Как же: отрицает искусство, говорит о вреде литературы, а сам пишет и пишет...

Но ведь как-раз фальшью является не наличие, а отсутствие противоречий: ведь подлинная и цельная живая жизнь, если это не жизнь кретина или узколобого фанатика типа Чернышевского или Ленина, всегда преисполнена противоречиями.

А что Толстой писал и против искусства – и писал одновременно (иной раз таясь от самого себя и своей совести) художественную прозу, так он сам хорошо сказал об этом: «Я очень занят писанием. И не могу оторваться. Думаю, что как природа наделила людей половыми инстинктами для того, чтобы род не прекратился, так она наделила таким же кажущимся бессмысленным и неуправляемым инстинктом художественности некоторых людей, чтобы они делали произведения приятные и полезные другим людям. Видите, как это нескромно с моей стороны, но это единственное объяснение того странного явления, что не глупый старик в 70 лет может заниматься такими пустяками, как писание романа».

Вот многое в Толстом, как мне кажется, происходит от его связанности, органической и крепчайшей, именно с растительным миром, с растительными соками земли. И его отнюдь не надуманное, а естественное отвращение от форм «культивированной» жизни, и его пахота и шитье сапог, и его взгляды на историю и мораль, на религию и общество, на искусство и диету, – и его детерминизм.

Ведь свобода выбора дана лишь человеческой душе, а в мире растительном сугубо непререкаем закон единообразия природы: в одних и тех же условиях одна и та же причина всегда и неизбежно порождает одно и то же следствие. Какая уж тут свобода! Ей нет места. И личность человеческая – по Толстому – такова же. Кутузов потому и велик, что ничего не решает, ничего не предпринимает сам по себе, а лишь чутко прислушивается к народной, следовательно, *родовой*, растительно-стихийной, энергии роста и развития.

Да и в личное (вот этой именно неповторимой личности) бессмертие очень хочет, да никак не может уверовать Лев Толстой. В родовое бессмертие – да. Срублено дерево, но весело шумит вокруг него живой лес, да и от корней срубленного ствола нет-нет, да и побегут нежные новые побеги. Умер мужик, исполнив меру дней своих, «приложился земле», как библейские патриархи. Но жив он в детях и внуках своих, в роде – и из рода в род. Стихийно-растительной

душе Толстого легче поверить не в воскресение во плоти христианства, не в вечную личную жизнь, а в перевоплощение буддистов, в «карму»: «жизнь только в отречении от личности»; «пусть исчезнет обман личности – и вы вступите на путь праведности».

Может статься, что и отрицание зла, как некоей онтологической сущности, также связано у Толстого не со следованием мыслям Сократа и Руссо, а с толстовской растительной душевностью. Ведь добро и зло непосредственно связаны со свободой воли, со свободой выбора, а где ж она в лесу мироздания, в растительном мире человечества? Зло – лишь отсутствие, непонимание добра. А свобода выбора... А воля человеческая... Вот Наполеон воображал себя свободным и превыше всех законов естества стоящим деятелем, вершителем судеб человечества, – но ведь только воображал! А на деле был такой же пешкой в руках судьбы, Фатума, Рока, – как ни назови огромную силу родовой или народной, всечеловеческой или космической силы произрастания и воспроизведения. Поэтому, как для дуба «Войны и мира», как для репейника «Хаджи-Мурата», так и для любого человека не может быть ни вопроса о добре и зле (а только о добре, ибо зло – смерть), ни, тем более, вопроса о «сопротивлении злу силой».

Законы развития растительной жизни постоят сами за себя, помимо нашей безвольной воли, бессильной силы: «...Как ни старались люди... изуродовать землю, на которой они жались, как ни забивали камнями, ... трава, оживая, росла и зеленела везде... и между плитами камней...».

Растительная душа? Значит, примитивная? Да нет, мы, русские, как-то слишком оторвались от плоти мира, позабыли и об этой вечной растительной силе жизни. И, думается, нужен был такой гигант, как Лев Толстой, крепко ступавший по излюбленной земле, крепко влюбленный в эту землю и ее производительную силу, – чтобы он сказал об этом во весь голос.

И сказал бы, не боясь ни внутренних противоречий (без них ведь нет и живой жизни!), ни освященных веками предрассудков, – не боясь даже прослыть «величайшим художником и ничтожнейшим мыслителем».

Да, величайший наш гений, Достоевский, тоже призывал полюбить жизнь раньше и больше смысла ее. Но он-то видел явное противоречие между жизнью и смыслом ее, и призывая полюбить жизнь и весенние клейкие листочки, видел возможность примирения их лишь в «Кане Галилейской» мистического озарения. И у него эта любовь к жизни и расцитительным сокам земли продиралась сквозь кровь и стон, была великим вскриком жизнелюбия наперекор и вопреки сатанинским искусам. И если его старица вещала – и совершенно истинно! –

что Богородица – великая Мать-сыра Земля есть, и великая в том для человека заключается радость, и всякая слеза земная в радость нам есть, – то все-таки вся эта вот самая, непосредственно нам данная земля и радость ее воспринимались Достоевским не то сквозь русский пантеизм, не то сквозь пантеистический руссизм.

А вот такой, вырастающей прямехонько из земли, а потому и непосредственной, земной, пусть чуть-чуть языческой, но прямо-ощутимой любви к земле и производительной ее силе ни у кого, кроме Толстого, в русской литературе нет. Тут Толстой – и только Толстой. Он ведь по самой природе своей никак не мистик. Скорее – Святогор, увязающий ножищами своими в почву. Пускай иной раз и грубовато, но мощно передает он эту тягу земную.

Мережковский когда-то говорил о ясновидце плоти – Толстом и ясновидце духа – Достоевском. Но ведь Толстой – не только плоть мира. Но ведь плоть мира – не только материя, но и *душа*. Насквозь душевна плоть мира, и большой душевед Лев Толстой. И если не забыть, что мы христиане, то нужно и припомнить, что христианство говорит о воскресении во плоти.

И «сквозь столетнюю жесткую кору» дуба Андрея Болконского и Льва Толстого «пробились (на века) без сучьев сочные, молодые листья» – листья земляной, мощной телесности, но и радости душевной, и силы всего, всецелого человеческого существа.

ЗАХВАЧЕННОСТЬ СТИХИЕЙ ЖИЗНИ У ЛЬВА ТОЛСТОГО

N. Arseniev *

Хотелось бы коснуться некоторых основоположных течений – или вдохновляющих сил – в творчестве и жизни Толстого. Вспоминаются цитируемые нередко слова Толстого о творчестве Гомера: «Вода из ключа, ломающая зубы, с блеском и солнцем, даже соринками, от которых она еще чище и свежее». Эти слова могут быть в значительной степени применены для характеристики и некоторых решающих черт в личности и творчестве самого Толстого.¹ Эта стихия, повторяю, прорывается и в его жизни – сердечной, моральной, духовной – как один из главных, может быть, питающих и вдохновляющих ее источников (несмотря на значительную роль и некой рассудочности, в духе 18-го века или морализирующего утопизма Ж.Ж. Руссо, в воспитании и развитии Толстого). Но *захваченность жизнью* – вот первоисточник. Можно продолжить сравнение: разбивается струя о камни и брызжет и сверкает во все стороны. И это – один поток. Так и захваченность жизнью и ответ на нее сливаются в жизни и творчестве Льва Толстого.

Но наряду с этой стихийной захваченностью, какой у Толстого *острый и пронизательный взгляд*, какая тонкость и яркость восприятия различных оттенков жизни, живость подробностей, захватывающая свежесть эпизодов, как драматических, так и мирных; какая порою за сердце хватающая нежность и задушевность прикосновений к глубинам жизни, какая подлинность и благородная простота и многообразие и сила.

Но смолкают рассуждения, когда раскрываются эти почти магические страницы, насыщенные жизнью и полные контрастов. Вот

* Nicholas Arseniev was Professor Emeritus of St. Vladimir's Theological Seminary, Crestwood, N.Y.

¹ Так например у Тхоржевского в его талантливой характеристике творчества Толстого в его книге «Русская литература».

сцены кончины старика Безухова: различные люди, сидящие в приемной в молчании или перекидывающиеся полупшепотом отдельными словами, толстый Пьер, сидящий неподвижно, опираясь руками на расставленные колени как египетское божество. Рука старика загнулась назад, бессильно повисла. А в начале следующей части опять – таки близость смерти, но для молодых в этот раз людей, полных жизненной энергии – для эскадрона Павлоградских гусар, посланных поджигать мост через Дунай перед надвигающимися в своих синих капотах французами на том берегу. Французы уже бьют картечью по мосту. Торжественно-приподнятое настроение молодого Ростова (первый раз под огнем!) и яркий блеск осеннего солнца на воде и на высоком берегу по ту сторону Дуная. И тут близость смерти и бодрость, почти радостная взволнованность юности одновременно. Это как бы пробные аккорды. Но какое мастерство, какая значительность в этих эпизодах. И опять Москва, уже в праздничной обстановке: гигантская стерлядь и несколько опшарашенный бесконечными приветствиями Багратион на торжественном обеде в Английском Клубе.¹ А вот неожиданное возвращение Андрея Болконского домой после Аустерлица и роды его жены в бурную и снежную мартовскую ночь и ее смерть при рождении сына.²

Питающий центр жизни – и личной и народной – семья. Роль Толстого в создании неумирающего художественно-задушевного, согретого теплом любви памятника русской культурной семье огромна (особенно чувствуется это именно *теперь*, когда эта русская культурная семья почти поголовно уничтожена). Ибо то, что он изображает – душевная, культурная и духовная жизнь этих семей – далеко вырастает *за пределы* этих русских культурных слоев и имеет и общерусское и общечеловеческое значение. Поэтому жизнь этих семей в изображении Толстого, творчески-художественном, но и до глубины правдивом и укорененном в исторической действительности, так сильно захватывает читателей (или зрителей кинофильма) самых различных слоев русского народа.

Для самого Толстого эта жизнь семьи явилась одним из основных источников в развитии его духовной личности. Здесь он между прочим с особой яркостью прикоснулся к ощущению *силы любви* как живого (не отвлеченного) источника отдания себя в служении другим, служении, составляющем радость и смысл семейной жизни.

---

1 «Война и мир», том I, часть I, гл. 20-21, часть II, гл. 8, том II, часть I, гл. 3.

2 «Война и мир», том II, часть I гл. 8-9.

Центр духовной семьи в матери. Так и для Толстого образ матери играет центральную роль в его восприятии семьи. Ему было два года, когда он потерял мать (в 1830 г.). Ему кажется, что он улавливает смутные очертания ее облика, запавшие в его памяти с детства. В начале его первого литературного произведения «Детство» стоит ее образ. Судя по всем данным, она была действительно изумительная женщина по благородному кроткому сиянию ее духа.¹ С любовью собирает он рассказы о ней, которые бережно хранимы близкими и домочадцами. В последние свои старческие годы он особенно часто ее вспоминает (как видно из записей в дневике).

В своих старческих воспоминаниях Толстой так пишет про свою мать: «Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни во времена борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эти молитвы помогали мне».² Н.Т. Молоствов рассказывает, что, когда летом 1908 года в Ясной Поляне зашел разговор о том, какой удивительный человек была Мария Николаевна, Лев Николаевич мягко и тихо, видимо сдерживая слезы, сказал: «Ну, уж этого я не знаю, я только знаю, что у меня есть culte к ней». К тому же времени относится запись в дневнике Толстого: «Не могу без слез говорить о моей матери (13 июня 1908 г.). А за несколько дней перед этим он пишет: «Нычне утром обхожу сад и, как всегда, вспоминаю о матери, о «маменьке», которую я совсем не помню, но которая осталась для меня святым идеалом...» (10 июня 1908 г.). И днем раньше: «...самое дорогое существо для меня – моя мать». Н.Н. Гусев посвящает «ее светлой памяти» свою «Жизнь Толстого».³

Вспомним в «Войне и мире» сцену, где Мария Болконская (в которой Толстой старается изобразить свою мать еще до ее замужества) благословляет старинной дедовской иконкой брата Андрея отправляющегося на войну против Наполеона:

---

1 См. замечательную небольшую книжку (152 стр.) *Сергея Львовича Толстого* «Мать и дед Л.Н. Толстого» (Москва, издат. «Федерация» 1928 г.) (Особенно ряд писем его матери к близким, стр. 131, 132, 146, 150, 151, 152).

2 Там же, стр. 73.

3 См. «Жизнь Л.Н. Толстого. Молодой Толстой». Москва, 1927 г., стр. 26, 23, 33-37.

А.Л. Толстая в своей книге «Отец», говоря о разных резко противоречивых элементах в характере Л.Н. Толстого, подчеркивает вместе с тем огромное, центральное значение чувства любви в его жизни. «Откуда у Толстого эта доброта? От матери? Несомненно.» (Том I, стр. 15, Чеховское издательство, 1953 г.).

«Против твоей воли Он спасет тебя и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина и спасение – сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы.

Она перекрестилась, поцеловала образок и подала его брату... Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо ее и делали его прекрасным.¹

Маленького Толстого и его братьев и сестру после кончины их матери окружила и пригрела чисто материнской трогательной любовью (до зрелых лет их жизни) «тетушка» Татьяна Александровна Ергольская – тихой, «неспевающей», все существо ее пронизывающей, успокаивающей любовью, которой Толстой посвятил незабываемые строки.

Это, конечно, не вся семейная жизнь (как ее рисует нам Толстой, как много в ней мы увидим и молодого, беззаботного веселья!), но это – ее духовный центр. Да, действительно, эти праведные, замечательные матери, полные духовноносной и нежной любви, полные духовной силы и мудрости и высокой культуры и вместе с тем простоты сердца и горения сердца и деятельного, активного сострадания к ближнему, являются не только украшением, но и живительным центром этих русских культурных семей 19-го и начала 20-го века – матери Хомякова, бр. Киреевских и Елагиных, Аксаковых и многих других в традиции, доходящей даже до наших дней и являющейся одним из высших достижений русской, в значительной степени религиозно укорененной, культуры. Здесь действительно хранятся семена для возможного великого духовного возрождения.

Лев Толстой поставил, повторяю, незабываемый и неразрушимый внешними событиями истории (а может быть даже питающий будущее, не только обще-русский, но и обще-человеческий памятник этой изумительной в своей духовной подлинности, культурной широте и просветленности, традиции многих русских семей 19-го века.²

---

1 «Война и мир», том I, часть I, гл. 25.

Еще более замечательна динамично-бурная и... трогательная сцена возвращения Николая Ростова с войны домой и встреча его... главное, встреча с матерью (том II, часть I, гл. I).

2 Об этой культурной и духовной традиции в русских семьях 19-го века и начала 20-го века см. напр. мою книгу «Из русской культурной и творческой традиции», Посев, 1959 г. гл. 2, «Духовные традиции русской семейной культуры», стр. 15-65; также мои книги «Дары и встречи жизненного пути», Посев, 1974 г., часть II, гл. 6, стр. 308-340, «Die geistigen Schicksale des russischen Volkes», Graz, Wien, 1966, гл. 4-7; стр. 67-142, «Holy Moscow», London S.P.C.K., 1940.

II

Охватывающая жизнь природного мира, особенно в деревне – один из главных «фонов» творчества Толстого, больше того, один из главных, как мы говорили уже, источников вдохновения. Волнующая огромная жизнь природы, жизнь мира захватывает и человека – в том чувстве *юности*, бодрой свежести жизни, которое так характерно для Толстого. Радостным часто ощущается самый процесс жизни в различных его проявлениях: в обыденной, повседневной обстановке – даже в учении (но это не всегда!), но в чтении, самообразовании, в семье, друзьях, совместных исканиях ответа на проблемы жизни или в юношеском угадывании, ожидании чего-то радостного, неожиданного, нового, каких-то радостных, раскрывающихся горизонтов, каких-то смутных, неожиданных встреч. «Весеннее чувство», так он называет этот мир новых переплереплетающихся чувств в своей «Юности» (глава: «Как я готовлюсь к экзамену»). Подъем, напряженность и физических и душевных сил или, вернее, какое-то сладостное выжидательное состояние – полунапряженное, полудремотное. Состояние, свойственное нередко молодежи, но с какой силой оно воплотилось и в личности и в творчестве Толстого, и живет и зовет нас в его творчестве! «Сознание свободы и *весеннее чувство ожидания* чего-то¹ (читаем в этой главе) до такой степени взволновали меня, что я решительно не мог совладать с собой и приготавливался к экзаменам очень плохо».

Но с особой силой – будящей свежестью и бодростью – охватывает его этот таинственно зовущий мир в деревне:

«Иногда, и довольно часто, я вставал рано (я спал на открытом воздухе, на террасе, и яркие, косые лучи утреннего солнца будили меня). Я живо одевался, брал под мышку полотенце и книгу французского романа и шел купаться в реке, в тени березника, который был в полверсте от дома. Там я ложился в тени на траве и читал, изредка отрывая глаза от книги, чтобы взглянуть на лиловатую в тени поверхность реки, начинающую колыхаться от утреннего ветра, на поле желтеющей ржи на том берегу... на белые стволы берез, которые, прячась одна за другую, уходили от меня в даль частого леса, и наслаждался сознанием в себе точно такой свежей молодой силы жизни, какой везде кругом меня дышала природа. Когда на небе были утренние серые тучки и я озаябал после купанья, я часто без дороги отправлялся ходить по полям и лесам, с наслаждением сквозь сапоги промачивая ноги в свежей росе...²

---

1 Курсив мой. Срв. напр. «Я все ждал, что вот *начнется*... и всегда повсюду торопился, полагая, что *начинается*...» («Юность», глава «Мечты», курсив Толстого).

2 Так пишет 28-летний Толстой в той же «Юности» (гл. XXXII), напечатанной в первой книжке «Современника» за 1857 год.

Невозможно – и не нужно – выписывать цитатами все эти отражения торжествующей, захватывающей силы природной жизни во все периоды его творчества. Но вспомним хотя бы, как перемежаются с некоторыми особенно яркими картинками в его произведениях эти – полу-косноязычные, полу-шутливые и тоже восторженные письма его к некоторым близким (особенно к своей так называемой «Бабушке», т.е. собственно двоюродной тете и другу графине Александре Андреевне Толстой).

У него просто не хватает слов для передачи его «весеннего чувства», его жизни в унисон с пробуждением природы:

«Пришла весна, как не вертелась, а пришла. Воочию чудеса совершаются. Каждый день новое чудо. Был сухой сук – вдруг в листьях. Бог знает откуда-то снизу из-под земли лезут зеленые штуки – желтые, синие. Какие-то животные, как угорелые, из куста в куст летают и зачем-то свистят, изо всех сил и как отлично. Даже в эту минуту под самым окном два соловья валяют. Я делаю с ними опыты, и можете себе представить, что мне удастся призывать их под окно сикстами на фортепиано. Я нечаянно открыл это. На днях я по своему обычаю тапотировал сонаты Гайдна, и там сиксты. Вдруг слышу на дворе и в тетинькиной комнате (у нее канарейка) свист, писк, трели под мои сиксты. Я перестал, и они перестали. Я начал и они начали (два соловья и канарейка). Я часа три провел за этим занятием, а балкон открыт, ночь теплая, лягушки свое дело делают, караульщик свое – отлично! Уж Вы меня простите, ежели письмо это будет диковато. Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желая Вам того же от души. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья:

«И ринься бодрый, самовластный

В сей животворный океан» –

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой¹ и весной невольно твержу от строчки до дтрочки.¹

Сквозь бодрый, «мальчишеский» тон этого письма с его намеренной неуклюжестью, шутливой косноязычностью выражения – «какие-то штуки лезут»; «какие-то животные летают» – и т.д. и сквозь некую сумбудность настроения чувствуется стихийная покоренность окружающим весенним потоком и неадекватность всех попыток выражения. И одновременно (в том же 1858 году) пишутся Толстым эти несравненные по яркости и насыщенности весенние картины первой части его «Семейного счастья».² Как просто, беспритязательно и как нарастает настроение. Голоса какого-то «иного» мира выступают на фоне тихого течения замирающей повседневной жизни. И все это уводит нас в напряженно-умиренные глубины ночного мира. Но как можно сметь

---

1 Толстовский музей. Том I, «Переписка Л. Толстого с графиней А.А. Толстой, 1857-1903 гг. Письмо от 1-го мая 1858 г.

2 Вышло в апрельской книжке 1850 г. «Русского Вестника».

«описывать» Толстого, когда рядом лежит его подлинный текст в своей простоте и за сердце хватающей красоте и силе. И укорененности в деревенском ландшафте тульской губернии.

«Мы оба стихли после ухода Кати, и вокруг нас все было тихо. Только соловей уже не по-вечернему, отрывисто и нерешительно, а по-ночному, неторопливо, спокойно заливался на весь сад, и другой, снизу от оврага, в первый раз нынешний вечер издали откликнулся ему. Ближайший замолк, как будто прислушиваясь на минуту, и еще резче и напряженнее залился пересыпчатой звонкой трелью. И царственно-спокойно раздавались эти голоса в ихнем чуждом для нас ночном мире. Садовник прошел спать в оранжерею, шаги его в толстых сапогах, все удаляясь, прозвучали по дорожке. Кто-то пронзительно свистнул два раза под горой, и все опять затихло. Чуть слышно заколебался лист, полыхнулось полотно террасы и, колеблясь в воздухе, донеслось что-то пахучее на террасу и разошлось по ней.»¹

Какая в этом красота и какая правда! Те, кто знали как средне-черноземную полосу, так и несколько более к северу лежащие местности (напр. север Тульской, Калужской, Рязанской губерний), чувствуют еще этот вечерний покой засыпающего над садом деревенского дома с колыхнувшихся внезапно в тишине полотном террасы и излившимся на террасу вечерним ароматом цветов. И как жизненно бодр весенний лес, через который Андрей Болконский едет в рязанское имение Ростовых. И охота на заре Левина, ступающего мокрыми сапогами через высокие заросли травы, и светлая майская ночь в деревенском парке Ростовых, и обрывки девичьих разговоров, доносящихся с верхнего балкона через открытое окно в комнату князя Андрея. И картина насторожившейся в полях и лугах природы перед мощным, внезапным порывом весны в «Анне Керениной». И эта яркая августовская лунная ночь фантастически-реалистическая в своих незабываемых подробностях:

«Полный месяц стоял над домом за нами, так что его не видно было, и половина тени крыши, столбов и полотна террасы наискось лежала на песчаной дорожке и газонном круге. Остальное все было облито серебром росы и месячного света. Широкая цветочная дорожка, по которой с одного края косо ложились тени георгинов и подпорок, вся светлая и холодная, блестя неровным щебнем, уходила в туман и даль. ...Когда я смотрела вперед по аллее, по которой мы шли, мне все казалось, что тут дальше нельзя было идти, что там кончался мир возможного, что это навсегда должно быть заковано в своей красоте. Но мы подвигались, и волшебная стена красоты раздвигалась, впускала нас, и там тоже, казалось, был наш знакомый сад, деревья, дорожки, сухие листья... Но с каждым шагом сзади нас и спереди снова замыкалась волшебная стена, и я переставала вдруг верить в то, что можно идти дальше, переставала верить во все, что было.»

---

1 «Семейное счастье».

Вот – зимняя лунная ночь и сани несутся по неведомой (и словно как будто опять знакомой) сияющей снежной равнине и гулко перекликающиеся голоса стоят в морозном воздухе. («Война и мир»).

И сливается в один аккорд юная бодрость, жажда нового, неизвестных приключений и подвига и вдруг впереди, когда Оленин рано проснулся от свежести в своей кибитке, – несущиеся ему навстречу через снежную равнину – нет невероятно близкие, как будто бы находящиеся тут рядом – горы.

Вспомним окончание этой вступительной 3-й главы его «Казаков». Это как бы гимн юности и активности и манящему впереди подвигу. «Теперь начинается – как будто сказал ему какой-то торжественный голос. И дорога, и вдаль видневшаяся черта Терека, и станицы, и народ – все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянет на небо – и вспомнит горы. Взглянет на себя, на Ванюшу – и опять горы. Вот едут два казака верхом, и ружья в чехлах равномерно помахиваются у них за спинами... а горы. За Терекком виден дым в ауле... а горы. Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камышей Тереке ... а горы. Из станицы едет арба, женщины ходят, красивые женщины, молодые, – а горы ... Абреки рыскают в станице, и я еду, их не боюсь. У меня ружье, и силы, и молодость, а горы...» (Казаки).

III

Захваченность жизнью своего народа, т.е. некоего великого целого, как в периоды сравнительной тишины и мирной домашней жизни, так и бурно-драматических событий борьбы с Наполеоном, особенно в эпоху «Отечественной войны», это, мы знаем, есть душевная и духовная атмосфера, пронизывающая роман «Война и мир». Но этим уже указано и центральное его значение: изображаются в нем самые разнообразные лица и слои русского народа, связанные общим подъемом в эпоху *народного подвига*. Это не идеализация войны. Толстой считал (как и мы считаем), что война – ужасная вещь. Но в эту страшную пору у самых различных людей, посредственных и более значительных, принадлежащих к разным слоям народа и исполненных – при всем русском добродушии, а иногда и высоких качествах – все же многочисленных недостатков – раскрылись душевные глубины неведомой силы. Это дало им возможность в течение длительной героической борьбы быть готовыми отдать себя, свою жизнь – за близких, за свою веру, за родину. И это – до самозабвения, до героизма, без показных наигранных эффектов, в простоте и скромности (одна из любимых психологических тем Толстого) отдающих «душу свою за други своя». Тут Толстой ничего нового не открыл, но он это

изобразил с *невероятной силой*, художественным и психологическим мастерством и правдивостью. И эта *простота в отдании себя* у этих рядовых, равно как и у этих более индивидуально выступающих действующих лиц, поразительна – от трогательного, еще почти полудетски чувствующего, но пропитанного чувством долга Пети Ростова¹ до старика главнокомандующего. Есть, конечно, и карьеристы, искатели прежде всего своей личной выгоды, но это тонет в общем подъеме. И не в высокопарных фразах выражается это у Толстого, а в таких, например, простых и потрясающих сценах:

Среди ночи 11 октября 1812 г. в деревню Латашевку, где остановился Кутузов со своим штабом, прискакал офицер со спешным донесением Главнокомандующему от Дохтурова и Ермолова: Наполеон и с ним вся французская армия оставили Москву. Дежурный генерал Коновинцын ведет гонца сразу же ночью в избу к Кутузову:

«Кутузов сидел, спустив одну ногу с кровати... – Скажи, скажи, дружок, сказал он Болховитинову своим тихим старческим голосом, закрывая на груди рубашку – Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так? А?

Болховитинов подробно доносил сначала все то, что было ему приказано.

– Говори, говори скорее, не томи душу, – перебил его Кутузов. Болховитинов рассказал все и замолчал, ожидая приказания. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его ощурилось, сморщилось; он махнул рукой на Толя, повернулся в противную сторону к красному углу избы, черневшему от образов.

– Господи, Создатель мой! Вяня Ты молитве нашей – дрожащим голосом сказал он, сложив руки – Спасена Россия. Благодарю Тебя, Господи! – И он заплакал.»¹

---

1 Живой иллюстрацией к образу Пети Ростова может до известной степени служить очень трогательный и героически настроенный юноша – Александр Чичерин (1793-1813 гг.) с чистой душой и вместе с тем очень разумный для своих лет. Он был на год или два старше Пети Ростова. 19-ти лет он участвовал в кампании 12-го года (в предыдущем 1811 г. он был выпущен из Пажеского корпуса в Семеновский полк и произведен в поручики) и погиб геройской смертью впереди своих солдат в знаменитом сражении под Кульмом 18 августа 1813 года. Он был из высококультурной семьи, родители его очень интересовались литературой, русской и иностранной, отец его был военный (генерал-лейтенант). В салоне друга своих родителей высоко-образованной гр. С.В. Строгановой Александр с юных лет встречал Жуковского, Державина, Карамзина. Его дневник, написанный по-французски, был напечатан в Сов. России (Москва, 1966 г., издат. «Наука»); он переведен с рукописи Чичерина, хранящейся в Государственной Публичной Библиотеке. См. об этом мою брошюру *Александр Чичерин*, 1967 г. (оттиск из журнала «Современник» за 1967 г.).

2 Том IV, часть II, гд. 17.

Как это переключается с описанием молебна перед Смоленской иконой Божией Матери среди готовящихся к битве русских войск накануне Бородина. «Все внимание Пьера было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев, однообразно смотривших на икону... На всех лицах вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности минуты, которое он видел под горой в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестов по грудям.» (Том III, часть 2, гл. 21).

IV

Еще интенсивнее, конечно, живет Л. Толстой жизнью окружающей его со всех сторон современной ему России. Тут сливается в одно его ощущение некой органической, можно сказать, стихийной *спаенности* с Россией, с русским народом и русской природой, как с одним огромным целым, к которому он принадлежит (что отнюдь не исключает его острого переживания общечеловечности) – с огромной, горячей *любовью* к русскому народу, к ценности и типическим чертам его душевного и духовного уклада, любовью, составляющей часть его лучшего «я» и являющейся одним из постоянных и основоположных *источников его вдохновения*.¹ Не требуется даже об этом говорить – настолько это очевидно, настолько это живет, творчески живет в нем, настолько он живет этим чувством России, русской культуры, различных ценностей, хранящихся в глубинах русской души и в русских просторах и в том неизъяснимом, что заключается в слове «родина».

Толстой *активист*. Он не только великий художник, захваченный динамикой и красотой жизни. Сама жизнь, участие в ней его привлекает. Семья, хозяйство, работа на общественное народное благо, особенно на благо живущих в нужде широких кругов народа – крестьянства, но и городской бедноты. Он сотрудничает, в должности мирового посредника, в проведении в жизнь крестьянской реформы у себя в уезде,

---

¹ Вспомним, например, эту замечательную сценку из одного из отрывков задуманного им романа «Декабристы», как старуха Тихоновна пришла пешком из деревни в Москву в московскую усадьбу своих господ Чернышевых ходатайствовать за старика мужа, несправедливо посаженного в тюрьму. Она входит в лодскую избу – это для нее выход в большой свет – и часть прислуги готова посмеяться над ней. Но она сохраняет спокойствие и сначала три раза кланяется перед иконами, а потом уже окружающим. И эта «благовидная Тихоновна с ее котомкой и в ее правильном деревенском наряде, истово кладущая кресты и низко кланяющаяся в передний угол... Богу», производит впечатление, и ее радушно принимают.

он страстно увлекается делом начального народного образования, пробует новые методы более живого, близкого к жизни и не только дающего фактическое знание обучения, но и развивающего умственно и душевно. Он борется с голодом, организует на широкую ногу помощь голодающим. И есть при этом часто поражающее нас характерное стремление *учиться у жизни*, отвечать живым делом на зов жизни. Все это чрезвычайно интересно, нередко поучительно, но тут мы наталкиваемся на нередко встречаемое у Толстого противоречие. Врывается некая *абстрактная* придуманная точка зрения и искажает иногда живительную силу порыва. Такой абстракцией в области народного образования и культурной работы, противоречившей в разные времена многим основоположным и творческим достижениям самого Толстого, была идея искусственного (и часто внешне воспринимаемого) *отрощения*. Не простоты (ибо изумительной, глубокой, творческой простоты было много у Толстого и в его изумительных созданиях и во многих до боли глубоких и подлинных переживаниях), а именно простоты, формально и внешне-механически воспринимаемой и потому подчас насилующей жизнь. Отчасти это было влияние (очень сильное еще в ранней молодости Толстого) теорий Ж.Ж. Руссо.

Толстой вообще поражает активностью, напряженностью своей жизни и разнообразием своей деятельности и огромной работоспособностью и любовью к труду. И работа его общественная, и благотворительная, и образовательная вдохновлялась высокими идеалами, но иногда, может быть, когда врвалось абстрактное начало, не считавшееся с богатством и разносторонностью жизни, могла принимать и несколько внешне формальный утопический оттенок.

Но возвращаюсь к основной теме статьи – о захваченности Толстого жизнью.

V

Мы будем односторонними, если после этих важных тем не остановимся еще раз более определенно на одном очень существенном элементе в жизни Толстого – при этом самых разных эпох, иногда даже и в последние годы жизни. Это элемент заразительной, энергичной, добродушной *веселости*. Он, когда работал, уходил в свою работу; он мог мучиться над своей работой при выработке своих мыслей и был тогда угрюм, молчалив, поглощен внутренней работой. Но как часто, повидимому, врвалась в его жизнь и струя добродушного, юношеского, почти мальчишеского веселья – в семейном или расширенно домашнем кругу, особенно среди молодежи родственников или дружественных семей. Стихия заразительного добродушного веселья, увлекающая и взрослых. Ее добродушными искрами насыщены

рождественские святки в деревенской усадьбе Ростовых и у их соседей – бег саней взапуски через огромную, залитую лунным светом снежную равнину, ряженые, танцы, пение, веселье. Это уютно-добродушное семейное веселье было одним из существенных элементов семейного и добрососедского уклада жизни прежней России и во времена Ростовых и позднее – вплоть до Первой мировой Войны. Так, например, мне вспоминаются забавные мнимо-драматические шарады, которые импровизировались молодежью в ряде уютно-гостеприимных московских семей.¹

Но Толстой не был только благосклонным наблюдателем жизне-радостных настроений близкой его дому молодежи – он в течение многих лет бывал в Ясной Поляне и главным руководителем и вдохновителем ее физических упражнений и спортивной тренировки, ее прогулок и забав, ее веселья. С трогательной любовью и восторгом вспоминает об этом добром к молодежи, веселом, энергичном, будящем, тормошащем ее Толстом его молодой шурин (младший брат его жены) Сережа Берс, который был на 25 лет моложе Толстого и который мальчиком и юношей часто проводил лето в Ясной Поляне. Вспомним, что пишет он в своих (вышедших уже в 1894 году в России «Воспоминаниях о гр. Л.Н. Толстом»); тут и общие черты характеристики Толстого и особенно много об его влиянии на молодежь, об его общении с ней:

«Вся жизнь Льва Николаевича в полном смысле слова была трудовой. Почти во всех письмах, писанных мне зимой, сестра (графиня София Андреевна) упоминает: «Мы все очень заняты. Зима наша рабочая пора». Лев Николаевич писал преимущественно зимой в течение целого дня, а иногда и до поздней ночи. И далее про лето: «Нельзя передать с достаточной полнотой того веселого и привлекательного настроения, которое постоянно царило в Ясной Поляне. Источником его был всегда Лев Николаевич. В разговоре об отвлеченных вопросах, о воспитании детей, о внешних событиях его суждение было

---

¹ Об атмосфере семейного уюта и радостного веселья молодежи во второй половине 19-го века в ряде близких по духу к той, которую описывает Толстой, пишут в своих замечательных воспоминаниях (относящихся к концу 70-х и началу 80-х годов 19-го века кн. *Е.Н. Трубецкой* («Из прошлого». Baden bei Wien, 1923, особенно стр. 25-26) и *Н.Н. Львов* («Былые годы» в «Русской Мысли», Прага, 1923 г., кн. I-II, стр. 104, 98-99). Об импровизированных забавно-драматических шарадах в семейной среде этой молодежи см. у кн. *Е.Н. Трубецкого* в другой его книге («Воспоминания», София, 1921 г., стр. 131-133), также в моей книге «*Дары и встречи жизненного пути*» (1973 г. стр. 31-35), см. также мою книгу «*Из русской культурной и творческой традиции*», Франкфурт, «Посев», 1959 г., стр. 42-51.

самое интересное. В игре в крокет, в прогулке он оживлял всех своим юмором и участием, искренне интересуясь игрой и прогулкой...¹

И еще: «Юмор Льва Николаевича проявлялся удивительно разнообразно. Ласковый и смешной тон его, с которым всегда сопровождалась шутки, придавал им такой добродушный и веселый характер, что все... смеялись». И еще:... Лев Николаевич всегда любил детей и их общество. Он умеет расположить их к себе, как будто у него есть ключ от детского сердца, которым он легко и скоро завладевает.

Смех Льва Николаевича отличался тоже заразительностью. Когда он смеется, голова его пригибается набок, и он трясется всем телом».²

Но жизнь эта, исполненная энергии и жизнерадостной бодрости, имеет еще другое измерение, которое рано стало вставать перед духовным взором Толстого: приближающаяся – неумолимая и неизбежная – пропасть смерти.

Это (и то, что книга «Екклесиаст» называет «томлением духа», т.е. искание смысла жизни и невозможность найти его) было главной причиной духовного кризиса Толстого.

VI

Другими словами: было бы полным искажением облика Толстого здесь остановиться. Он – мы это знаем – не только захвачен стихией ликующей, бодрой жизни или мощного – пусть составленного из

1 «Дети одинаково дорожили его обществом, на перерыв желали играть с ним в одной партии, радовались, когда он затеет для них какое-нибудь упражнение. Подчиняясь его влиянию и настроению, они без затруднения совершали с ним длинные прогулки, например, пешком в Тулу, что составляет около пятнадцати верст. Мальчики с восторгом ездил с ним на охоту с борзыми собаками. Все дети спешили на его зов, чтобы с ним делать шведскую гимнастику, бегать, прыгать, что сам он делал опять же искренне и весело, а потому и все делали так же. Зимой все катались на коньках, но с большим еще удовольствием расчищали каток от снега, потому что эта инициатива принадлежала Льву Николаевичу.

Со мной он колосил, вел, делал гимнастику, играл в чехарду, городки и т.п. Далеко уступая его большой физической силе, так как он поднимал до пяти пудов одной рукой, я легко мог состязаться с ним в быстроте бега, но редко обгонял его, потому что всегда в это время смеялся».

2 Сережа (Сергей Андреевич Берс, 1855-1910 гг.) был близок к Толстому, особенно в свои отроческие и юношеские годы. В 1866 году одиннадцатилетний Сережа сопровождает, например, Толстого при поездке его на Бородинское поле во время писания Толстым «Воины и мира». Отрывки из книги Берса, (вышедшей в Смоленске еще при жизни Толстого) напечатаны в книге «Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников», Москва 1960 г., Госиздат., том I, стр. 156-168. Особенно полны невыразимой прелести детские воспоминания старшей дочери – И.Л. Толстой-Сухотиной. В свободное от занятия время папа был самым веселым человеком какою-либо когда-либо знала. С ним всегда бывало весело; казалась – стоило ему показаться, как сейчас же начиналась что-нибудь очень интересное и забавное «Казалось, что при ливала новая волна жизненной энергии». (Москва, стр. 48).

противоречий, горестей и радостей – но все-увлекающего динамического потока бытия, нет, он видит и ту *бездну*, к которой безостановочно этот поток несется: всепоглощающую бездну. *Ужас перед смертью*, перед безвозвратно утекающей жизнью, перед конечной утратой всего личного и неповторимого, ужас перед конечным исчезновением всего, что любишь, и грусть, и обесценение всего существующего – вот что врывается с огромной силой в картину мира у Толстого, более того, в самый *корень* существования, ибо подрезается и самый смысл бытия. Какой смысл существования, всех наших усилий, всех наших ценностей, если все это снова и снова поглощается смертью?

Такие переживания не только охватывают нас при созерцании этого потока преходящести, но и голоса, говорящие об этом, доносятся до нас из среды самых различных народов с древнейших времен мысли человеческой. Например, уже из пирамидных и других надгробных надписей древнего Египта, так из гробинцы жреца Неферхотепа: «Тела проходят неудержимо со времен Ра, и новые телесные образования вступают на их место. Солнце восходит каждое утро и на запад заходит вечернее солнце... Но те, что были рождены, все они отправляются в место, которое было им назначено... Их места здесь уже более нет; подумаешь, что их никогда и не бывало».¹

И то же доносится нам из древней Индии, например, из уст ищущего мудрости некоего сына браминского (из разговора его с отцом учёным стариком-брамином). Сын хочет ответа по существу на эти роковые вопросы: «Раз весь мир подвержен такой беде и ограничен непреодолимым пределом и раз безостановочно убегают те, которых мы называем «Не-напрасными» – то что же ты все только говоришь мне слова мнимой мудрости?» Но отец ничего не понимает: чем хочет сын запугать его? – «Сын сказал: Смерти подвержен мир. Одряхлением положен ему предел, а те, что убегают, это Дни и Ночи... Почему ты не понимаешь меня? Ведь это же – Ночи, что безостановочно уходят как «Не-напрасные», как те, что заставляют нас стареть. Раз я это знаю, что Смерть не знает ни отдыха, ни остановки, то какой мне толк от того, что я уйду *туда*, облеченный ведической мудростью?»² И подобное этому, опять и опять в бесконечных вариациях доносится из индусских священных книг, особенно из Упанишад

---

1 См. *Erman Aegypten u. Aegyptisches Leben im Altertum*, 1887, II, 516-517; *W. Max Müller Die Liebespoesie der alten Aegypter*, 1899, стр. 29; *H. Gressmann Altorientalische Texte und Bilder zum A.T. I* 198-199, 1909. См. также мою книгу «*Жажда подлинного бытия*» (пессимизм и мистика), Берлин, стр. 11-17, 185-192.

2 *Mokshadharmā*, Adh. 175, стр. 5-12, *Deussen Vier philosophische Texte des Mahabharatam*, 1906.

и из древнебуддийских текстов. Голоса тоски, отчаяния перед безнадежностью спасения от смерти звучат не только из большинства древнегреческих надгробных надписей, но и из ряда монологов и песен хора в греческих трагедиях и из стихотворений древнегреческих и эллинистических лириков разных веков. И эти свидетельства древнегреческих памятников об ужасе перед смертью (но с другой стороны нередко и о тяжести жизни, об ужасе перед жизнью, перед страданиями жизни) глубоко укоренены в греческой душе, несмотря на общий столь жизнерадостный, казалось бы (и в значительной степени это так и есть) и бодрый и динамический тон жизни и культуры древней Греции. Особенно за сердце хватают (приближаясь в этом к некоторым изречениям Паскаля) некоторые мысли «плачущего» Гераклита и т.д. Те же мысли и переживания, доходящие до глубины тоски и отчаяния, находим у ряда великих поэтов-пессимистов 19-го века – на Западе у итальянца Леопарди (*Or poserei per sempre, Stanco mio cor... Fini l'inganno supremo, Ch'eterno io mi credei...*),¹ у Альфреда де Виньи (у нас особенно сильно у Лермонтова и Баратынского).

Одно из разительнейших проявлений как бы зачарованной прикованности взора к пропасти смерти, что влечет за собой полную переоценку всех ценностей жизни, мы находим (наряду с древнебуддийскими священными книгами палийского канона) в ветхозаветной книге «Екклесиаст».

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом... Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот – все суета и томление духа! ... И оглянулся я на все дела... и на труд, которым я трудился, делая их: и вот все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!»

Постановка вопроса у Толстого и у Екклесиаста довольно сходная (недаром в своей «Исповеди» Толстой приводит длинную – почти в три страницы – цитату из Екклесиаста). Сходны (до известной степени!) и муки душевного искания (в общей их направленности) с муками Августина и Паскаля (до их «обращения», или, вернее, поворотного пункта в их жизни). И у Толстого был такой поворотный пункт, но растянувшийся на довольно длительное время – около трех лет. Об этом он подробно пишет в своей «Исповеди».

---

1 «Теперь ты отдохнешь навеки, Усталое мое сердце... Закончен обман безмерный, который вечным я себе представил...»

Можно до известной степени сказать, что разрешение духовного кризиса у Толстого происходило, повидимому, путем как бы двух параллельно протекавших процессов, не тождественных, но восполняющих друг друга. Один процесс – мучительные искания и конечного как будто разрешения вопроса путем *неустанного напряжения мыслительной деятельности*, умственных исканий. Другой процесс можно было бы назвать более пассивным, его можно отнести к категории «*мистической встречи*», на которой нам придется сейчас несколько остановиться. Эти процессы, повторяю, восполняют друг друга; более того, часто тесно связаны друг с другом. Искание более подробно запечатлено в знаменитой «Исповеди» Толстого, написанной в ее окончательном виде уже несколько позднее. Другой процесс – где врывается фактор *встречи* – часто при том неожиданной с некоей вне нашего «я» находящейся – так говорят нам мистики – решающей Реальностью, с активной *инициативой именно* этой Реальности (а моя активность отодвигается на второй план) – нашла некоторое отражение в рассказе о духовном перевороте, происшедшем в Константине Левине и описанном в «Эпilogе» к роману «Анна Каренина». Оба эти процесса – говорят мистики (или сих слов внимательные исследователи их творений, повествующих об их опыте), призваны слиться в один, так сказать, поток, в единую обновленную жизнь духа.

Но бывает и разнoбой и внутренние противоречия. Это мы видим и у Толстого. Эти противоречия болезненно переживались и им самим, и его окружением. Мы позволим себе лишь чрезвычайно осторожно и кратко коснуться этой проблемы.

Начнем с очень краткого очерка того, как этот кризис подготовлялся – в течение долгих лет и как он разрешался тоже в течение многих лет в мучительных подчас противоречиях. Далее, как он, повидимому, разрешился или приближался к разрешению: сокровенно для нас, но в устремлении к тому Покою, о котором Толстой мечтал и к которому он стремился в течение своей жизни.

Это душевное смятение или, как назвал это сам Толстой в своей «Исповеди» эти «остановки жизни» стали уже довольно рано врываться отдельными переживаниями в общее динамически бодрое жизненное настроение, хотя еще едва сказываются в его творчестве. Вполне определенно проявляются они у 27-летнего Толстого в то самое время, когда он, жизнерадостный и полный подъема сил поручик артиллерии, стоя со своей частью в резерве под Севастополем, своей бодростью и веселостью духа благотворно действует на своих товарищей. Эта тоска, сознание тщеты, «суеты» всего, пробуждается потом отдельными моментами все чаще, особенно после смерти его любимого брата Николая, умершего на его руках. Но приходит молодая любовь, расцвет чистого и большого семейного счастья, радостный подъем

огромной творческой силы. И жизнь при том зовет его со всех сторон, не только горячая и нежная супружеская любовь, и дети, и творчество, но и общественная жизнь, и дышащее живительным воздухом реформ Александра Второго увлечение проблемами народного образования, и страстный и любящий интерес к жизни и судьбам простого народа, но и также и хозяйство, и езда верхом, и раннее вставание и его увлечение будящей, зовущей жизнью окружающей природы. И сознание силы – огромной силы его художественного дарования, и всемирная слава. И все острее пробуждающаяся – после пятнадцати лет очень большого семейного счастья и неубывающей творческой силы – сознание тщеты всего. Эта подземная струя прорывается наружу, захватывает жизнь и творчество, полу-разбивает как будто и жизнь и творчество и вместе с тем все же углубляет и оплодотворяет их. Три года приблизительно – от осени 1876 года до осени 1879 года длилось согласно книге Александры Львовны («Отец») высшее напряжение этого кризиса. При этом он находил волнами. Толстой судорожно ищет точки опоры, хватается за остатки своей веры, старается ее укрепить, удержать, даже подчеркнуть во вне. Но находит новая волна сомнений. И вновь надвигается «черный мешок»:

«Пока я не знаю – зачем, я не могу ничего делать, я не могу жить. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну, хорошо, у тебя будет 6.000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, ну, и потом?» И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире – ну и что же?» И я ничего, ничего не мог ответить. Вопросы не ждут, надо сейчас ответить; если не ответишь, нельзя жить. А ответа нет.

Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать и не мог не дышать, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным... Истина была то, что жизнь есть бессмыслица.»

Толстой вышел из этого кризиса, он выжил и физически и душевно, он нашел силу жить и смысл для своей жизни. И основа этого преодоления была несомненно *религиозная*. Ее можно, может быть, описать как ощущение *присутствия Бога* как основной силы и источника и нашей жизни и жизни мира и как вытекающий из этого *религиозно-моральный радикализм*, теснейшим образом связанный с нравственной проповедью Христа (особенно в Нагорной Проповеди).

«Вера в Бога, без которой он не мог уже существовать», пишет его дочь, «была той скалой, за которую уцепился Толстой». ¹ Например, еще в начале кризиса 70-х годов он пишет своему другу-тетушке Александре Андреевне: «Для меня вопрос религии такой же вопрос, как для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года представляется мне этой возможностью спасения». ²

И первое время это совпадало для него с исканием большего приближения к Церкви, укрепления духовных связей с Церковью. Но уже вскоре его религиозные и нравственно-общественные искания стали развиваться все больше в сторону отчуждения и, наконец, решительного отхода от Церкви и ее веры, что выявилось, например, уже в начале 1880-го года при (временном) разрыве с его другом-тетушкой Александрой Андреевной Толстой (той самой, которой он писал животрепещущие, захваченные красотой весенней природы письма из Ясной Поляны). Впрочем, разрыв этот не был, как мы знаем, окончательным.

Для христианской веры нравственное учение Христа неотделимо от Его Личности... Толстой же многократно и настойчиво высказывается в противоположном смысле, особенно в своих теоретических статьях и брошюрах, излагающих основы его учения. Для него дело только в нравственном учении христианства, а самой Личности Учителя он приписывает лишь второстепенное значение. Т.е. расхождение в самом основном: ибо христианская проповедь говорит о прорыве в мир Божественного Присутствия в лице Иисуса Христа, как центрального и основоположного откровения любви Божией «в Сыне Любви Его» (Послание к Колоссянам 1, 13). А этого Толстой не только не принимает, но и неоднократно полемизирует против этого центра всей проповеди христианской. Впрочем, несмотря на всю категоричность и даже подчеркнутость своей точки зрения, особенно в своих теоретических произведениях, Толстой не всегда выдерживает эту точку зрения до конца. У него в этом решающем вопросе встречаем ряд противоречий, ряд отклонений от этой, казалось бы, господствующей точки зрения.

На этот сложный и трудный, уходящий в глубину вопрос – более сложный чем может он сначала показаться – нужно постараться насколько возможно дать осторожный и взвешенный не ответ, а *некий материал* для углубленного и охватывающего различные стороны действительности ответа. И это требует не только обычного, логически

---

1 «Отец», I, 355.

2 Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой, № 101, приведено у А.Л. Толстой, «Отец», I, 355.

из многочисленных высказываний Толстого выводимого, заключения, а несколько более «прислушивающегося» (если можно так выразиться), несколько более глубинного, я сказал бы, подхода. Попытку такого подхода встречаем, например, у Ивана Сергеевича Аксакова в связи с некоторыми «Народными рассказами» Толстого.¹

VII

В различных духовных исканиях человечества с древнейших времен, доступных нашему изучению, с большой яркостью и напряженностью обозначаются два резко противоположных друг другу полюса переживаний: *пессимизм*, потеря веры в смысл жизни, доходящие до отчаяния и... мистический опыт. И еще определеннее: содержание этого мистического опыта обозначается как *встреча с Богом*. Так свидетельствуют нам люди, имевшие и имеющие такой опыт. Это, так сказать, свидетельство изнутри. Но таков, например, и вывод – вдумчивый и осторожный – который делает из огромного количества «классических» основоположных свидетельств «феноменология религии»,² т.е. описание (насколько это возможно сделать «извне») религиозных переживаний в их основоположных типических чертах. О характере такой «встречи» свидетельствует, например, автор 138-го³ псалма: «Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на меня руку Свою... Куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда убою? Возьму ли крылья зари, переселюсь на край моря – и там рука Твоя поведет меня и поддержит меня десница Твоя.» Божественное Присутствие окружает нас, даже, так сказать, «теснит» нас, обступает нас, говорят мистики. «Любовь Христова объемлет нас» (συνέχει ἡρῶς), восклицает апостол Павел во Втором Послании к Коринфянам (5, 14). «Sero te amavi, o pulchritudo tam antiqua et tam nova, Sero te amavi.» («Поздно я возлюбил Тебя, о столь изначальная, столь новая Красота, поздно я возлюбил Тебя.» Так обращается Августин к открывшемуся ему внезапно источнику удовлетворения его духовной жажды. «Вот Ты был внутри, но я был извне и там я Тебя искал... Ты был со мною, но я с Тобою не был... Но Ты позвал меня и прорвал глухоту мою.»⁴

---

1 Подробнее об этом ниже.

2 См., например, замечательную книгу *Rud. Otto*, «Das Heilige» (первое издание 1917 г.; в английском переводе «The Idea of the Holy».

3 По «западной» нумерации 139-ый псалом.

4 ...Et ecce intus eras, et ego foris, et ibi te quaerebam. Mecum eras et tecum non eram. Vocasti et clamasti et rupisti surditatem meam. Gustavi et esurio et sitio. Tetigisti me et exarsi in pacem tuam» *Augustinas Confessiones*, lib. X, c. 2F.

Такое же чувство *внезапного прорыва* в свидетельстве Паскаля, тогда же записанном им (запись эту он до самой своей смерти, как мы знаем, носил зашитой в своем камзоле):

«Понедельник 23 ноября

От приблизительно половины одиннадцатого вечера до приблизительно половины первого ночи

Огонь (Feu)

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не философов и мудрецов.

Уверенность, уверенность.

Радость. Мир.

(Certitude, certitude. Sentiments. Joie. Paix)

Бог Иисус Христа

.....
«Сия есть жизнь вечная: да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа.

Иисус Христос

Иисус Христос

Да не буду я разлучен от Него во веки...»¹

И у него, как у Августина, ощущение *прорыва* некой иной высшей Божественной Жизни. И то же пережито было – потрясающим образом – апостолом Павлом в минуту его обращения. Позднее он так пишет об этом в письме к особенно близкой ему и любимой им церкви Филиппийской: «Я устремляюсь вперед (в надежде) не достигну ли я, как я сам уже захвачен (покорен – ἐφ'ῶς καὶ κατέλπιθην) Христом Иисусом» (3, 12).

Но и в менее поразительных, менее потрясающих проявлениях может найти себе выражение – говорит нам история религиозного чувства и христианского, и вне-христианского – это «встреча», это прикосновение к близости Божественного. «Встреча» с Высшей Реальностью, так говорят нам мистики, часто происходит в самой обыденной будничной обстановке, без каких-либо поражающих внешних проявлений, поводом иногда могут быть самые обычные явления внешней жизни. Так было, например, с простым деревенским юношей, который был послушником в одном из монастырей в Сев. Нормандии в 17-ом веке. Он был полон добрых намерений, но мало развит интеллектуально. Ему поручались разные кухонные работы. Раз он вышел на большую дорогу, проходившую мимо монастыря, и взглянул на дерево, стоящее без листьев, ибо была уже поздняя осень. И он подумал, что весной это дерево опять зацветет и покроется листьями и соки будут

---

1 Этот документ хранится в Bibliothèque Nationale в Париже (под № 9202).

опять пробегать по его ветвям. И его охватило вдруг чувство величия и могущества и благодати Божией с такой силой, что он стал с этой поры другим человеком. Всю жизнь его пронизала мысль о близости Божией и снисходящем к нам милосердии Божиим, и он сделался человеком высокой духовности и большого смирения.¹

Примеры, подобные этим, могут быть бесконечно умножены. Если действительно основа религиозного опыта есть, согласно убеждению людей верующих, как автор 138-го псалма,² *встреча с Богом*, то ясно, что многообразие возможностей и видов этой встречи должно быть велико и пронизывать различные состояния человеческой души, как и различные проявления человеческой активности.

Мы знаем, как часто самые обычные и естественные человеческие взаимоотношения – в самой различной среде и у самых различных народов – освящались и освящаются ощущением некоего основного *заднего фона*: близостью Божественного. Так освящается чистая семейная радость, семейная любовь, семейный уют, всякая трогательная, исполненная самоотдания и взаимного служения любовь членов семьи друг ко другу. И примеры этому бесчислены. И несомненно здесь ощущалась и ощущается некая святость. И это ощущается во всякой не самоустраемленной, а именно отдающей себя на служение любви к ближнему (как это например изображено в 25-й главе Евангелия от Матфея). А иногда некое ощущение близости Высшей охватывает уже в самом процессе *искания Правды*, в самих муках духовной жажды: жажда Бога, «как лань жаждет потоков воды» – говорит псалмопевец; «кто жаждет, да идет ко мне и пьет», читаем у Иоанна). Иногда точка опоры или начальный пункт духовного пути открывается нам через общение (мимолетное или длительное, иногда как будто случайное) с человеком, на котором самом лежит уже отблеск искания Высшей Действительности и общения с ней. Для христианина решающим и центральным местом встречи с Полнотой Божества является личность Христа – «Сына Любви Его», говоря словами апостола Павла.

Нам следует поставить здесь два вопроса. Первый: встречаются ли в художественном творчестве и в жизни Толстого указания на такие *прорывы* ощущения близости Божественного, что мистики называют «неожиданным прозрением» в глубины жизни? На этот вопрос общего характера нужно несомненно с полной определенностью ответить: *да*, у Толстого и в его творчестве и в его жизни открываются порой внезапные *задние фоны* – краткие изумительные «прозрения» в глубины *иной* жизни, несмотря на сильный рационалистический элемент,

1 «Entretiens avec le Frère Laurent (*de la Résurrection*)», «Recueil de Divers Traitez de Théologie Mystique», Cologne, 1699.

2 «Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на меня руку Свою».

столь часто встречающийся в теоретических его рассуждениях. Это – прозрения художника, может быть близкие порой к мистическому опыту.

Но по второму вопросу об отношении Толстого к образу Христа, образу, который он бесконечно высоко чтит, часто до слез и умиления (несмотря на всю свою очень определенную и категорическую, подчас доходящую до страстности полемику против веры христиан во Христа) – по этому особенно важному и центральному вопросу мысль и чувство Толстого неожиданно иногда дwoятся. И эта двойственность иногда поражает.

Согласно сильно рационалистически окрашенным изложениям своей веры Толстой считает Христа только – *передатчиком* (правда, изумительным по своей высоте и истинности своей!) нравственного учения. На деле же неожиданно у Толстого врываются иногда элементы, находящиеся в существенном противоречии с таким его, казалось бы, определенно и ясно и многократно сформулированным учением о Христе. Противоречия эти, главным образом, в области религиозного чувства, но они иногда настолько неожиданы и паразитичны, что, повидимому, приходится с ними как-то считаться: нет ли и тут некоего неожиданного «прорыва вглубь»?

Но вернемся снова к общему вопросу о внутренней не только рассудочной, а и сверх-рассудочной («мистической») «встрече с Богом» у Толстого.¹ Внешний повод к такой встрече, мы говорили, часто как будто случайный. Такой характер имеет случайно услышанный Левиным разговор мужиков *о Фоканыче*. Эти случайно услышанные им слова явились как бы внешним поводом, «зацепкой» для ворвавшихся в измученную сомнениями душу Левина оживляющих струй новой духовной жизни (в образе Левина, как известно, вложено много черт собственного духовного искания Толстого).

- «...Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет, Бога помнит.
– Как Бога помнит? Как для души живет? – почти крикнул Левин.
– Известно как, по правде, по-божью.»

И вот эти слова вдруг потрясли Левина.

«Он чувствовал в своей душе что-то новое и с наслаждением ощущал это новое, не зная еще, что это такое. Не для нужд своих жить, а для Бога...»

.....
А я искал чудес, жалел, что не видел чуда, которое бы убедило меня.

---

1 Мысль о том, что наше истинное познание приходит к нам не рассудочным, а *сверх-рассудочным* путем, встречается у Толстого нередко, так например уже в пространном письме от осени 1865 года (хотя эта мысль в явном противоречии с рационалистической окраской большинства его статей о религии).

А вот оно чудо... постоянно существующее, со сторон окружающее меня, и я не замечал его.

.....
Неужели я нашел разрешение всего, неужели кончены теперь мои страдания? – думал Левин».

Более того, это новое чувство укорененности в Боге и «эти законы добра, которые явлены миру откровением» – так чувствует Левин – волей-неволей соединяют его «с другими людьми в одно общество верующих, которое называется Церковью».¹

Коренное расхождение Толстого с Церковью, которое (в противоположность первоначальной фазе преодоления его духовного кризиса, закрепленной в «Эпиплоге») отчетливо и ярко определилось на пороге 80-х годов,² вытекает из признания им Иисуса Христа, как мы видели, только великим пророком и учителем, проповедником изумительного по своей высоте религиозно-нравственного учения. Для Церкви же христианской основой и вдохновляющей силой всей ее веры и ее благовестия об обновленной жизни (несмотря на все человеческие слабости и грехи ее членов) является ее *захваченность* и *покоренность*³ историческим и вместе с тем центральным и основоположным фактом, превышающим наш разум. Именно: божественного Присутствия в мире или вернее *прорыва* в мир – в человеческой плоти, в унижении, смирении и страдании – Полноты Божией в лице Иисуса Христа. Величие в бедности, унижении, смерти и – в *победе* над смертью. Это было неприемлемо для разума не только в 19-м или 20-м веке, но уже тогда, в эпоху апостола Павла: «Мы же проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для эллинов безумие»,⁴ но для уверовавших, захваченных этим прорывом – «Христа, Божию силу и Божию премудрость!» Вот – это как раз, что «для мудрых мира сего» оказалось у апостола Павла неразумным («для иудеев соблазн, для эллинов безумие»), оказалось неприемлемым и для Толстого к началу 80-х годов после преодоления им внутреннего кризиса и окончательного утверждения в нем веры в Бога как основы и смысла жизни. Да, убежденная, горячая, подлинная и действенная вера в Бога легла теперь в основу его жизни – до самой смерти его. Вера, основанная на нравственном учении Христа, но сам Христос

---

1 Анна Каренина, часть VIII гл. 11, 12, 18, 19.

2 Оно уже вполне налицо в начале 1881 года.

3 «Как меня покорил Христос Иисус» – Филипп. 3, 12.

4 В Первом Послании к Коринфянам (гл. 1), написанном апостолом Павлом из Ефеса около 55 г. нашей эры, одном из самых ранних памятников христианской письменности.

признается Толстым (все снова и снова: в многочисленных теоретических изложениях им своей веры, в интимных записях, беседах и письмах) как несущественный для этой веры. И иногда это находит себе у Толстого даже заостреннополемическое выражение, – полемическое не против Христа, но против веры во Христа, как Божественного «Слова, которое стало плотью».

И потом вдруг прорыв других чувств, другая настроенность у Толстого с образом *страдающего* Христа. И какая душу умиляющая сокровенная сила в этом страдании! «Репину, если увидите, скажите», пишет Толстой Черткову о картине Репина, изображающей распятого Христа, «что я всегда любил его (Репина), любил, но это лицо Христа связало меня с ним теснее чем прежде. Я вспомню только это лицо и руку и слезы навертываются».¹ Как ни странно, вспоминаются переживания христианских мистиков Востока и Запада.²

Вспомним сходные переживания Толстого, описанные в воспоминаниях его друга и дв. тети («бабушки») А.А. Толстой, приехавшей летом 1887 года после долгого перерыва опять в Ясную Поляну. «Я очень любила эти утренние часы. Лев, обновленный сном, был в отличном духе и необыкновенно мил. Мы разговаривали совершенно спокойно: он часто читал мне любимые его стихи Тютчева и некоторые Хомякова, которые он ценил особенно; когда в каком-нибудь появлялось имя Христа, голос его дрожал и глаза наполнялись слезами. Это воспоминание и до сих пор меня утешает: он, сам того не сознавая, глубоко любит Спасителя и, конечно, чувствует в нем не обыкновенного человека; трудно понять противоречие его слов и чувства».³

---

1 Письмо от 2 мая 1885 года. Приведено у А.Л. Толстой, «Отец», II. 28.

2 Так, Франциск Ассизский, уже полуслепой, на одре предсмертной болезни, говорит брату, пришедшему почитать ему вслух из Писания: «Non pluribus indigeo, fili: Scio Christum pauperum, crucifixum» («я в большем не нуждаюсь, сын мой: я знаю Христа бедного и распятого»). Так некий палестинский подвижник Стефан (о нем рассказывает Иоанн Мосх, 550-619, в своей книжке «Луг Духовный»), когда пришли к нему в келью проезжие монахи просить у него напутственного поучения, долго не отвечал. Наконец на повторную их просьбу он ответил, что не мог оторваться умственным взором от Господа Иисуса Христа, висящего на древе крестном. Немецкий мистик Heinrich Seuse 14-го века слышит в душе своей голос Вечной Премудрости – распятого Господа Иисуса: «Ты должен сперва пройти чрез Мое страждущее человечество (Du must den Durchbruch nemen durch min gelitnen Menschheit), если ты хочешь действительно притти к Моему чистому Божеству» (Seuse Leben, с. 13). См. об этом, например, мою книгу «Жажда подлинного Бытия», стр. 164-167.

3 Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой, Воспоминания, стр. 35. См. «Отец», II, стр. 59.

Мы уже говорили о вдумчивом и сдержанно-осторожном подходе к этой проблеме у Ивана Сергеевича Аксакова. В письме к Данилевскому от 5 июля 1885 г. он пишет о народных рассказах Толстого «Свечка» и «Два старика»: «В рассказах обнаруживается, что Л.Н. стоит к Святой Истине в таких чистосердечных отношениях, тайна которых не подлежит нашему анализу и которые ставят его, автора, вне суда нашего. Очевидно, у него свой контокуронт с Богом.»¹ Поражает осторожность и бережность подхода Аксакова к этой теме.

Но вернемся к еще более красноречивому и в своей простоте в какие-то глубины уводящему свидетельству Толстого в его народном рассказе «Где любовь, там и Бог».

Мы знаем, что страдание человека, страдание ближнего и вообще страдание в мировом масштабе переживается Толстым с напряженным и активным участием и состраданием, почти в меньшей степени чем у Достоевского, но выражается в различных от Достоевского тонах и является только одной из тем, далеко не главной темой, его творчества. Ибо кисть Толстого гораздо более оптимистична и жизнерадостна в восприятии и изображении мира и жизни, не так заостренно-трагична как у Достоевского. Достоевский просто *обуреваем* состраданием, до острейшей боли (характерны, например, эти его – почти странно до непонятности – звучащие слова в «Идиоте»: «сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человеческого»²) и доводящей вплоть до края бездны... отчаяния. Ибо не Бога он отрицает, но только мира Его и будущей гармонии Его не принимает, говорит нам Иван в разговоре двух братьев. Нет ответа у Ивана и нет ответа и у Алеши и у Достоевского, *кроме одного* (чуждого Ивану): бесконечного снисхождения Божиего в Сыне Своем. Бесконечная, отдающая себя Любовь Божия в Том, Кто принял на Себя страдание наше и вошел в него и осветил самое страдание присутствием Своим.³ Но здесь нам следует остановиться на несколько минут, так как здесь мы, может быть, касаемся важного пункта в вопросе о близости друг ко другу и вместе с тем и о взаимном расхождении между Толстым и Достоевским. Вопрос о страдании – и особенно страдании ближнего и о нашем активном сострадании

1 Приведено там же, II, 58.

2 «Идиот», часть II, гл. 5. Думается мне, что слово «закон» нужно здесь понимать не в смысле внешне-эмпирического закона, а в смысле «нормы».

3 «Брат, – проговорил вдруг с засверкавшими глазами Алеша, – ты сказал сейчас, есть ли во всем мире Существо, которое могло бы и имело право простить? Но Существо это есть, и Оно может все простить, всех и вся и *за все*, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всех и за вся. Ты забыл о Нем, а на Нем то и жидется здание...»

ему и помощи ему, моральной и материальной – занимает очень важное место в миросозерцании и во всей жизненной установке Толстого. Но еще более важное – самое центральное, метафизически-решающее значение имеет страдание у Достоевского. Более того, страдание *освящается* у Достоевского, когда оно – этот непостижимый для нас камень преткновения – становится вдруг откровением отдающей себя за нас на страдание *безмерно снисходящей Любви Божией*. Ибо эта любовь не только безмерно умирительна и потрясает нас в своем добровольном и смиренном безмерном уничтожении ради нас, но и спасительна и победоносна, победительница Зла и Смерти, так как она эта отдающая себя в жертву Любовь Божия есть *Вечная Жизнь*. «Свидетельство об этом состоит в том, что Бог даровал нам Жизнь вечную и сия жизнь в Сыне Его», пишет Иоанн (I Послание, 5, 11). Но из этой веры Достоевского, которая есть вера и Иоанна и Павла, вытекает *освящение и любви к ближнему*.

Эта сила отдающей себя Любви Божией захватывает нас потоком ответной любви и раскрывает нам присутствие Его и в страждущем брате нашем. «Тогда скажет Царь, приидите благословенные Отца моего... Ибо алкал Я и вы дали мне есть, жаждал и вы напоили Меня, был странником и вы приняли Меня, наг был и вы одели Меня, болен был и в темнице и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут в ответ: «Господи, когда мы видели Тебя алчущим и накормили или жаждущим и напоили... или нагим и одели? И Царь скажет им тогда: «Истинно говорю вам, так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Это место из 25-й главы от Матфей приводит не Достоевский, а именно Толстой в своем народном рассказе «Где любовь, там и Бог». Как близко подошли они друг ко другу! Может быть в глубине они действительно иногда более приближались друг ко другу, чем мы это себе представляем? Во всяком случае Толстой чувствовал порой какую-то особую близость к Достоевскому, как он высказывает это в своем знаменитом письме к Страхову от 5 февраля 1880 года по поводу смерти Достоевского:¹

«Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним: и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним, никогда... Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг читаю – умер! Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, что он мне дорог, и я плакал и теперь плачу .....

1 См. об этом напр. «Отец», I, 380-381.

Бедный старенький сапожник Авдеич смог увидеть Христа в образе и бедной женщины, и старухи, и мальчика с яблоком, котрым он оказал любовь:

«Оглянулся Авдеич и видит: стоят точно люди, в темном углу стоят люди, а не может разобрать, кто такие. И шепчет ему на ухо голос: «Мартын, а Мартын, или ты не узнал Меня?» – «Кого?» проговорил Авдеич. – «Меня», сказал голос; ведь это Я». И выступил из темного угла Степаныч, улыбнулся и как облачно разошелся и не стало его... «И это Я», сказал голос. И выступила из темного угла женщина с ребеночком, и улыбнулась женщина и засмеялся ребеночек, и тоже пропали. – «И это Я», сказал голос. Выступила старуха и мальчик с яблоком, и оба улыбнулись и тоже пропали. И радостно стало на душе Авдеича. Перекрестился он, надел очки и стал читать Евангелие там, где оно открылось. И вверху страницы он прочел: «Ибо взалкал Я и вы дали мне есть...» И понял Авдеич, что... точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что он принял Его.»

Авдеич – не Толстой ли? Во всяком случае – в то время, когда Толстой писал этот рассказ (в 1885 году)?

Не станем делать слишком поспешных выводов. Но вот – элемент «прозрения» в какие-то неожиданные глубины, сказал бы мистик. Божественная Любовь открывается вдруг в страдании и смиренном величии Того, Кто является центром мистического устремления христианства. А Он открывается в братьях и в нашей любви к братьям. Так это и у Толстого в этом рассказе. Назовем ли это: некоторые «мистические христианские элементы» у Толстого (толкуемые через призму Достоевского и 25-й главы Матфея и Первого Послания Иоанна)? Но им самим – Толстым – с огромной душевной простотой, непосредственно и ярко изображенные в этом его народном рассказе.¹

И еще одна черта сближения: *подвиг*, героический подвиг, к которому зовет Нагорная Проповедь и героичность, радикализм и самоотверженность которого потрясли душу Толстого. Все это полно противоречий, почти до самого конца. Но как много высокого благочестия во многих интимных записях Толстого – и о Боге, как Отце, приемлющем приходящих к Нему (не только как о пантеистической основе мира, частью которой и я сам также являюсь,

---

¹ Рассказ этот, носящий яркие черты Толстовского мастерства и стиля, по сюжету своему есть переработка напечатанного анонимно в журнале «Русский Рабочий» (1884 г. № 1) рассказа «Дядя Мартын», который в свою очередь является обработанным переводом рассказа французского писателя Rubin Saillens, «Le Père Martin». Толстой, не знавший этого, написал потом извительное письмо Р. Сайану. Рассказ написан Толстым в марте 1885 г. (Л.Н. Толстой, Собрание сочинений в 20 томах. Том X, стр. 563, Москва, 1963 г.).

и о высшем законе Добра) и о силе молитвы и о нашей слабости и греховности и необходимости смирения. И рядом с этим какая иногда несдержанная под влиянием раздраженности полемика, не останавливающаяся перед оскорблением религиозного чувства других людей.

И вместе с тем какая огромная сила жизни и динамизма и сила и искренность в искании Правды – и внутренняя борьба с самим собой и жажда праведности, и бодрость и активность духа до глубокой старости, до самой смерти, и жажда... Бога. И преодолевшая ужас перед смертью уверенность в победе Жизни (иной *Высшей* жизни) над смертью, как об этом читаем в изумительном окончании его «Смерти Ивана Ильича». «А смерть? Где она?...
.....
Вместо смерти был Свет» . . .

Это не пантеистический в непрерывающуюся жизнь природного мира уход, это другая плоскость, другая сфера бытия – сфера побеждающего смерть Света Жизни.

Уход Толстого из своего дома есть не только завершение его личных переживаний, его личной драмы особенно последних его лет, но имеет несомненно и глубокое символическое и более общее значение. Он есть выражение острого – до боли острого – *искания* духовного. Но в этом искании нет ли уже и некоего элемента *нахождения*? Это есть тайна души Толстого. Но нет ли в этой его тайне, под кровом этой его тайны, уже начала *примирения*? (Не говорят ли в сторону такого понимания некоторые впечатления от поездки его в Шамордино и пребывание его там?) Вот с этой «тайной примирения» (ее возможности или даже – до известной степени – ее внутреннего *факта*) должны мы считаться, когда говорим о пути Толстого. От окончания его пути – от его смерти, несмотря на все трагические обстоятельства и человеческую тяжесть обстановки – веет *миром*.

Лев Толстой – имя мирового размаха и значения и поражающего художественного величия и силы. Лев Толстой – один из тех, которые своим творчеством и своими исканиями и даже противоречиями теснейшим образом связаны с волнующимся потоком русской духовной жизни.

И – что может быть теперь особенно важно для нас – в нем жива *прежняя Россия*, Жива перед глазами всего мира – в своих образах непреходящей красоты и правды, и в этом – хоть часто и смутном – *искании Бога*.

СОСЛОВИЯ И КЛАССЫ У ЛЬВА ТОЛСТОГО

R. Pletnev*

Настоящая статья есть извлечение из большой работы о классах и сословиях в творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого. Уже более двух лет занимает меня эта тема. Конечно, прежде всего надо было узнать нет ли уже подобной работы и я обратился к библиографиям – «себе присвоить ум чужой». Все мои поиски и поиски некоторых профессоров в СССР, оказались тщетными. Но, подумалось мне, не может же быть, чтобы о таких великанах, как Гете или Бальзак не было статистическо-психологических исследований! Увы и сама помощь проф. германистики не дала результатов. Поглядеть, поучиться как разрабатывалась моя тема на другом материале не удалось.

А разве не интересно или не важно знать и приблизительно роль сословий и классов в творчестве крупнейших русских прозаиков? Вместе с тем у обоих писателей русское крестьянство, тогда большинство населения России (свыше 85%), играет совершенно особую роль в их мировоззрении и идеологии, в учении о «почвенничестве», о «народе богоносце», «священном народе», наконец, в оценке сельского життя, в стремлении Т. к опрощению. Изучая отношения сословий, мы сталкиваемся с интересными данными о ценах, о заработной плате, видим постепенный рост числа и сил разночинцев и революционеров. Слово, неизвестное в словаре Пушкина, *интеллигенция*, возникает, напр., у Т.¹ в шестидесятых годах. Интересно и поучительно следить за ценами предметов, обеда в харчевне, трактире или ресторане на Невском. Бросается в глаза роль и значение извозчиков всех видов от ваньки и ломового, до лихача и ямщиков. А слуги! Беднейший чиновничек XIV класса, коллежский регистратор, полунищий студент, не убирают сами свои каморки, – есть

---

* Rostilav Pletnev – Professor of Russian Literature & Language.

1 Далее всюду только Т. Свои объяснения ставлю в ( ), а если взято у Т., то (.)

прислуга или своя или «от хозяйки». Снуют горничные, кухарки, стряпки, повара – все эти Мавры, Палашки, Терезы, Марьи, Лизаветы, Фоки. Оживает потонувший мир, мир дворецких, шутов, приживалок, сказочниц, странниц, странников и юродивых.¹ В этой статье я ограничиваюсь сословиями и классами у Т. в его художественных и полемически произведениях. Мне пришлось просмотреть все основные издания произведений, но если я даю цитату, привожу том и страницу, то делаю это по двадцатитомному изданию произведений Т., Москва 1960-1965 гг. Я пробую перечислить все профессии, занятия, специальности, которые упоминает писатель, будь то император или пахарь, купец или лотошник, цыгане упомянуты как певцы или «девки» тех лет.

Если мы, более или менее, согласны в значении терминов высший класс, рабочий класс, класс буржуазии и т.д., то слово *сословие* нуждается в определении. Это слово и важнее, ёмче понятия класса и имеет несколько значений. Я пользуюсь словом *сословие* в смысле группового, профессионального, а иногда и классового объединения людей в России XIX века и начале XX в.

1) *дворянское* сословие. Помещики, аристократия, двор, императоры и т.д.

2) *духовное* сословие. Белое и черное духовенство, монахи, странники, юродивые.

3) *купеческое* сословие. Гильдии (I, II, III), банкиры, фабриканты, торговцы.

4) *крестьянское* сословие. Дворовые, помещьчи, черносошные, вольные хлебопашцы, удельные, экономические.

5) *мещанское* сословие. Низшие чиновники, мастера, фабричные (не все, есть из крестьян), мелочные торговцы, часто собственники домов в городе.

6) *разночинцы*. Образованные мещане, крестьяне, поповичи, низшее чиновничество, семинаристы.

7) *чиновичье*² сословие. Все XIV классов, новое служилое сословие.

8) военное сословие. Офицеры-дворяне, унтер-офицеры, солдаты, матросы, и полиция.

8а) казаки.

---

1 Напр. и Достоевский и Т. знают и упоминают знаменитого в Москве юродивого Ивана Яковлевича Курейшу (Корейшу). Это единственный русский юродивый издавший полемическую книгу против Ивана Прыжова, автора «Истории кабаков на Руси». Книга Курейши – «Студента холодных вод» вышла в 1861 г. Прыжова изобразил в «Бесах» Достоевский в образе Толкаченко. См. мою статью о юродивых в «Русское слово в Канаде». Торонто, 1957 г., стр. 7-8, 9 сл. Там же о Василии Блаженном и рассказе Т. «Чем люди живы». Надо исправить опечатку: не Памва, а Вышенский.

2 В 1895 г., Т. пишет: «Чиновичье сословие... крестьянское-лучшее сословие, дворянское, чиновничье – худшее».

- 9) рабочее сословие. Фабричные, поденщики, батраки.
- 10) революционеры. Террористы, социалисты и т.д.
- 11) лишенные прав. Воры, разбойники, колодники, частично и проститутки.

12) интеллигенция. Новое образование из всех почти сословий. Свободные профессии; часть чиновничества. Т. упоминает интеллигенцию в «Войне и мире» (т. IV, 17).

Сам писатель подряд упоминает *только* три сословия и выделяет их: дворянское, крестьянское и чиновничье. К мужику-крестьянину он относится с любовью сочувствием. В «Детстве и отрочестве» откликается сентиментализм М. Карамзина, как я указывал еще в 1930 г. (Slavia, IX, 558). Позже, в 1860-х годах, Т. уже «практик», по А.К. Толстому – «Есть мужик и мужик: Если он не пропьет урожаю, я тогда мужика уважаю» («Поток богатырь»). Николай Ростов делается наконец хорошим, строгим хозяином, учась вести дело у крестьян. «Ленивых, развратных и слабых» он преследовал. Т. всю свою жизнь и был помещиком, деревенским жителем наезжавшим в города и столицы. Даже в 1908-1909 гг. в неоконченной повести «Нет в мире виноватых» говорится без осуждения о герое: Он «был настолько требователен, насколько это было необходимо, чтобы могло идти его хозяйство». Дворяне и крестьяне это главное. Правда, упомянута раз в «Войне и мире» чернь, «чернь то есть сословие (sic) бедных людей.» О себе Т. говорит: «Деревня Ясная Поляна Тульской губернии, которая теперь, в 1879 году принадлежит мне и 290 душам временно обязанных крестьян, 170 лет тому назад, то есть в 1709 году, в самое бурное время царствования Петра I, мало чем была похожа на теперешнюю Ясную Поляну... Теперь я один помещик, у меня каменные дома, пруды, сады... В 1709 году было 137 душ и пять помещиков»¹ В 1723 году в год был оброк по 5 рублей с дыма,² две подводы в Москву, полбарана, 3 осьмины³ ржи, шесть кур, полсотни яиц, семь талек⁴ пряхи льняной, две тальки посконной...» И позднее читатель Т. заметит и знание и внимание писателя к крестьянам, их повинностям, быту и одежде. Во «Власти тьмы» (1886) все главные герои драмы крестьяне. В русской же литературе впервые, еще в XVIII веке, сделан героем чернососный крестьянин-Сысой Дурносопов. Это наивно реалистическая повесть М. Чулкова называется «Горькая участь». От нее тянутся нити и к «Горькой судьбине» (1859) А. Писемского, в свою очередь повлиявшей на «Власть тьмы» и драмы Кишенского.

1 т. X, 479.

2 С жилого дома, с семьи.

3 Приблиз. 315 литров.

4 Талька (катушка, моток около 1200 ниток).

Дворяне, аристократы сперва описаны Т. очень объективно и частично с симпатией. Даже в «Анне Карениной» Левин говорит кн. Облонскому, что лакею, а тем более купцу, он руки не подаст. И не то де плохо, что дворяне умеют «прожитья по-барски», а что дворяне продают земли, леса и т.д. не крестьянам, а купцам. На вопрос Стивы Облонского о «А слияние сословий?» Левин отвечает: – Кому приятно сливаться – на здоровье».¹

Однако с начала 1880 годов и особенно с «Воскресенья» все меняется. Высшее сословие, аристократы, – де все фальшь, разврат; камер-юнкер назван Т. «лакеем», а зачисленные в преступники по законам – нравственно выше среднего уровня общества. Сектанты, поляки, черкесы, социалисты, революционеры и стачечники – «жертвы общества». Это чувство пренебрежения высшим слоем найдем и в неоконченном «Хаджи-Мурате», где воспоминания о Кавказе уже в духе писаний Т. XX века.

Правда и раньше народ, мужики выступают носителями справедливости, терпения и мужества. Солдаты учат Пьера Безухова сути жизни, мудрости бытия и спокойствию. Простой народ в 1812 году по мнению Т. обычно не хвастлив, не высказывает геройских чувств, но трезв и скромн. Русские были в критический момент против «фехтования на шпагах, против обычных форм войны», а «подняли дубину» в виде партизан. Солдаты добродушны, а если уничтожают безжалостно и неприятельских фуражиров и ряд отсталых солдат Наполеона, то это делают «безсознательно». Простой народ, нянька Пьера Безухова, Каратаев, влияют на пробуждение в Безухове веры в Бога. Масса, её чувства решают всё. В истории не важны «так называемые великие люди», они имеют малое значение в крупных исторических событиях. В истории есть «закон предопределения», а на войне важен «дух войска, дух народа».

О народе (мужики) в 1862 г. писатель утверждает: грамотность и книгопечатание вредны для крестьян. Тульский мужик «всё производит сам для себя». Деньги мужику не нужны – когда «у него (у мужика) есть деньги, он зарывает их в землю и не находит нужным делать из них никакого употребления».²

Через 20 лет, в 1882 году, Т. написал «О переписи в Москве»³: «Деньги сами по себе зло. И потому кто дает (на бедных) деньги, тот дает зло». В том же году впервые в иронии гнева крестьяне названы рабами, а русские писатели «распространяют сословные

---

1 т. VIII, 202.

2 т. XVI, 70-71.

3 т. XVI, 88.

писательские взгляды на жизнь». Знание истины можно найти «только жизнью» простого народа. «Все наши действия, рассуждения, наука, искусство – всё предстало мне как баловство». Смысл же жизни ясен, по простому народу: задача человека спасти свою душу. Для этого надобно «жить надо по-божески, трудиться смиренно, терпеть, быть милостивым.»¹ Рабочий народ-фабричные и крестьяне, «число которых относится к первым (дворяне, купцы, чиновники, мастера, полиция и т.п.) как 10:1. «Рабочий должен иметь «естественное право... жить на земле и работать своими орудиями то, что ему нужно». Экономисты, их наука-«оправдать существующее зло».² «Деньги поработают людей. Воображаемые науки занимаются апологией насилия... Цель науки-поддерживать суеверие и обман в людях... Весь *народ* в рабстве у правительства». Художник, сочинитель теперь вреден. Принятие же или неприятие произведений науки и искусства должно «зависеть от воли народа.»³ «Таблицы химических соединений... никогда не были и не будут ни нукой, ни искусством.»⁴

В 1909 году писатель говорит о крестьянстве, что ждёт «всего самого прекрасного от такого народа».⁵ В том же году протестуя против набора солдат и насилия «над этим кротким, мудрым, святым (sic)... и коварно обманутым русским народом», писатель народом восторгается. Тогда же в очерке «Три дня в деревне» (1910 г. Т. цитирует Генри Джорджа⁶ и обвиняя русское правительство, замечает *пророчески*: «Вандалы, предсказанные Джорджем, уже вполне готовы у нас в России... Эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего как это ни странно кажется, глубоко религиозного народа... *Ужасны у нас* именно, потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких либо сдерживающих начал». В России только «две касты – рабочие и нерабочие», – образованные люди. Император Александр I, царская фамилия, даже двор, во время создания «Войны и мира», не вызывают сарказмов, ненависти, презрения. В отдельной статье о романе-эпопее «Война и мир» Т. защищает Александра I, от ряда нападок. Лет через двадцать все меняется: и при Александре I, говорит писатель, в русском солдатстве «из 100-20 человек

1 т. XVI, 146.

2 т. XVI, 239.

3 т. XVI, 360.

4 Подробнее см. т. XVI, 374.

5 т. XIV, 335.

6 Henry George (1839-1897) «The Progress and Poverty», 1879.

забивали насмерть»¹ палками. Начальство при Николае I – «звери с Палкиным во главе». (См. «Николай Палкин» 1886-1887).

Правда и революционеры поступают жестоко, делают то же, что правительство, но оно еще хуже революционеров.² Плохо, что крестьян часто наказывают и телесно за провинности, а надо запретить телесные наказания для «самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия.» «Если, напр., Александр II и не заслужил убийства «то еще менее заслуживали его тысячи русских погибших под Плевной» по вине царя. Но убивать королей и императоров неразумно, ибо такой порядок, «как в магазинных ружьях: как только выскочит одна пуля, другая мгновенно становится на её место. *Le roi est mort, vive le roi!* Так зачем же убивать их?» Сходно выражению знаменитого марксиста, что террор мало что дает: вместо А «с двумя палочками будет А с тремя». Говоря об убийении Александра II, Гумберта, императрицы Австрии и т.д., Т. негодует на то, что их гибель возбуждает среди королей, императоров, придворных «величайшее негодование.» Но и добрые из убитых королей... как Александр II (sic) или Гумберт «были виновниками, участниками и сообщниками – не говоря уже о домашних казнях – убийства десятков тысяч людей погибших на полях сражений.» (1900 год «Не убий»). Правительства только и делают, что одурачивают людей патриотически и ложно-религиозным воспитанием, говорит писатель. Люди, народ не видит зла правителей «только от гипноза, в котором правительства их держат.» Надо же не идти на военную и полицейскую службу, «ни прямых ни косвенных податей не давать... Задача человечества... в том, чтобы уничтожить великие державы, те самые, от которых происходят все бедствия народов.» Народы же все соединить в одну семью без расделения на державы.»³ (1896)

Однако, постоянно призывая народ в эти годы к неподчинению властям, царю, законам и полиции, Т. пишет в заметке – статье «Безсмысленные мечтания» 1895 года: царя «поставили на это место законы страны, составленные или одобренные нашими предками» и тому, что не против воли Бога, он – Т. готов подчиняться.»⁴

В этот же период своей деятельности Т. в письме к жене обращается лишь к этике самоусовершенствования – На вопрос – чем помочь бедным? дается категорический ответ: «Только одним:

---

1 т. XVI, 595.

2 т. XVI, 559.

3 т. XVI, 613 и *passim*.

4 т. XVII, 599. Свое состояние в это время Т. оценивает в 600.000 рублей.

доброю жизнью. Все зло не от того, что богатые забрали у бедных. Это маленькая часть причины. Причина та, что люди богатые, и средние, и бедные живут по-зверски, – каждый для себя».¹

А

Аббат, аббат-губернер, адвокат, административно-ссылный, администратор, адмирал, адъютант, академик (Академии наук), академик (священник), аккомпаниаторша, акробат, актер, акушерка, алжирский царь, апостол, арап (шут), арендатор, арестант-ка, аристократ-ка, армейский генерал, артельщик, (рабочих), артельщик (носильщик жел. дор.), артиллерист, артиллерийский капитан, артист-ка, архиерей, архимандрит, архитектор, ассирийский царь, астроном, атаман (казачий), аудитор (штатский чиновник в войске, стряпчий), аэронавт.

Б.

Баба, банкир, банковский чиновник, банщик, барабанщик (солдат), барин (барчук, барыня, барышня), барон, баронесса, барышня, батальонный командир, батрак (у крепостного крестьянина), бабушка (священник), башмачник, безработный рабочий (около 1909 г.), берейтор (конюх, учитель езды), бесписменный (беспаспортный, высылаемый в свою губернию), беспоповец (старовер), библиотечкарь, благочинный (священник), блаженная (вид юродивой), богомолец, богомолка, богослов, божьи люди (странники-цы), больничный служитель, больничный сторож, бомбардир (чин), Бонапарте, Бонапарт, Буонапарте, бондарь, борзятник, боярин, брамин, брендмайор, бродяга, бронзовщик (мастер), будочник (с алебардой), бурбон, бурмистр (староста назначенный помещиком), буфетчик, буфетчик (зала первого класса жел. дор.), булочник.

В.

Варка (множ. число-варки, редкостное слово = сторожа, коневоды), вахмистр, вахтер тюрьмы, великий князь, вельможа, весовщик, (жел. дор.), вестовой солдат, ветеринар, ветеринарный фельдшер, ветошник, визирь (возырь), викарий (московский), виконт, вице-губернатор-ша, вице-король, владетельная особа, вловщик монастырский (воловщик? погонщик скота), водовоз, водочник (в закускойной), воевода (русский XVII в.), воевода (сербский?), военный генерал-губернатор, военный доктор, военный поселенец (при Александре I), вожатый (ящичный артиллерист), волонтер (греческий), волостной голова, волостной писарь, вольноотпущенный делец (крестьянин), вольные хлебопашцы (крестьяне А. Болконского 1809 г.), воинский начальник, вольный ящик (тройки), воспитатель (швейцарец),

---

¹ 1886 год.

врач, выборной (крестьянин следящий за общинскими повинностями), выборный староста (крестьянин), выжлятник (старший псарь), высокопревосходительство.

Г.

Гадалка, гайдук (выездной лакей), гвардеец, генерал-ша, генерал-адъютант, генерал-аншеф, генерал-губернатор, генерал кавалерии, генерал фельдмаршал, генерал (штатский), герцог-иня, герцог (принц Ольденбургский), гимназист, главарь террористической партий, главнокомандующий, главнокомандующий Москвы, главноуправляющий (именьями), гласный (земский член самоуправления), голландский посланник, горнист, горничная, горшечник, гостиник (хозяин гостиницы), государь, государь император, государственный секретарь (М.М. Сперанский), гофмейстер, граф-иня, гренадер, гробовщик, грузчик, гувернер, гувернантка (немка, французенка, англичанка, шведка), гуртовщик (пастух), гуртовщик (торговец скотом), гусар.

Д.

Дама, дама-компаньонка, дама-патронесса, дворецкий, дворник, дворник (заведующий постоялым двором, обычно в деревне), дворник-торговец (мужик или мецанин), дворник (рядский староста), дворянин-ка, дворянская рота (XVII век), дворянское сословие, девка (девушка), девка (проститутка), декабрист, денщик, денщик-камердинер, держальник (дворянин-стремянный XVII век), десятский (над десятью избами села), дипломат, директор банка, директор кадетского корпуса, директор фабрики, директор Комиссии военных уставов, дирижер, доброволец (1877 г.), доктор, домовладелец (горожанин), драбант (вестовой на Кавказе), драгун, драч (живодер, гицель), духобор, духовник, духовное лицо, дьяк (приказ XVII в.), дьякон, дьячиха, дьячок (пертизан), дьячок (псаломщик), дядька (крепостной, учитель грамоты и рус. яз.).

Е.

Евнух, еврей, егерь (конный), ездовой (артиллерист), Екатерина II императрица, Елизавета императрица, ефрейтор.

Ж.

Жандарм, жандармский офицер, жандарм (конный, француз), живописец (разночинец), жид, жрец.

З.

Заведующий провиантом (граф), заводчик (фабрикант), заговорщик-ца (революционер-ка), загонщик (на охоте), заключенный-ая (арестант-ка), законоучитель (академик священник), закупщик хлеба (мужик), запевала (цыган), запевала (цыганка), запевала (солдат), заседатель (выборный представитель дворянства, обычно в суде), затворник (монах), землевладелец

(помещик-купец), землемер, земский деятель, земский (начальник), земский староста (начальник вотчины, общинный писарь), земский статистик (революционер), земский (писарь, низший полицейский чин), земщика (жена земского старосты), золотарь (асенизатор), золотой молодой человек (золотая молодежь), золотых дел мастер.

И.

Иеромонах, игумен, игуменья, извозчик, извозчик ночной, извозчик (перевозчик клади в обозе), издатель (журналист), издатель, имам (верховный мула), иллюминаторша (баронесса Крюденер), император, император австрийский, император Александр I, император Александр II, император Александр III, император китайский, императ. Мария Федоровна, император французов, императрица Елизавета Алексеевна, императрица (вдовствующая), индийский царь, инженер, инокиня, инспектор, инспектор (артиллерии), институтка, интеллигенция Петербурга («Война и мир», т. IV, 17), интендант, исправник.

К.

Кабатчик, кавалер (орденов, орденосец), кавалерийский офицер, кавалерист, кадет (пажеского корпуса), казак-ординарец, казачка, казачок (слуга, мальчик), казенный крестьянин, казначей (полка), Кайзер Александер, каменщик, каменщик (вольный масон), камергер, камердинер, камерлакей, камер-фурьер, камер-юнкер, кандидат на судебную должность (защитник), кандидат университета (ученая степень до 1880-х годов, - дворянин), каноник, канцлер (русский), капельдинер, капиталист, капитан (корабля), капитан (морской), капитан (пехоты и т.п.), капрал (француз), каптенармус, караульный (на пожарной каланче), караульщик в имении), каретник (мастер), карла (шут, карлик), кассирша, кат-палач, каторжанка, каторжник-ца, кашевар, квартальный (надзиратель), квартиргер (квартирьер), квартирьер, келарь (в монастыре), кельнер, кладовщик (фабрики), кларнетист (дворовый), ключинца, князек (татарин), княгиня, княжна, князь, кожевник, колодник, колонновожатый (в армии), командир бригады, командир дивизии (начальник), командир партизанского отряда, комендор (матрос, наводчик орудия), командующий, коммерсант, компаньонка (приживалка), компаньонка, кондитер (собственник магазина), кондуктор (конки), кондуктор (поезда), коновал, конокрад, конно-гвардеец, конструктор (воздушного шара), конторщик, контрабандист, конюх, конюший, корабельщик, коридорная девушка (в гостинице), кормилица (баба), кормилка (кормилица младенца), корнет (гусарский), корнет (улан), королева, король (Неополитанский), король (Прусский), король Франции, корпусной (командир), корректор, корчемница (незаконно торгующая алкоголем), костюмер, Коканский хан, кочегар, красильщик, кровельщик, краснорядец (торгующий мануфактурой), ксёндз, кузнец, кулак (мироед), купец (11-ой гильдии), купец-золотопрмышленник, купец-мужик, купчиха, куровод, курсистка, курьер (в суде), курьер (офицер), кутейник, кухарка, кухарка (черная), кухарка (ямской избы), кучер.

Л.

Лавочник, лавочник (торговец скотом), лазутчик, лакей, лакей (Английского клуба), лакей выездной, лейб-медик, лейб-улан, лекарь, лектриса (артистка) лесоруб, лесоторговец, либеральный врач, литератор, лихач (извозчик) ловчий (охотник доезжачий), ломовик, лорд, лоцман, Людовик (XIV, XV, XVI, XVIII), лютеранин.

М.

Магистр права, магнат (польский), мадам, мадам (Жрюденер), Мадам де Сталь, мадмазель (гувернантка), майданщик (игрок, базарный жулик), майор, мамелюк Рустан, мамка царицына (кормилица или старшая нянька), маркер (бильярдщик, счетчик), маркиз, маркитант-ка, мародер, маршал, масленник (торговец), масон, мастер (ружейный), мастер (сапожный), мастеровой, матрос, машинист, медвежатник (охотник), мельник, менонит, метрдотель, меццанин, меццанин («в меццанской одежде»), меццанка (хозяйка постоялого двора), милиционер (земское войско), миниатюрист, министр, министр (военный), министр двора, мировой посредник, мировой (судья), мирянин, миссионер (англичанин), митрополит, модистка, молодец, (помощник мясника), монарх, монах, монашенка, моряк, мужик, мужик (молочник), мужик (торговец), музыкант (в театре), музыкант (первая скрипка, крепостной), музыкант (солдат), мулла, мушкетер, муэдзин, мюрид (конвоец, охрана старшего у мусульман Кавказа), мясник.

Н.

Наборщик (типограф), наборщик солдат, надзиратель-ница (тюрьмы), надзиратель желтого дома, наездник (служащий), назарен (секта), наиб (приближенный Шамяля), наместник (Кавказа), народоволец-лка, настоятель (монастыря), настоятель пустыни, начальник артиллерии, начальник города (городничий), начальник губернии, начальник дивизии, начальник острога, начальник палаты, начальник полиции, начальник станции (желдор), начальник штаба армии, начальник штаба (Наполеона I), начальствующий доктор, нелегальный (революционер), нищий, нововер (ссылный), носильщик, нотариус, нукер (военный слуга хана), номер (1-ый, 11-ой... при орудии), няня, няня-англичанка, нянька, нянька (старшая сестра мужика).

О.

Обер-гофкамермейстер, обер-гофмаршал, обер-интендант, обер-кельнер, обер-провиантмейстер (комиссионер), обер-прокурор Свят. синода, обер-секретарь (Сенат), обер-церемониймейстер (Наполеона), обкладчик (медвежатник), обозник (извозчик), обозный (солдат), общественик (каторжанин), объездчик (лесник), однодворец, околоточный надзиратель, ополченец-мужик, острожный (каторжник), отец (Амфилохий), откупщик (винный), офицер (гарнизонный), офицер (гвардеец), офицер (стрелковый), офицер (генералштабный), офицер (дворянского полка), офицер (казацкий), «офицер» (нечи-

стий, чорт), офицер (обозник), офицер (подпоручик), офицер (полицей), офицер (Разведочного бюро), офицер (улан), официант, охотник (дворовый), охотник (за деньги или добровольно заменяющий рекрута).

П.

Паж (Наполеона), палач, палач-каторжник, пан помещик (польский), панславист, папа (римский), парикмахер, партия (отряд партизан), парфюмер, пастор, патриарх, пахарь, певец, (оперы), певица (оперы), певец (уличный), певчий (церкви), переводчик (Наполеона), перевозчик (паромщик), переписчица, переписчик, пересыльный (высылаемый административно), персидский царь, песенник (солдат), пехотинец, печатник (мастерской), печник, пирожник (уличный), писарь, писарь батарейный, писарь земский, писатель, писатель (дворянин), плантатор, пластун, плотник, повар, поверенный в делах Дании, поверенный (управляющий именем), повитуха, поводырь, пограничник (солдат), податаман, подводчик (рекрутов), поденщик-ица, подкинутый ребенок (подкидыш), подмастерье, подполковник, подпоручик, подпрапорщик (знаменосец), приближенный (царя), придворный, приживалка, приживальщик, приказный (чиновник), приказчик (продавец), приказчик (у помещика, управляющий), принц, принц Баденский, прислуга, прислуга орудиная, присяжный заседатель, присяжный поверенный, причетник, провиантский чиновник, прокурор, прокурор Святейшего синода, пролетарий-пролетариат (около 1882 г.), проповедник (в салоне, иноверец), проститутка, протестант (пастор), протоиерей, протоколист (приказный чиновник), протопоп, профессор, прусский министр, пчеловод, пчельник (пчеловод).

Р.

Раб, рабовладелец (русский капиталист около 1900 г. по Т.), работник-ица, работник (землепашец), работник (сын крестьянина заложенный ради денег отцом), рабочий (класс), раввин, разбойник, разжалованный (в солдаты офицер), разносчик (лотошник), разносчик газет, раскольник, ратник (ополченец), реалист (ученик), ребяница (баба молодка с детьми), ревизор (жел. дорог), революционер-ка, редактор, режиссер театра, рейтар (XVII век), рекрут, рекрут-охотник (доброволец), рекрутчик-покупатель, ректор (семинарии), ректор (университета), ремесленник, ресторатор, рецидивист (вор), рисовальный учитель, ростовщик, ротмистр, ротный (командир), рудокоп, рыбак, рядовой (солдат), рядский староста (дворник), рядчик (подрядчик).

С.

Садовник, салопница (приживалка, попрошайка), салопница (род портнихи), сановник, сановник (М.М. Сперанский), сапожник, сардарь (князь наместник, сердар), сбитенщик, светлейший (М.И. Кутузов), святой юродивый Кириллушка, священник, секретарь, секретарь (суда), секретарь Благотворительного общества, секретарь Комиссии прошений (царю), секретарь посольства, сельский учитель, семинарист, семинарист (некончивший курс),

сенатор, сержант (XVII век), сестра (монахиня), сектант (арестант), сестра милосердия, сиделка (в больнице), сиделка служанка, скотница, скотопрмышленник, скрипач (в доме терпимости), славянофил (делец), следователь (по особо важным делам), следователь (юрист), слепой сказочник (дворовый), слесарь, слуга, служанка, служанка (постоялого двора), служитель (больничный), служитель (Сената), служба (архиерея), смотритель (острога), смотритель (почтовой станции), смотритель (тюрьмы), советник (Госуд. совета), содержатель музыкального магазина, содежатель (собственник гостиницы), содержательница (дома терпимости, трактира), содержательница шинка, солдат-ка, солдат-ложечник (при песне бьющий в ложки, дающий такт), солдат (отставной), солдат потешный (XVII век), солдат фурштадский (обозный), состояние (различие в сословиях), сотник (казачий), сотский (сельская полиция), социал-демократ, социалист, спиритист, сыльный, становой пристав, старец, (святой), староста, староста (церковный), старостиха (партизанка 1812 г.), старшина присяжных, старшой (капитан корабля), старшой караула, старьевщик, статистик (интеллигент), статс-секретарь, статский советник, статеchnik, стольник (боярин), столяр, сторож (лесной), стражник, странник, странница, странный-ая (богомолецка), стрелец (XVII век), стрелецкий (голова, полковник, окольный, полуголова, сотник, урядник), стремянный доезжачий, строитель воздушного шара (Лепших), стряпчий чиновник из ведомства прокурора XVII, XVIII века), студент, студент (казеннокоштный), студент-репетитор, субалтерн-офицер, субботник (сылный сектант), судебный пристав, судебный пристав (Сената), судейский (чиновник), судомойка, судья, схимник, сыщица (поставщица проституток в дома терпимости).

Г.

Табунщик (пастух), таможенный чиновник, танцовщица (балета), танцор (артист), тапер, татарин-казак, телеграфист, типографщик, ткач, товарищ военного министра, товарищ обер-прокурора, товарищ прокурора, токарь, топограф (военный), торгаш, торговец лошадьми, торговец, травник-ведун, трактирщик, трактирщик-купец, тренер (англичанин), трубач, тульская оружейница (редкое слово, жена оружейника?), турецкий царь.

У.

Удельный крестьянин, униат (крестьянин), унтер, унтер-офицер (штурманский), управляющий делами графа (дворянин), управляющий (именем), урядник, уставщик (диалект. священник), ученая бабка (акушерка), ученый (Гальвани, Вольта и т.п.), учитель гимназии, учитель (истории и географии), учитель-кандидат университета, учитель пения (итальянец), учитель (русского языка), учитель танцев, учитель Церкви.

Ф.

Фабрикант, фабричный (рабочий), фабричная (работница), фарисей, фейерверкер (унтер-офицер артиллерист), фельдегер, фельдфебель, фельдшерница, философ, фланкер-гусар, флейтист (крепостной), флигель-адъютант,

фокусник, фонарщик, фореитор, фореитор цуга (шестерка лошадей), французский посланник, фрейлина, фуражир, фурштадский офицер (обозник).

Х.

Хаджи (мусульманин), холоп (XVII), холоп (на Кавказе слуга барина), хорист, хорунжий, художник (живописец), художник (из мужиков).

Ц.

Царевич, царевна Софья, царица, царская фамилия (семья), царь, царь-батюшка, царь Иван Алексеевич, царь Иван Васильевич, царь монакский, царь Петр I-II, целовальник (кабатчик), церемонимейстер, церковный староста, цесаревич, цирульник, цыган-ка.

Ч.

Часовщик, черная кухарка, чиновник, чиновник Сената, «чиновничье сословие» (1895 год), член Думы, член парламента, член Совета Минист. гос. имуществ, член суда.

Ш.

Шарманщик (жид), шах персидский, король, швейцар, швейка, швея, шейк, школьный учитель, шорник (мастер), штаб-ротмистр, штабс-капитан, шталмейстер, штундист (секта), шулер, шут (при помещике), шутиха.

Щ.

Щеточник (мастер).

Э.

Экипаж (моряки флота), экономист, экономический крестьянин (ранее монастырский), экономка (мещанка), эмигрант, эрцгерцог-иня, этапный солдат эсаул.

Ю.

Ювелир, юнкер, юродивый (странник, веригоносец), юродивый (предсказатель).

Я.

Ямщик, ямщик (вольнонаемный), ямщик-извозчик, ямщик (почтовый).

Всего у Т. насчитано 932 чина, профессии и т.п.

Addenda

О ГРАММАТИКЕ И НЕКОТОРЫХ ЦЕНАХ И ПЛАТАХ

Своеобразно во многих случаях правописание Т., необычна грамматика и стилистика: эсаул,¹ снытки, а не снетки (рыба), пьянист-пианист, панафида-панихида,² тяжелый и рядом тяжелой, ему будут смеяться; около старых зуб!, на угле, в угле, вместо и в то время правильного-в углу, на углу. Строгоновы, а не правильное-Строгановы, царь монацкий,³ векоуха, а не понятное-вековуха; шахматы внезапно превращаются в шашки. Лефорт, то правильно Франц Иванович, то Франц Яковлевич! Болконский делается Волконским, целая печатная страница без единой точки. Рисовальный учитель, дикие народы галлы, круг овальной формы, и т.п.

Цены и платы очень интересны. Привожу лишь некоторые. В 1850-х годах ямщик зарабатывает 120 рублей в год АССИГНАЦИЯМИ,⁴ а проживает двадцать рублей. Вместо поставки рекрута можно уплатить триста рублей. За организацию и обмундировку, оружие одного полка ополчения в 1812 году некоторые лица платили восемьсот тысяч рублей. Приличный повар, около 1870-го года, получал сорок рублей в месяц, а лакей-пятнадцать рублей в месяц, но чаевых до ста рублей в год. Фабричный рабочий начинал в конце XIX века с двадцати рублей в месяц. Косец в деревне зарабатывал в это время пятьдесят копеек в день. Управляющий банком, старший служащий, до восьми тысяч в год. Сельский учитель – сорок рублей в месяц. Хорошие сапоги – до восьми рублей. Всё согласно Т.

---

1 Всегда было, с XIV века есаул, редко ясаул.

2 См. словарь В. Даля или «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, т. III., Москва 1971 год.

3 В истории Княжества Монако никогда не было ни царей, ни королей.

4 Один рубль серебром в то время равен приблизительно трем рублям и более ассигнациями, «Монет», диалект. процесс. = 1 рубль серебром; упоминается Т.

СТАТЬИ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ*

Пётр Струве

І. Смысл жизни

Было бы странно и пошло ознаменовывать восьмидесятилетие Льва Толстого панегириками или даже фактическими справками о том, что сделал за свою богатую творчеством жизнь великий писатель. Панегирики не нужны читателям, еще менее нужны они самому «юбиляру», а всякая фактическая справка даст меньше того, что, в сущности, знает о Толстом даже средний читатель, и кроме того потонет в необозримой литературе, имеющейся о Толстом и его произведениях. Но, быть может, не лишнее попытаться оценить, в чем значение и смысл деятельности Льва Толстого с самой общей точки зрения, какие проблемы культуры ставит и углубляет эта деятельность. Всякая такая попытка неизбежно обречена быть субъективной и отрывочной. Пишущий эти строки ясно сознает такой характер предлагаемых размышлений и просит у читателей наперед снисхождения.

1.

История русской литературы знает не одного, не двух и не трех великих писателей. Но в ней есть только три громадных явления: Пушкин, Достоевский и Толстой.

Пушкин первый великий русский писатель. И тем только одним, что он жил, он произвел целую культурную революцию. В то же время Пушкин – самый широкий и могущественный из русских писателей – есть живой образ творческой гармонии. Есть что-то для

---

* Эта характеристика представляет соединение двух статей: одной написанной по случаю 80-летия Толстого (*Русская Мысль*, 1908 г. август), и другой, написанной под впечатлением его смерти (*Русская Мысль*, 1910 г. декабрь) и произнесенной в заседании Спб. Религиозно-Философского Об-ва, посвященном памяти Толстого.

(Обе эти статьи были воспроизведены в сборнике статей П.Б. Струве «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм» С.-Петербург, 1911, а затем, вместе с еще двумя статьями о Толстом в книжке «Статьи о Льве Толстом», София, 1921). - *Ред.*

русской культуры пророчески-ободряющее в том, что именно этот спокойный великан стоит в начале русской национальной литературы. Он как бы раз навсегда показал, что русский дух не враждебен искусству и красоте.

Достоевский громаден, как психологическая загадка и как моральная проблема. В его изъязвленной душе Бог и Дьявол вели вечную борьбу. Громадность и единственность Достоевского и состоят именно в том, что в нем загадочно равны были элементы божеский и дьявольский, сила Добра и сила Зла (и притом в широчайшем их толковании, включающем в себя даже самое позитивное понимание). Борьба с Богом и за Бога была внутри Достоевского, в самых глубочайших глубинах его личности. Она была не только не позой, но даже не просто фактом его литературного и умственного развития. Она была его натурой. Достоевский был живым выражением той «непобедимой противоположности между Богом и человеком», о которой говорит Паскаль. Слабым подобием Достоевского в этом отношении в западной литературе является Оскар Уайльд. Ницше же борется с Богом литературно или, если угодно идейно. *Натуре* Ницше – это отличает его от Достоевского – богоборчество совершенно чуждо.

Громадность Толстого, как явления русской культуры, совершенно в другом.

Толстой, как известно, посвятил вопросу об искусстве специальное сочинение. Оно, думается мне, проливает больше света на личность Толстого, чем даже его автобиографические произведения.

До начала 80-х г.г. можно было спрашивать: кто такой Толстой? Теперь перед всяким из нас вопрос ставится иначе: *что такое Толстой?* Каков смысл этого громадного явления русской культуры?

Прежде, до религиозного переворота, с ним происшедшего, Толстой был великим русским писателем. Но после Пушкина появление великого русского писателя уже не обозначало никакого культурного поворота и не заключало в себе никакой загадки.

Случилось, однако, нечто такое, чему нет примера в истории мировой культуры. Мощный художник стал борцом против красоты.

Гете сказал однажды:

«Кто владеет наукой и искусством, у того есть религия. У кого нет ни науки, ни искусства, да будет тому дана религия.»

Гете не предвидел, что можно, «имея» искусство, ради религии отвернуться от него и восстать на красоту. Это, казалось бы, невозможное и даже немислимое дело совершил Лев Толстой. В этом его громадность и единственность, как мирового культурного явления. Борцов против искусства и красоты было не мало до Толстого. Но нет другого примера в истории мировой культуры, чтобы эту борьбу предпринял гениальный творец в искусстве. Толстой в самом себе,

в своей личности и жизни воплотил противоборство Красоты и Добра в здешнем мире. Художник, которому, в его творчестве, дано было соединить величайшую лирическую тонкость и сложность в выражении душевных движений с эпической, чисто гомеровской изобразительностью всего «внешняго» в мире, художник-властелин отрекся от искусства и стал борцом против красоты. Не будем затушевывать и скрывать от себя это противоборство *Красоты* и *Добра* в личности и жизни отошедшего гения. Ибо именно в этом противоборстве значение Толстого, как громадного и единственного факта мировой культуры и религиозной истории. Толстой сам сказал: «чем больше мы отдаемся красоте, тем больше удаляемся от добра».

Он не на словах и даже не в мыслях, а в самой жизни воплотил величайшую метафизическую и религиозную загадку: что такое *Красота* в отношении к *Добру*? Есть ли Красота, так, как мы ее *чувственно* воспринимаем, – «красота человеческого тела» и «приятные на вид здания», красота «панихиды»,¹ красота звука и слова, красок и линий, есть ли телесная, чувственная красота выражение начала божественного, принадлежит ли она к «живому одеянию Божества», имеет ли она религиозное значение и оправдание? Или красота есть начало низменное и злое, есть просто «то, что нам нравится», есть лишь красивое слово для грубого факта наших пристрастий и похотей.

Это есть вековая загадка «Плоти» и «Духа», перенесенная как бы на какую-то высшую ступень, духовно утонченная до противоборства «Красоты» и «Добра». Мировое значение Толстого не в том, что он *задал* эту загадку, а в том, что задал ее *он*, творец-художник, который сам когда-то написал пантеистическую поэму, гимн божественной красоте природы («Казачи»).

В враждебном разъединении добра и красоты обнаруживается тот основной факт, что Толстой, как мыслитель, совершенно лишен всякого метафизического воображения. Красота, как проявление Божества, для него не существует; скорее она для него сила дьявольская.

Отсутствие у Толстого всякого метафизического воображения обуславливает собой и полное отсутствие поэзии в его религии. Его религия лишена лучей, красок, света, лишена видения лиц и жизни.

Он не верит ни в какие религиозные мифы и не находится в плену ни у каких догматов. Метафизическая концепция его религии, хотя и не выработана, но очень широка. В этих отрицательных определениях религия Толстого сближается с религией Гете. Но Толстой, для которого идея личного Бога непонятна,² был бы таким же пантеистом,

1 Ср. статью И.Ф. Наживина о его беседах с Толстым. *Русская Мысль*, декабр 1910 г.

2 «Молитва обращается к личному Богу не потому, что Бог личен (я даже знаю наверное, что Он не личен, потому что личность есть ограниченность, а Бог беспределен), а потому, что я личное существо». («Мысли о Боге»).

как Гете, если бы он любил Бога-Природу, если бы в нем была сильна не только покорность нравственному приказу Бога, но и то страстное притяжение к «живому одеянию божества», которым Гете был весь пронизан.

Было время, как я уже сказал, когда и Толстой постигал красоту и любил Бога-Природу.

А Толстой наших дней в основу всей своей оценки искусства положил разъединение Добра и Красоты.

«Добро, Красота и истина ставятся на одну высоту, и все эти три понятия признаются основными и метафизическими. Между тем в действительности нет ничего подобного. Добро есть вечная высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, т. е. к Богу. Добро есть действительно понятие основное, метафизически составляющее сущность нашего сознания, понятие, не определяемое разумом.

«Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное.

«Красота же, если мы не довольствуемся словами, а говорим о том, что понимаем, – красота есть не что иное, как то, что нам нравится.

«Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему. так как добро большей частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий.

«Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше удаляемся от добра.»

Возражая тем, кто говорит о духовной красоте, Толстой замечает: «под красотой духовной или нравственностью разумеется не что иное, как добро. Духовная красота или добро большей частью не только не совпадает с тем, что обыкновенно разумеется под красотой, но противоположна ему.¹ («Что такое искусство», издание «Посредника» М., 1898, стр. 60).

Вековая проблема соотношения между Красотой и Добром никем, быть может, в истории человечества не была поставлена с такой трагической резкостью, как Толстым. Отрекшись от своих художественных произведений, предав анафеме почти все искусство, Толстой с новой силой задал человечеству эту загадку.

Было, однако, время, когда он понимал, что вообще во всякой широкой перспективе самая проблема Добра и Зла есть загадка для человеческого ума.

---

¹ Там же (стр. 57) суждение о греках, «полудиком рабовладельческом народе, очень хорошо изображавшем красоту человеческого тела и строившем приятныя на вид здания»: они «были так мало нравственно развиты, что добро и красота им казались совпадающими и на этом отсталом мировоззрении греков построена наука эстетика».

В 1857 году он написал такие строки, которые теперь в устах Толстого звучали бы дико:

«Несчастное, жалкое создание – человек со своей потребностью положительных решений, брошенный в этот вечно движущийся, бесконечный океан добра и зла, фактов, соображений и противоречий. Веками борются и трудятся люди, чтобы отодвинуть к одной стороне благо, к другой – неблаго. Проходят века, и где бы что ни прикинул беспристрастный ум на весы доброго и злого, весы колеблются и на каждой стороне столько же блага, сколько и неблаго... Если бы только он (человек) понял, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна – односторонностью, по невозможности для человека обнять всю истину, и справедлива – по выражению одной стороны человеческих стремлений. Сделали себе подразделения в этом вечно движущемся бесконечном, бесконечно-перемешанном хаосе добра и зла, провели воображаемые черты по этому морю и ждут, что море так и разделится. Точно нет миллионов других подразделений совсем с другой точки зрения, в другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новые подразделения веками, но и веков прошли и пройдут миллионы. Цивилизация – благо, варварство – зло; свобода – благо, неволя – зло... У кого в душе так непоколебимо... мерило добра и зла, чтобы он мог мерить ими бегущие, запутанные факты? У кого так велик ум, чтобы хотя в неподвижном прошедшем обнять все факты и взвесить их. И кто видел такое состояние, в котором бы не было добра и зла вместе, и почему я знаю, что вижу больше одного, чем другого, не оттого, что стою не на настоящем месте? И кто в состоянии так совершенно оторваться хотя на миг от жизни, чтобы независимо сверху взглянуть на нее? Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель – мировой Дух».¹

Есть что-то Гетевское в этом признании относительности всех человеческих оценок и суждений перед лицом вечного и бесконечного Бога-Природы. Но как это не похоже на моральное мирозерцание Толстого, каким мы знаем его теперь!

Теперь Толстой, т. е. Толстой, как религиозный мыслитель, не ценит и не любит Природы. Бог в Природе и Природа, как Бог, совершенно чужды ему. Бог-Природа, тот Бог, которым и в котором жил Гете, для него не существует. Еще одно сопоставление с Гете. Толстой несомненно один из самых убежденных проповедников христианского нравственного учения, но живая личность Христа для него неинтересна и даже не существует. И тут какая разница по сравнению с Гете, для которого вся ценность христианства состояла именно в личности Христа!

---

¹ «Из записок князя Д. Нехлюдова», «Люцерн». Соч. гр. Л. Толстого. Ч. II, изд. 8-е, стр. 132.

Еще другой великий религиозный вопрос, другую страшную метафизическую загадку поставил своей жизнью перед нами Толстой.

Толстой не только восстал на красоту. Все мы знаем, что он не только бесчувствен к *Культуре*, но и прямо ей враждебен. Именно, – культуре, а не только «цивилизации», Шекспиру и Гете и всей современной науке и технике, а не только кинематографу и авиации. Почему «культура» побеждает и подчиняет все ему дорогое «простое», «мужицкое»? Толстой понимал, что дело тут не в простом внешнем насилии, что корень зла лежит глубже. Он понимал, что культура есть *сила*. Но у Толстого, как религиозного мыслителя, нет ни малейшего тяготения и почтения к человеческой *Силе*. В ней он не видит ничего божественного. Для него Сила, так же как и Красота, есть начало злое, дьявольское. Добро и Бог для него всецело исчерпываются и поглощаются началом Любви, и началу Силы, как началу положительному, в его религии так же нет места, как и началу Красоты. Сила для него в нравственном смысле всецело сливается с насилием, т. е. с грубым откровенным принуждением одного человека по отношению к другому. Сила, если не тождественна, то равноценна с насилием.

В этом отношении целая пропасть лежит между Толстым и великими английскими моралистами XIX в., Карлейлем и Рескиным. Борцы против «мещанского» духа и «мещанской» морали, оба, и Карлейль, и Рескин, страстно любили культуру и ясно видели в ней творческую работу религиозного начала.

Разногласие между Толстым и великими английскими моралистами есть не только разногласие в оценке культуры. Его захват гораздо шире.

Карлейль и Рескин любили в культуре *Силу*. Отсюда – их проповедь дисциплины и авторитета, защита государственного могущества и войны.

Это – глубочайшее моральное разногласие, упирающееся в разногласие метафизическое. Более того, тут прямо разные, даже антагонистические мироощущения, различная религия.

Есть ли Сила, или точнее – превосходство в силе, просто факт или оно указывает на нечто основное, метафизическое, а потому имеющее и огромный смысл? Совершенно ясно, какое значение имеет этот вопрос для моральной оценки всей современной культуры, и как из различного отношения к Силе вытекает различная оценка этой культуры.

Как добро связано с Силой? Отрицательно или положительно? Моральная проблема силы есть как бы та загадочная метафизическая бездна, в которую – перед пытливым философским взором – расширяются все предельные проблемы современности: социализм (равен-

ство неравных по силе!), вечный мир (отказ от войны!), национальный вопрос (есть ли национальное самоутверждение нравственная правда или, наоборот, неправда?) и целый ряд других жгучих вопросов, волнующих современного человека. В конечном счете все эти вопросы таят в себе проблему Силы.

Великое религиозное значение Толстого состоит именно в том, что своей личностью и своей жизнью он с гениальной мощью поставил перед современным человечеством две основные проблемы мирового и человеческого бытия: проблемы *Красоты и Силы*.

И как бы мы ни решали, как бы человечество в своей коллективной жизни, которая, по слову самого Толстого, есть «столкновение бесчисленных произволов», ни решало эти проблемы, – Толстой в своей суровости и прямолинейности дал нам великие уроки такой последовательности и честности мысли, от которой человечество почти отвыкло.

Он подверг своему суду не частности и выводы, а основы и посылы всей современной культуры и культуры вообще. В этом отношении – да и не только в этом – Толстой подлинный восстановитель христианства. Подобно христианству, он принес моральному и религиозному сознанию человечества «не мир, но меч». И оскорбление памяти Толстого, думается мне, будет заключаться не в том, что мы мужественно и сознательно отвергнем его «меч», а в том, что мы из преклонения перед его личностью, по нравственной дряблости и умственной трусости, станем притуплять толстовский «меч» и обратим это страшное орудие морального разсечения и духовного прояснения в безобидную игрушку, служащую для жалкого примирения непримиримого и, хуже того, для лицемерного затемнения подлинной остроты загадок нашего нравственного и общественного бытия.

* * *

Отдав Красоту во власть Дьявола и изгнав из религии всякую поэзию, Толстой превратил ее в скорбную пустыню суровой морали самоограничения личности.

Вот почему так проста и так безотраднo скудна его этика. Она не обвеена никаким личным отношением к личному Богу. Христос тут не присутствует, как живой образ Бога. А в то же время высшая метафизическая и, если угодно, эстетическая проблема нравственности: *как примирить самоограничение личности с ее самоутверждением?* – тут вовсе не ставится. Между тем только в непрерывном разрешении этой проблемы может состоять истинное моральное творчество.

Мораль Толстого так скудна потому, что Толстой слишком моралист, что вся загадка мира разрешается для него в моральную проблему

всцелого подчинения нравственному велению Бога.

И именно потому, что он слишком моралист и в своей морали узкий догматик, он не может так подняться над нравственным миром, как поднялись более богатые и глубокие религиозные натуры. В его морали нет той улыбки снисхождения и всепрощения, которая озаряет лицо Христа. Нет у него и того глубокого и примиряющего проникновения в неустранимые противоречия и убожества человеческой природы, которое так характерно для родившейся из скепсиса религии Паскаля.

2.

Почему Толстой не мог стать великим религиозным реформатором? Для того, чтобы быть таковым, нужна или великая личная святость, или огромное религиозное действие.

Был ли в восстании Толстого против красоты и искусства личный подвиг? *Объективно* это был величайший подвиг, величайшая жертва, которую мог принести такой человек. С этой жертвой может быть сравниваемо разве только отречение от светской науки такого ученого, как Паскаль. Но *субъективно* в религиозном перевороте, совершившемся с Толстым, не было или почти не было элемента личного подвига или жертвы. Этот переворот стоил ему, несомненно, больших усилий мысли, но усилий воли не видно. Толстой *не оторвал своей души* от искусства и красоты, а просто у него не стало к ним вкуса. К религии он пришел, не возненавидев красоту и искусство, а из удручающего сознания пустоты жизни, которая была ими наполнена. Великий человек, он никогда не был великим грешником и потому не мог *стать* великим праведником. А *прирожденным* праведником он никогда не был; в нем не было никогда той святости, которая дается без борьбы и подвижничества, которую *прирожденный* святой получает из себя. Вообще моральная личность Толстого не стояла на уровне его проповеди, она была меньше и слабее ея.

Недоступно было Толстому и то религиозное действие, которое и без личной святости может сделать человека великим религиозным реформатором. Для такого религиозного действия Толстой был все-таки слишком литератором и бариним. Для такой роли нужно было другое воспитание и другая натура, более действенная и в то же время более гибкая, более властная и в то же время более пластическая.

Словом, Толстой не был ни Франциском Ассизским, ни Мартином Лютером.

Тем не менее в история и психологии религии Толстой занимает совершенно особое место. Именно отсутствие поэзии в его религии, позитивная трезвость его религиозного духа есть нечто своеобразное и

замечательное. Проникновение религией, религиозные «обращения» весьма часто соединяются с экстагическим, «патологическим» состоянием духа. Вольтер считал религиозность Паскаля сумасшествием; в наше время говорят об его наследственной неврастении. И вообще часто заметна опирающаяся на известные неоспоримые факты склонность – религиозное направление мысли и чувств рассматривать, как выражение психической неуравновешенности, как явление по существу ненормальное в человеке, ставшем на уровне новейшей культуры. С этой точки зрения пример Толстого в высшей степени поучителен. С тех пор, как он отдался религии, он живет только ею: к его религиозности не подмешивается никаких мотивов, посторонних религии. И в то же время религии он отдался в состоянии полного физического и душевного здоровья. Его «обращение» к Богу не может быть объяснено никакими «физическими» причинами, никакой «физиологией» или «патологией». Это дело чистого духа, факт моральный или «спиритуальный» в самом подлинном и самом позитивном смысле слова. Именно этот характер обращения Толстого к Богу придает ему особое и глубокое философское значение.

3.

Не будучи великим религиозным реформатором – возможен ли вообще таковой в наше время? – Толстой есть огромная сила в культурном и общественном развитии современности. Говоря о значении Толстого для нашего времени, не следует забывать, что он весь, и как художник, и как мыслитель, всего же более, как индивидуальность, стоит как бы над временем. Борьба такого великого художника с искусством и красотой есть факт сам по себе громадный, независимо от каких-либо практических последствий его для общественной жизни, и имеет, выражаясь философски, вневременное значение.

Но деятельность Толстого, связанная с этим фактом, несомненно имела и имеет в то же время огромные практические последствия. Прежде всего – политические. Я всегда думал, – и в резкой форме высказал это во вступительном редакторском слове к первому номеру *Освобождения*, – что Толстой один из самых мощных разрушителей нашего старого порядка. Равнодушный к политике в тесном смысле, он проповедывал такие общие идеи и высказывал такие мысли по частным вопросам, которые имели огромное политическое значение, и этой его проповеди была присуща вся та сила, которую давали гений и авторитет гения. Среди идейных проповедников свободы личности в России Толстой был самым мощным и самым влиятельным.

Общим местом является теперь признание его влияния, как моралиста. Вне всякого сомнения, множество людей, под его влиянием,

оглянулось на себя, подвергло себя внутреннему суду, обострило свою совесть и изменило так или иначе свое поведение. В половом вопросе влияние его было, по моим наблюдениям, особенно сильно. Но такова судьба всякой односторонней морали, всякой проповеди, проникнутой деспотическим духом абсолютизма, всякого *безусловного веления*, что их влияние, как бы оно ни было велико – с течением времени в отношении к одним и тем же лицам слабеет. То же случилось с Толстовской моралью. Через нее прошли очень многие, в ней остались очень немногие. Но след, ею оставленный и оставляемый, мне кажется весьма глубок. Влияние Толстовской морали на то поколение, для которого оно было новым словом и которое складывалось в 80-х годах и вступило в жизнь в 90-х годах, было неизгладимо и очень велико.

4.

По своим *социальным* идеям Толстой по отношению к существующему обществу великий революционер. Его отрицание всякой принудительной власти и в то же время всякого насилия делает его единственным последовательным анархистом, верным началу абсолютно добровольного взаимоотношения и объединения людей. Ибо он единственный из анархистов отрицание насилия признает не только принципом *существования* идеального человеческого общества, но и принципом его *осуществления*. В этом различии целая практическая и прежде всего морально религиозная пропасть между мирным анархизмом Толстого и насильственным других анархистов. Пропасть эта так велика, что называть Толстого без оговорок и объяснений анархистом значило бы затемнять самое существо его морального и общественного учения.

Как проповедник равенства, равенства экономического и культурного, как отрицатель частной собственности, Толстой несомненно принадлежит к социалистам. Но и тут положение, занятое им, совсем особенное, проводящее резкую грань между ним и большинством социалистов. Это различие вытекает из *религиозности* Толстого.

Современный социализм часто называют религией. Поскольку под религией подразумевается лишь особое душевное состояние, характеризующее увлечением известной задачей, доходящим до поглощения всей духовной личности человека, – многие современные социалисты могут быть названы религиозными. Поскольку под религией разумеется совокупность стремлений и идеалов, имеющих для данного человека или для данной группы людей значение высших ценностей, к которым примериваются все прочие вещи и отношения, – социализм для многих людей является религией. Но следует сказать правду: в этом смысле объектом религии могут быть даже тотализатор и

гончие собаки, и всякий спорт в истинном спортсмене возбуждает «религиозное» отношение.

Очевидно, что такое чисто формальное психологическое понимание религии ничего не объясняет в ее идейном существе. Религия не может быть просто увлечением чем бы то ни было, безразлично чем. Религия неразрывна с идеей Божества, и содержанием ее является отношение человека к сверхприродному, миродержавному Существо. Но этого мало для современного человека. Раз религия перестала быть поклонением Существо, внушающему страх, раз Божество или та идея, которая заменяет Божество, вызывает к себе любовь, центром религии становится свободное и деятельное служение Божеству, основанное на чувстве личной ответственности, на убеждении, что осуществление мною Блага и мое спасение, как бы оно ни мыслилось, требуют напряжения всех моих сил и прежде всего зависят от меня. Нет чувства и идеи, более существенной для религии, которая поднялась над ощущением глухой зависимости и темного страха, чем чувство и идея ответственности человека за себя и за мир.

Каково же отношение социализма к этой идее?

Социализм вырос на почве того механического морально-философского мировоззрения, которое было подготовлено в XVIII в. и своего наивысшего расцвета достигло в Бентаме. Если бы сам Бентам не был всецело порождением всей предшествовавшей ему философии, если бы он не стоял на плечах Юма, Гельвеция и Гольбаха, то можно было бы сказать, что Бентам, этот осмеянный Марксом буржуазный мыслитель, есть истинный философский отец социализма. И для того, чтобы убедиться, в какой мере над новейшим социализмом носится дух Бентама, достаточно заглянуть в самый замечательный английский социалистический трактат начала XIX в., в сочинение ученика Бентама, Вильяма Томпсона «An inquiry into the principles of the distribution of wealth» (1824). Томпсон был учеником Бентама, он был также учеником Годвина, автора «Политической справедливости», и Овена. И Годвин, и Овен – оба выросли и созрели в той же духовной атмосфере, что и Бентам. Овен, человек одной идеи, быть может, ярче, чем какой нибудь другой писатель и деятель социализма, раскрыл его морально-философскую сущность. «Лишь с величайшими сопротивлениями и после продолжительной душевной борьбы», – говорит он в своей «Автобиографии»,¹ «я был вынужден отказаться от моих первоначальных и глубоко во мне укоренившихся христианских убеждений, но, отказавшись от веры в христианское учение, я вместе с тем был вынужден отвергнуть и все другие верования. Ибо я открыл, что все они покоятся на нелепой мысли

---

1 The Life of Robert Owen, Vol. 1, 1857, P. 38.

(absurd imagination), что «всякий человек создает сам собственные свойства, определяет свои мысли, желания и действия и ответствен за них перед Богом и людьми», (ковычки Овена П.С.) Мои собственные размышления привели меня к совершенно иным выводам. Мой разум научил меня, что я не могу быть творцом ни одного из моих свойств, что они созданы природой, а что мой язык, религия и нравы – обществом, и что я всецело порождение природы и общества».¹

Воззрение Толстого на общественную жизнь и на положение в ней человека диаметрально противоположно этой кардинальной идее социализма, которая есть не только его теоретическая основа, но – что еще важнее – его морально-философский лейтмотив. В старом, так называемом утопическом, или, вернее, рационалистическом, социализме, который верил в силу разума и основанного на разуме воспитания и законодательства, отрицание личной ответственности парализовалось огромной ролью, приписываемой разуму в деле перевоспитания человека и преобразования общества. Годвин и Овен, отрицая личную ответственность человека, возлагали на человеческий разум неизмеримо громадную задачу. Историческое мышление XIX в., практически-психологически коренившееся в консервативной реакции против революционного рационализма предшествовавшей эпохи, выдвинуло против него воззрение на общество и его формы, как на органический продукт стихийного, иррационального творчества. Это направление философски превосходно мирилось с отрицанием личной ответственности, личного подвига, личного творчества. В марксизме механический рационализм XVIII в. слился с органическим историзмом XIX в., и в этом слиянии окончательно потонула идея личной ответственности человека за себя и за мир. Социализм – в лице марксизма отказался от морали и разума. Весь же современный социализм насквозь пропитан мировоззрением Маркса, которое есть амальгама механического рационализма XVIII в. и органического историзма XIX в. Оба элемента этой амальгамы по существу одинаково враждебны идее личной ответственности человека, лежащей в основе морального учения христианства и Льва Толстого, в частности.

Теперь спрашивается: нуждается ли социализм в идее личной ответственности человека и каково вообще значение этой идеи для совершенствования человека и общества?

---

¹ Следует отметить, что естествознание оказало непосредственное влияние на ход мыслей Овена. В эпоху выработки своих идей он находился в идейном общении с знаменитым химиком Дальтоном, и представление о химических соединениях, по его собственному признанию, послужило моделью для его представления о человеке и человеческом обществе.

В чем философская сущность социализма? Одно несомненно – в основе социализма лежит идея полной рационализации всех процессов, совершающихся в обществе. В этом громадная трудность социализма. По идее социализма стихийное хозяйственно-общественное взаимодействие людей должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением. Я нарочно подчеркиваю слово *сплошь*, ибо социализм требует не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы все поле общественной жизни. В этом заключается основная трудность социализма, ибо очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и не способен все происходящие на нем процессы подчинить одному плану. Это вытекает из существа дела, и отсюда явствует, что с реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении проблемы социализма.

Очевидно, что отмеченная нами трудность лежит в самом существе социализма. Смысл последнего в полной рационализации человеческой жизни, а между тем тенденция к рациональному не может всецело овладеть человеческой природой. Но для поставленного нами вопроса указание на эту трудность не имеет непосредственного значения. Допустим, что она не существует. Возникает другой вопрос: какое значение имеет для социализма и его осуществления идея личной ответственности? Очевидно, что для рационализации общественной жизни первым условием является рационализация и дисциплинирование индивидуальной жизни. В настоящее время в обществе, основанном на свободной конкуренции, такое дисциплинирование достигается естественным подбором, в силу которого «несостоятельные» в физическом и, что еще важнее, в нравственном отношении экземпляры человечества низвергаются на дно социальной жизни. Это происходит совершенно независимо от того, чего хочет большинство данной социальной группы; применяя слово Маркса, сказанное по другому поводу, все совершается «за спиной» этого большинства. Демократический социализм должен изменить этот общественный уклад; рациональное устройство общественных дел и, в огромной мере, также и индивидуальной жизни перейдет при нем к большинству общества. Что произойдет при этом с идеей и чувством личной ответственности за себя и за общество? Ослабнет оно в индивидуе, или же останется на среднем существующем уровне, или же, наконец, усилится? Это – вопрос факта, вернее, научного предвидения сложных социально-психических соотношений. Об этом можно много спорить. Но вот что не подлежит ни малейшему сомнению. Социализм немислим при ослаблении чувства и идеи личной ответственности, и, таким образом, эта идея и ее крепость в человеке есть необходимое

(хотя, по всей вероятности, и недостаточное) условие осуществления социализма. Между тем, мы уже знаем, что философски социализм исходит от отрицания этой идеи. В учении о классовой борьбе она тоже совершенно исчезает; абсолютно она чужда и философии синдикализма (если воззрение теоретиков синдикализма вообще заслуживает названия философии). Таким образом, социализм подрывал и подрывает одну из тех идей, без укрепления которых невозможно его осуществление. Это одно из интересных противоречий современного социализма, означающих его идейное банкротство и предвещающих его реальное крушение.

Впрочем, затронутая нами проблема имеет даже более широкое и общее значение, чем вопрос о судьбах социализма и об отношении к социализму Льва Толстого.

И это значение дает повод подчеркнуть философский смысл и культурную ценность моральной проповеди Льва Толстого. Эта проповедь энергично подчеркивает значение личного усовершенствования, она побуждает человека видеть в себе, в своих собственных душевных движениях, поступках и свойствах самое для него и для других важное и решающее. Противопоставление и сопоставление «внутренней» и «внешней» реформы человека не было бы, может быть, вовсе нужно, если бы именно те воззрения, которые до сих пор пользуются наибольшим кредитом в «публике» и у нас, и на Западе, и в том числе и социализм, не отправлялись постоянно, сознательно или бессознательно, от понимания человеческого прогресса, как усовершенствования «внешних» форм жизни. Если вообще допустимо разделение человеческой жизни на эти две области,¹ думается мне, религиозная точка зрения, на которой стоит в этом вопросе Толстой и которая на первый план выдвигает «внутреннюю» реформу человечества, и практически более плодотворна, и гораздо более научна, чем противоположное антирелигиозное «позитивное» воззрение. Развитие этой мысли завело бы меня слишком далеко. Скажу только, что положительное изучение хозяйства и его развития, на мой взгляд, доказывает самым ясным образом, что не мифологические «производительные силы», управляющие человеком, а человек и именно его религиозная природа имеют решающее значение для экономического «прогресса». Часто бывает, что умы не научные стоят на научно более правильном пути, чем умы научные. В своем религиозном воззрении на ход человеческого развития Толстой – я глубоко в том убежден – гораздо ближе к научной истине, чем то, что признается или, по крайней мере, до сих пор признавалось за «науку».

---

1 Конечно оно допустимо лишь в самом условном смысле.

Но даже если это и спорно, то во всяком случае делу практического оздоровления общественного мнения точка зрения, лежащая в основе проповеди Толстого, не может не принести огромной пользы. Все пережитые нами за последние годы великие политические события и перемены были как-бы грандиозным психологическим экспериментом на эту тему. Многие постройки рушились, потому что под ними не было фундамента, на котором только и могут прочно держаться большие и малые человеческие дела: нравственного воспитания человека. Пусть Толстой, как моралист, суживает человеческую природу, пусть он слишком верит в силу проповеди и потому слишком просто представляет себе процесс воспитания (или, вернее, самовоспитания) человечества, – за ним та огромная заслуга, что он толкает мысль человечества в направлении к истинному свету. После всего мною сказанного эти слова, надеюсь, не будут приняты за общее место, за обязательный реверанс перед общепризнанным гением или за выражение согласия с какими либо *частностями* воззрений Толстого. Дело тут не в частностях, а в *религиозном* направлении его мысли, в идее, что человек ответствен за себя и за мир. Это – идея человека в Боге и Бога в человеке и их неразрывной свободной связи.

II. Смысл смерти Толстого

«Мне очень хочется увидеть Толстого, хотя и боязно. Это какое-то существо громадное и страшное, прожившее не одну, а несколько человеческих жизней и притом таких, которые странно и страшно прожить одному человеку». Так писал я А.А. Стаховичу, когда мы условливались с ним относительно совместной поездки летом 1909 г. в Ясную Поляну. До 1909 г. я никогда не видел Льва Толстого, и я почувствовал, что должен его видеть. Я понимал, что скоро это будет невозможно.

Самое сильное, я скажу единственно сильное впечатление, полученное мною от этого посещения, можно выразить так: Толстой живет только мыслью о Боге, о своем приближении к нему. Он уходит отсюда – туда. *Он уже ушел.* Телесно он одной ногой в могиле, потому что ему 81 год, но он может еще прожить не мало дней, месяцев и лет, ибо тело его еще не разрушилось, способен же он чуть не каждый день ездить верхом, что для многих из нас, вдвое его моложе, не только трудно, но и прямо непосильно. Но душевно и духом он там, куда огромное большинство людей приходит только через могилу, незримо и неведомо для всех других. А он ушел, а я *это видел*, чувствовал о нем и с ним. И в то же время я *видел его*. В этой очевидности ухода из жизни живого человека было нечто громадное и для меня единственное.

В беседе со мной Толстой между прочим сказал: «неудивительно, что мы с вами несогласны, ведь я более чем вдвое старше вас». Помнится, я ничего не ответил на это замечание, помнится, только взглядом я выразил, что понимаю его, ибо я чувствовал, что в эти слова сам Толстой вкладывает не простое указание на свою старость, а то самое ощущение нескольких прожитых им жизней, с которым я, думая о нем, направлялся в Ясную Поляну.

Прожить так много, разве это не значило выйти из жизни? Но в то же время означал ли этот выход из жизни, что Толстой уже являл собой мертвеца, что от него веяло смертью и гниением?

Нет, ибо с ним произошло нечто редкое и великое. Прожив несколько огромных жизней, он из жизни вышел живым. Я ощутил это тогда, в первый и последний раз увидав лицом к лицу Толстого. Я окончательно понял, осознал это, когда пришла весть об уходе его из Ясной Поляны, когда мы с тревогой узнали, что его стережет телесная смерть. Выйдя живым из жизни, духовно преодолев телесную жизнь, он мог пойти и радостно пошел навстречу телесной смерти. Будучи «вне жизни» в здешнем ограниченном смысле, он стал неподвластен «смерти», он ее «попрал».

Когда в зимнюю ночь Толстой «бежал» из Ясной Поляны, он уходил не от семьи и обстановки, не от собственности, барства и жизненного комфорта к простоте и скудости «мужичьей», «трудовой» жизни. Он думал, конечно, и об этом, но это не была его *главная* мысль. Не толстовство в смысле учения о земной «жизни» осуществлял он в своем «уходе». Земных целей этот уход не преследовал и не мог преследовать. Не «Царства Божия на земле» искал 82-летний старец. Он уже тогда поднялся над «жизнью» и «смертью», ибо пошел к Богу.

Его смерть, поэтому, так исключительна и значительна. Для меня это не «фраза», не «построение», для меня это очевидный психологический и религиозный факт.

Очевидный, ибо я его видел. Я видел не физическое умирание Толстого, не естественный физиологический факт, а таинственное религиозное преображение. Я видел воочию и с трепетом ощущал, как живой Толстой стоял вне «жизни». И так же, как я считал своим долгом при жизни Толстого молчать об этом, так теперь, перед всеми здесь собравшимися, объединенными одной мыслью и одним чувством – религиозно почитать отошедшего Толстого, я считаю своим долгом свидетельствовать об этом великом факте его религиозной жизни. Великом, ибо тут была одержана труднейшая победа, тут совершилось величайшее торжество – человека над смертью.

Роковые вопросы

По поводу статьи Л.Н. Толстого «Неизбежный переворот»¹

«Московские газеты полны описаниями грандиозной демонстрации, устроенной населением Москвы великому писателю земли русской. Без преувеличения можно сказать, что Москва устроила Толстому царские проводы, как и подобает Льву Великому», – так пишет г. Пругавин в газете «Речь».²

Должен сказать, что эти газетные сообщения о грандиозной демонстрации в честь Толстого производят странное впечатление на фоне того всеобщего равнодушия, которое крути русского общества, вообще могущие участвовать в подобного рода «демонстрациях», обнаруживают в мыслям Льва Толстого.

Рядом с дешевым идолопоклонством перед лицом великого человека обнаруживается довольно плачевное отсутствие интереса к работе его мысли, которая во всяком случае теперь составляет единственное дело Льва Толстого. Мне пришлось встречать людей, которые даже не знали, что Толстой только что напечатал статью «Неизбежный переворот» в «Русских Ведомстях», и, кажется, далеко не все русские газеты отметили и цитировали эту статью.

Толстой сам так указывает на это отношение к своим идеям в начале статьи:

«Знаю, что много-много людей, особенно из числа так называемых образованных, заглянув в это мое писание и поняв, о чем идет речь, только пожмут плечами, презрительно улыбнутся и не станут читать дальше. «Все старое непротивление... Как это не надоест ему», скажут они».

Вовсе не нужно соглашаться с идеями Толстого для того, чтобы огорчаться таким безучастным отношением к его мысли, – достаточно чувствовать, что в писаниях Толстого ставятся самые важные, самые первые (а потому и самые конечные) вопросы жизни, и ставятся с

1 *Русская Мысль*, 1909 г., Октябрь. Статья Толстого была напечатана в *Русских Ведомостях* от 24 сентября 1909 г.

2 № от 24 сентября 1909 г.

такой силой, которая должна была бы действовать неотразимо, потому что это есть сила религиозного убеждения.

Читая статью «Неизбежный переворот», я испытывал это действие, и оно было тем сильнее, чем больше я не соглашался с автором, чем яснее я чувствовал тот пункт, с которого моя мысль начинает бороться с его мыслью и уходит в совершенно другую сторону. Но, именно не соглашаясь, и ощущаешь всю громадность, весь роковой смысл тех вопросов, которые ставит Толстой. К *этому* во всяком случае нельзя относиться равнодушно.

Очень часто говорят, что Толстой плохо рассуждает, и с легкостью указывают те противоречия, в которых он запутывается.

Это совершенно верно, но в то же время само по себе совершенно неинтересно. Ибо если вдуматься в противоречия Толстого, то становится ясным, что источник их не в нелогичности Толстого, а в роковом характере тех вопросов, которые он ставит.

И новейшее рассуждение Толстого поражено таким роковым противоречием, которого он, к своему счастью, не замечает, но которого для меня, к моему несчастью, ничто не может выправить. Все мои последующие рассуждения и недоумения не будут, мне кажется, «полемикой» в обычном смысле слова. Мне важно вовсе не опровергнуть Толстого, а именно раскрыть глубочайший, роковой смысл того, что он говорит, и того, о чем он говорит, – как я это понимаю.

Первое положение: Люди ответственны за свои поступки, и важно только, как я буду поступать. Толстой выражает это так:

«*Что делать* – спрашивают одинаково и властители, и подвластные, и революционеры, и общественные деятели, подразумевая под вопросом “что делать” всегда вопрос о том, как должна быть устроена жизнь людей. Все спрашивают: как должна быть устроена жизнь людей, т. е. что делать с другими людьми. Все спрашивают, что делать с другими, но никто не спрашивает, что мне делать с самим собой.»

Мысль Толстого тут совершенно ясна и не нуждается ни в каком истолковании. Но с ней в кричащем противоречии стоит

Второе положение: Все зло не в людях, а в ложном и насильственном строе их жизни. Толстой выражает это так:

«Истинное благо дается только тому, кто исполняет закон своей жизни. Закон же этот ты знаешь и по разуму, и по учениям всех мудрецов мира, и по влечению своего сердца. Закон этот – любовь, любовь к высшему совершенству, к Богу и ко всему живому и в особенности к подобным тебе существам – людям. Только пойми это каждый из нас, и он тотчас же поймет и то, что причина страданий и его, и всего мира не в каких либо злых людях, виновных в том зле,

которое совершается, а только в одном: в том, что живут люди в условиях жизни, сложившихся на насилии, – условиях, противных любви, несовместимых с нею, и что потому *причина того зла, от которого мы все страдаем, не в людях, а в том ложном устройстве жизни на насилии, которое люди считают необходимым*».¹

В этом противоречии, которое в нелитераторском изложении Толстого само лезет в глаза, не прикрытое никакими фразами, заключается основной и роковой вопрос совершенствования человеческой жизни.

Возражая против идеи, что совершенствование жизни может быть произведено «внешним» ее устройством, Толстой незаметно для самого себя подчиняет свою мысль именно этой соблазнительной идее. Я говорю «соблазнительной» не только в смысле «производящей соблазн». Идея возможности совершенствования жизни путем ее «внешнего» устройства соблазнительна и в ином смысле: эта идея, если предположить, что она верна, означает, что великий переворот замены жизни насильнической жизнью мирной, любовной не только возможен, но и очень легок. Создание такого убеждения в легкости коренного преобразования человеческой жизни могло бы быть даже признано полезным, если бы оно не было – и на это указывает неутомимо сам Толстой, в чем его великая заслуга, – неразрывно связано с выбором совершенно негодных «внешних» средств для осуществления такого преобразования.

Разнышляя о том, почему люди живут дурно, мы можем логически прийти к двум решениям. Либо они живут дурно потому, что они сами дурны или *плохи*. (Я нарочно не говорю: злы, потому что совершенно оставляю в стороне тут вопрос моральной оценки людских качеств). Либо они живут дурно потому, что они *не умеют* устроить свою жизнь хорошо.

Эти два решения коренным образом различаются между собой и в теоретическом, и в практическом отношениях. Толстой и его последователи могут с своей точки зрения пренебрежительно относиться к теоретическим различиям, как к предмету ненужных «умствований», но они не имеют ни малейшего основания, ни права пренебрегать практическими следствиями, вытекающими из этих двух различных решений вопроса об источнике зла в человеческой жизни.

Я глубоко убежден, что только первое решение, которое утверждает, что люди живут дурно, потому что они сами дурны или плохи, соответствует религиозному пониманию жизни, что только оно может быть действительно и плодотворно в жизни. Второе же решение, решение рационалистическое, несовместимо с религиозным пониманием жизни

---

1 Курсив мой. П.С.

и роковым образом приводит к подмене задачи внутреннего совершенствования человека задачей внешнего устройства жизни со всеми ложными выводами, вытекающими из такой подмены.

Безсознательно такую подмену совершает и Толстой, и она обнаруживается в том противоречии, которое я показал выше. Для Толстого, как человека, эта непоследовательность не имеет значения, но на его служении, как учителя, она не может не сказываться. Известно, что Толстой увлекался и увлекается экономическими идеями Генри Джорджа. Зная это обстоятельство, я взял в руки главное произведение этого американского писателя и освежил в своей памяти его идеи. И замечательно: именно у Генри Джорджа религия и внешнее устройство жизни находятся в полном смещении. Несомненно, что у Джорджа есть своеобразное религиозное миросозерцание, в некоторых отношениях даже метафизически более оформленное, чем миросозерцание Толстого. Но в то же время столь же несомненно, что в своих практических предложениях он был просто-напросто социальный реформатор, стремившийся к преобразованию «учреждений», в частности, к податной реформе. С той подлинно религиозной точки зрения, на которой стоит Толстой и которая ценна именно своей исключительностью, все проекты «национализации» земли и «единого налога» столь же интересны и важны или, вернее, столь же неинтересны и неважны, как, например, Третья Государственная Дума или проекты «местной реформы». Недаром Толстой говорит, что «закон любви не есть закон общественного устройства того или другого народа или государства». Он гораздо важнее и больше, чем какие либо законы общественного устройства. И если и когда закон любви осуществится в жизни «каждого отдельного человека» – вопросы о тех или других «учреждениях», «законах», «порядках» (и в том числе вопрос о «национализации» земли) превратятся в вопросы чисто «технические», лишённые всякого нравственного значения, и потому для людей чрезвычайно облегчатся.

То, что я сейчас пишу, не есть, как я уже подчеркнул, полемика в смысле «уличения» того, с кем спорят, в промахах в том или ином смысле, логическом или моральном... Для того, кто вместе с Толстым думает, что «все усилия духа» необходимо перенести «из области общественной внешней деятельности в исполнение требований своей внутренней духовной жизни», именно для того, кто утвердился на этой позиции, смещение этой задачи со всякими «национализациями земли», которые сами по себе могут быть хороши или дурны (это совершенно особый вопрос), неприемлемо. Повторяю, Толстому это смещение ничем не грозит, но его учению, или вернее, делу проповеди веры в единственный путь спасения – внутреннее освобождение людей, такое смещение грозит извращением и смертью. Ведь есть замечательные

примеры не только превращения сторонников насилия («левых» и «правых») в «толстовцев», но и наоборот – «толстовцев» в сторонников насилия. И эти превращения совершались и будут неизбежно совершаться в тех случаях, когда ясная черта, отделяющая внутреннее совершенствование человека от внешнего устройства жизни, будет стираться в сознании.

Я не выдаю себя за единомышленника Толстого и не говорю, как таковой. И поэтому я бы хотел подчеркнуть еще с одной стороны то основное *теоретическое* разногласие, которое, повидимому, разделяет нас. Когда Толстой говорит о «насилии» или о том «ложном устройстве жизни на насилии, которое люди считают необходимым», он как бы представляет себе это «насилие» находящимся всетаки в известном смысле *вне людей*, насилующих и насилуемых. Это опять все та же мысль, что жизнь людей «устроена» дурно потому, что они не умеют «устроить» ее хорошо.

Это просто фактически неверно. Так же как «Царство Божие внутри вас есть», так и Царство Дьявола, или зло – внутри нас в органическом смысле. Это значит: преодолено зло может быть не простой проповедью, а сложным, многообразным действием, проникающим всю жизнь и укрепляющим всего человека. Усовершенствование жизни и укрепление человека не может быть простым «просвещением». Самые страшные явления человеческой жизни, преступность и проституция, именно тем и ужасны, что они вовсе несводимы просто ни на индивидуальное невежество, ни на «социальное устройство». Люди не просто «не умеют» устраивать своей жизни. Пусть они не «злы» и не «виноваты», но они несомненно *слабы*.

Когда я понял это – а понял я это, не только изучая научно эти вопросы, но и сталкиваясь с самыми явлениями в жизни, – я перестал быть социалистом в обычном смысле, т. е. перестал верить в решающую силу «внешнего устройства» человеческой жизни, на основе ли проповеди, или насилия.

Дело, конечно, не в том: «как сложится жизнь людей на основании любви, исключаящей насилие». Об этом нечего ломать себе голову и печалиться, и Толстой в этом отношении прав. Стоит другой, гораздо более трудный, прямо проклятый по своей загадочности вопрос: как сделаться людям достаточно *сильными* для «любви, исключаящей насилие»?

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ЗА ВЫБОРОМ СЛОВА

L. Rzhovsky*

«Если бы я был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог», – написал как-то Лев Толстой в письме к Н.Н. Страхову.¹

Звучит беспощадно строго и все-таки лишь отчасти передает толстовскую требовательность к другим и самому себе в смысле выбора слова. Обоснования этой требовательности часты и многообразны в высказываниях писателя:

«Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти».²

«Язык должен быть не только понятный или простонародный, но язык должен быть хороший. Красота или скорее доброта языка может рассматриваться в двух отношениях. – В отношении самих слов употребляемых и в отношении их сочетаний»...³ «Я советую не то что употреблять простонародные мужицкие и понятные слова, а советую употреблять хорошие, сильные слова и не советую употреблять неточные, неясные, необразные слова»...⁴

Я приведу довольно пространную иллюстрацию критического отношения Л. Толстого к печати, предназначенной для детей, – в этой области создатель Яснополянской школы и книг для школьного чтения был, как известно, разборчив особенно:

«Как на образце языка, которому поучает «Детский мир», – писал Толстой, – прошу читателя обратить внимание на следующее предложение: «В животном царстве, при всем его огромном разнообразии, ни одно животное не обращает на себя столько нашего внимания,

---

* Leonid Rzhovsky - Professor-emeritus of New York University.

1 От 6 сентября 1878 г.

2 Соч., т. 43, стр. 44.

3 «О языке народных книжек». Соч., т. 8, стр. 427-428.

4 Там же.

как слон». Вся эта, составленная из неясных литературных слов, закрученная фраза значит только: слон чуднее всех животных. «По величине своей он уступает только одному киту, а понятливостью превосходит обезьяну». Это значит: только один кит больше его, а он умнее обезьяны. Неужели нужно сказать «уступает и превосходит», неужели нужно учить детей говорить и писать таким образом? Скажешь: «уступает киту ростом и превосходит обезьяну умом», и как будто выходит что-то похожее на мысль, а скажешь: он меньше кита и умнее обезьяны, и очевидно становится, что связаны эти два сравнения решительно ни к чему».¹

О художественном стиле самого Льва Толстого написано работ без числа. Стоит, быть может, сказать, что богатство собственно творческого толстовского слова подчеркивалось многими современниками. «...нечто почти бессознательное, или вовсе бессознательное и глупое... с поразительной ясностью выражается именно в... общем течении речи, в ее ритме, в выборе самих слов,» – писал в книге «О романах гр. Л.Н. Толстого» К. Леонтьев. Или – В.В. Стасов в письме к автору «Войны и мира»: «Уже один язык выработался у Вас до такой степени простоты, правды и совершенства, какую я находил еще только в лучших созданиях Гоголя».

Конечно, в знаменитом толстовском корректировании рукописей и гранок, превращавшемся иной раз в переделку наново, в многократное переписывание, авторская работа не ограничивалась только «словом»; элемент основоположный, слово всё-таки – лишь структурная единица словесно-художественной композиции в целом.² Тем не менее в этом очерке я приведу некоторые наблюдения, главным образом, над толстовским словоотбором. Примеров чрезвычайного авторского внимания к нему множество; даже в части малознаменательных, так называемых «служебных» слов.³

1 Соч., т. 8, стр. 282-283.

2 В.В. Виноградов, «Стилистика, теория поэтической речи, поэтика». М., 1963, стр. 7.

3 В 1940-41 годах я работал над своей диссертацией по языку Грибоедова, будучи связан с некоторыми лексикографическими мероприятиями Академии Наук. Однажды один из редакторов издания сочинений Льва Толстого в письме просил меня объяснить значение союза «и» в такой фразе из «Хаджи-Мурата»: «Зимний дворец после пожара был давно уже отстроен, и Николай жил в нем еще в верхнем этаже». Затруднение, по его словам, заключалось в том, что многие редакторы считали союз «и» поставленным здесь ошибочно и исправляли на «а» или «но»; Толстой же неизменно и настойчиво это «и» восстанавливал. Союз «и» в противительном значении может встречаться, означая «а», «но», даже «тем не менее», – в «Горе от ума», например, находим: «До света запершись, и кажется всё мало!» Однако, в приведенной фразе союз «и» просто присоединительный; отнюдь противительности приписывают ему под влиянием «еще» во второй части предложения, но в присоединяемую союзом «и» синтагму (Николай жил в нем) смысл этого «еще» не входит. Я включил этот пассаж в диссертацию (945 страниц), защищенную 28 июня 1941 г., но не опубликованную из-за отъезда на фронт.

Начну всё-таки с комплексной иллюстрации – с толстовского исправления гранок, касающегося не только отдельных слов, но и фразовых конструкций. Рассказ «Севастополь в августе 1855 года», начатый в том же году в Крыму и законченный к декабрю, напечатан в январской книжке «Современника» за 1856 год («...богатство поэзии и, наконец, сила – сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове» – перечислял достоинства рассказа Н.А. Некрасов). Приведу в левом столбце фоторепродукцию гранок¹ с первоначальной правкой Толстого и справа – канонический текст, после позднейших, окончательных исправлений. В скобки взяты выброшенные Толстым слова и куски предложений. В окончательном тексте подчеркнуто восстановленное и новые добавления и изменения.

Правка первая:

Навстречу ему шел большой обоз русских мужиков, привозивших провиант в Севастополь, и теперь шедший оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами (в серых шинелях), матросами (в черных пальто), волонтерами (в красных фесках) и ополченцами (с бородами). Офицерская повозка должна была остановиться (в густом, неподвижном облаке пыли, поднятом обозом), и офицер, щурясь и морщась от пыли, набивающейся ему в глаза и уши (и липнувшей на потное лицо), с озлобленным равнодушием смотрел на лица больных и раненых, (двигавшихся мимо него).

– А это с нашей роты солдатик слабый, – сказал денщик, оборачиваясь к барину и указывая на повозку (наполненную ранеными) в это время поровнявшуюся с ними.

– Когда ты ранен, братец?

Оловянные, заплывшие глаза

Окончательный текст:

Навстречу шел большой обоз русских мужиков, привозивших провиант в Севастополь, и теперь шедший оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами *в серых шинелях*, матросами *в черных пальто*, греческими волонтерами *в красных фесках* и ополченцами *с бородами*. Офицерская повозка должна была остановиться, и офицер, щурясь и морщась от пыли, густым, неподвижным облаком поднявшейся на дороге, набивавшейся ему в глаза и уши и липнувшей на потное лицо, с озлобленным равнодушием смотрел на лица больных и раненых, *двигавшихся мимо него*.

– А это с нашей роты солдатик слабый, – сказал денщик, оборачиваясь к барину и указывая на повозку, *наполненную ранеными*, в это время поровнявшуюся с ними.

– Когда ты ранен, братец?

Оловянные, заплывшие глаза

1 История русской литературы. А.Н. СССР. т. 9, ч. 2. М.-Л., 1956, стр. 453.

солдата оживились: – он видимо узнал своего офицера.

– Здравия желаем, вашбородие!
– тем же отрывистым басом проговорил он.

солдата оживились: он, видимо, узнал своего офицера.

– Здравия желаем, вашбородие!
– тем же отрывистым басом крикнул он.¹

Как видно из сопоставления, в первой правке автор руководствовался прежде всего стремлением к краткости: убрал описания одежды и некоторые дополнительные детали целого. В окончательной правке, однако, всё это восстановил, кое-что даже и добавив («греческими» к «волонтерами»); затем перестроил синтаксическую структуру центрального фрагмента с «офицер» в качестве подлежащего: упоминание о «пыли», прежде расчлененное в двух предложениях, вошло теперь в одно с «триплетом» причастных оборотов-определений; речевая структура приобрела от этого некую замедленную плавность, как бы отвечающую замедленности самого движения, о котором рассказывается, и не эта ли идентичность темпа движения и темпа рассказа была причиной восстановления вычеркнутых первоначально мест?

Выпущено «ему» в самом начале приведенного примера, действительно лишнее в сочетании «навстречу ему шел»...

Две замены слов в окончательном тексте особенно интересны в свете наблюдений моего очерка: повозочка вместо «повозка» и крикнул вместо «проговорил». Конечно же, «офицерская повозочка» по контрасту с «наполненной ранеными повозкой» становится в какой-то мере уже живописью; равно как и «крикнул» («отрывистым басом») бесконечно выразительнее «проговорил».

Поиски более «сильного» в смысле образности и выразительности слова – основа подавляющего большинства авторских исправлений в толстовских корректурах и рукописях. Замена слова может быть, разумеется, вызвана и просто стремлением к точности, однако часто – точности не только семантической, но и точности (верности) локального выбора слова, – например, в создании речевой характеристики персонажа; в этом случае точность оказывается опять-таки стилистической, художественной категорией. Так, в ранней редакции повести «Холстомер» читаем: «...» (лошадка) стала щипать ногой землю»; Толстой исправляет «щипать» на копать – ради чисто словарной точности словоотбора. Но – вот поправки Толстого (числом 60), сделанные в издании 1887 года к пьесе «Власть тьмы» и так и не увидавшие света; многие из них преследуют верность индивидуального словоупотребления, создающего речевой облик персонажа. «Писатель добивается чистоты разговорного деревенского языка, вычер-

1 Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 12 томах. Т. 2, М., 1958, стр. 150.

кивая иной раз городское, интеллигентское слово; подчас он выкидывает ту или иную народную поговорку, пословицу, почувствовав, что она искусственно введена в текст и не нужна там», – пишет В.Ф. Булгаков.¹ Никита, например, в 10-ом явлении 4-ого действия говорит об Анисье: «Участником в этих пакостях *сделала*, паскудница». Толстой вычеркивает это, считая, видимо, что выражение «*участником сделала*» не крестьянское. В сцене покаяния Никиты (5-ое действие) он говорит, бросаясь в ноги отцу: «...говорил ты мне: «коготок увяз и всей птичке пропасть», не послушал я»... – Толстой выбрасывает поговорку, придающую реплике отчетливо дидактический характер.

Хотя всякая систематизация наблюдений над творческой речью весьма условна (разграничительные рубрики могут в отдельных случаях совпадать), я, тем не менее, позволю себе наметить такие «поводы» авторских исправлений и замен: слово представляется лишним (1); вновь выбранное слово: более образно (2), выразительнее, экспрессивней отброшенного (3), семантически более точно (4), более верно в смысле стилистической окрашенности – в речевой характеристике персонажа, в предпочтении русского синонима иноязычному и т.п. (5). В приводимых ниже примерах, взятых из различных просмотренных мною толстовских корректур и редакций, я – для общей ориентации читателя – обозначаю в скобках эти цифры-рубрики.

К работе над повестью «Казачьи», первоначальный замысел которой назывался «кавказским романом» или «казачьей повестью», Толстой приступал несколько раз, начиная с 1853 года (налицо четыре редакции). В 1856-1858 годах написаны им три главы: «Праздники», «Кордон» и «Марьяна». Вот несколько примеров исправлений этого варианта текста (заменяемое слово подчеркивается; вновь избранное дается разрядкой):

Мать... <i>мешала</i> обед на круглую доску	– раскладывала (4)
...к высокому <i>сильному</i> казаку...	– плотному (2)
...сказал <i>старый</i> казак...	– седобородый (2)
...душеньку тебе <i>покажу</i>	– укажу (5)
...кое-где в чаще <i>упадет</i> птица	– зашуршит (2)
...темно-зеленые пробитые <i>тропы</i>	– фазаньи дорожки (2,4)
...я <i>представлял</i> ее своей любовницей	– воображал (4)

Первый вариант повести «Холстомер», относящийся к 1863-ему году, пролежал у Толстого в Ясной Поляне до 1885 года. В связи с известными изменениями взглядов Толстого в этот, заключительный, период творчества последний вариант повести приобретает местами пафос обличения. Вот как сказывается это на творческом облике хозяина Холстомера Серпуховского:

1 «Литературное наследство» № 69, книга 2-ая. М., 1961, стр. 296.

Редакция 1863 года

...у этого *толстого старого* человека, которого вы сейчас видели.

...на *добром* лице его вдруг выразилось отчаяние.

Вот еще ряд исправлений в тексте первой редакции:

(мерин) стал... помахивать облезшим пегим <i>хвостиком</i>	– хвостом (4)
(лошадка) стала <i>щипать</i> ногой землю...	– копать (4)
За рекой <i>стеной</i> стояла зеленая... рожь.	– щетинкой (2)

Редакция 1885 года:

...князя Серпуховского, ... того самого *гадкого, старого*, которого вы сейчас видели (3).

...на *обрюзгшем* лице его вдруг выразилось отчаяние (3).

Из черновиков, представляющих собой поиски начала романа «Война и мир»:

(про Александра 1) В то время, когда этот <i>бескорыстный</i> юноша-царь...	– рыцарский (3)
(разосланные) с <i>камер-фурьером</i>	– с красным лакеем (5)
(фрейлина) считала себя <i>политическим и государственным</i> лицом	– государственным (1)

Приведу также несколько замен из первых набросков к роману «Анна Каренина».¹

Гости после <i>театра</i> съезжались...	– после оперы (4)
– Ах, это ужасно, – <i>сказал он</i>	– вскрикнул (3)
...Какое будущее? – <i>заговорил</i> ее голос...	– зазвенел (2, 3)

* * *

Представление о том, как глубоко задумывался над выбором слова Толстой, дают и некоторые позднейшие его произведения, рассчитанные на читателя без образования – школьника, взрослого, может быть и неграмотного, только слушателя. Я имею в виду рассказы для народа или, например, рассказ «Кавказский пленник», который создавался специально для «Азбуки» и вошел в Четвертую русскую книгу для чтения. «Этим рассказом, – пишет В. Шкловский, – Толстой очень гордился. Это прекрасная проза – спокойная, никаких украшений в ней нет».² Целеустремленность словоотбора здесь очевидна:

1 Здесь, говоря об исключительном внимании Толстого к слову, уместно, вероятно, отметить впечатление, произведенное на него пушкинским отрывком «Гости съезжались на дачу» – речевой скупостью, точностью и динамикой пушкинской прозы. Прочитав этот отрывок, Толстой, по его словам: «невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман» (Письмо к Н. Страхову от 25 марта 1853 г.).

2 В. Шкловский, «Лев Толстой». М., 1963, стр. 442.

«Попытайтесь написать рассказ, имея в виду только читателя из народа»... – советовал Толстой А.И. Эртелю, автору романа «Гарденины» в письме от 17 сентября 1885 года.

Чеканность этой строгой – в смысле ясности, сжатости и простоты – прозы создает, однако, иной раз ощущение ее стиливой обедненности в связи с авторским отказом от свойственной творческому слову образно-эмоциональной экспрессии. Но, как вытекает из вышесказанного, это относится лишь к немногим поздним вещам Толстого-дидактика, а с исследовательской стороны составляет тему особую.

ТОЛСТОЙ И БУНИН

S. Kryzyski*

У Бунина, как впрочем у каждого литератора, были свои любимые собратья по перу и такие, к которым он относился безразлично, недружелюбно, или просто враждебно. В своих оценках, привязанностях, любви-нелюбви Бунин оставался всю свою жизнь крайне последовательным, раз принятую им точку зрения никогда не изменял. Русская литература XIX-го века была неотъемлемой духовной частью Бунина, раз навсегда и накрепко вошла в его плоть и кровь, воспитала его и сделала его одним из своих преданнейших продолжателей. Однако, среди гениев прошлого века, Достоевский оставался Бунину чуждым и непонятным; к нему, по словам Марка Алданова (да и многих других), Бунин относился «просто враждебно».¹ О многих своих современниках – декадентах, символистах, имажинистах, футуристах – Бунин писал и высказывался с нескрываемой злобой и раздражением. Дружеские, теплые чувства вызывал у Бунина Чехов, мастер короткого рассказа, но не Чехов драматург. Отдавая должное писательскому таланту своего друга Чехова, Бунин находил все же в его творчестве место для критических замечаний, порой не принимал безоговорочно некоторых стиливых и философских особенностей чеховских произведений. Иными словами, Бунин смотрел на Чехова как на равного среди равных.² Но Толстой, один только Толстой, занял

---

* Serge Kryzyski, Professor of Russian at Oberlin College.

1 «Предисловие» к книге *И.А. Бунин. О Чехове*. Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1955, стр. 9. – Интересна тоже запись Галины Кузнецовой, писательницы и близкой знакомой Буниных, от 18-го декабря 1930-го года, в которой, в пылу спора с женой, Верой Николаевной Муромцевой-Буниной и с писателем Л.Ф. Зуровым, Бунин воскликнул: «Да, я хочу сказать, что Достоевский плохой писатель. И вы лучше послушайте меня. Я в этом деле кое-что понимаю». («Грасский дневник». Вашингтон, Издание Русского книжного дела в США – Victor KAMKIN Inc., 1967, стр. 195).

2 См. *Ант. Ладинский*. Последние годы И.А. Бунина. «Литературная газета», 1955, 22 октября. – Ладинский пишет, что Чехов вызывал в Бунине «нечто в роде соперничества в хорошем смысле этого слова».

в жизни Бунина исключительное, неповторимое, особое место. «Я чуть не с детства жил в восхищении им» – так Бунин начинает свой очерк «Толстой».¹

Это восхищение Толстым было отчасти вызвано рассказами отца Бунина о Толстом, с которым он встречался в Севастополе во время Крымской войны. Семнадцатилетним юношей Бунин, пользуясь сравнительной близостью Ясной Поляны к последнему, захудалому именищу Буниных (около 100 верст), оседлал своего коня и поскакал к Толстому, но на полпути смелость оставила его и он вернулся домой, так и не повидав своего кумира. В начале 1890-ых годов, проживая в Полтавской губернии, Бунин сблизился с толстовцами А.А. Волькенштейном, И.М. Клопским, И.Б. Файнерманом-Тенеремо и др., занимался бондарным ремеслом, принимал участие в распространении книг, публикуемых толстовским издательством «Посредник», вел простую жизнь. Поистине трудно себе представить элегантного, изысканного, утонченного Бунина, стремящегося к «опрощению», обтягивающего обручами бочки.

Первая встреча с Толстым произошла по почину Волькенштейна, который в конце декабря 1893-го года предложил Бунину поехать с ним в Москву и познакомить его там с «учителем жизни». В начале января 1894-го года Бунин был принят Толстым в Хамовниках. Вот необыкновенно яркий, острый абрис шестидесятишестилетнего Толстого, схваченный зорким глазом двадцатичетырехлетнего Бунина.

А в зале я удивляюсь еще больше: едва вхожу, как в глубине его налево тотчас же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и из-за нее быстро, с неуклюжей ловкостью выдергивает ноги, выныривает, – ибо за этой дверкой было две-три ступеньки в коридор, – какой-то большой, седобородый, слегка как будто кривоногий, в широкой, мешковато сшитой блузе из серой бумазеи, в таких же штанах, больше похожих на шаровары, и в тупоносых башмаках. Быстрый, легкий, страшный, остроглазый, с насупленными бровями. И быстро идет прямо на меня, быстро (немного приседая) подходит ко мне, протягивает, вернее, ладонью вверх бросает большую руку, забирает в нее всю мою, мягко жмет и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то вместе с тем горестной, даже как бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькие глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звериному зоркие. Легкие и жидкие остатки серых (на конце загибающихся) волос по-крестьянски разделены на прямой пробор, очень большие уши сидят необычайно высоко, бугры бровных дуг надвинуты на глаза, борода, сухая, легкая, сквозная, позволяет видеть слегка выступающую нижнюю челюсть...²

---

1 «Воспоминания». Париж, книгоиздательство «Возрождение», 1950, стр. 65. – Этот очерк вошел в книгу И.А. Бунина «Освобождение Толстого».

2 Там же, стр. 72-73.

Не случайно, не по небрежности (небрежность в его писаниях исключена) Бунин неоднократно повторяет такие определения как «быстро» – «быстрый», «легко» – «легкий», не случайно у него и «глаза... по звериному зоркие», не случайно и необыкновенно меткое выражение «неуклюжая ловкость». Внешним, осязуемым, телесным, ощутимым веет от портрета. Но, одновременно, чувствуется какая-то раздвоенность впечатлений, острота видимого и расплывчатость внутреннего, грубость внешнего и скрытая душевная мягкость, беспомощность, застенчивость. Для Бунина очень характерна двойственность восприятия Толстого, резкая противоположность между физическим, «звериным» и озаренно духовным.¹

Бунин еще несколько раз встречался коротко с Толстым. Сам Толстой разубедил Бунина в целесообразности толстовства в общепринятом понимании того времени: «Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилюйте себя, не делайте себе мундира из нее, во всякой жизни можно быть хорошим человеком...».² Смерть Толстого потрясла Бунина.

Хотел наутро ответить Вам (письмо М. Горькому от 13-го ноября 1910 года, СЖ.), но утром профессор Гусаков, у которого мы с Верой гостим, вошел и сказал (о Толстом): «Конец». И несколько дней прошло для меня в болезненном сне. Беря в руки газеты, ничего не видел от слез.³

С кончиной величайшего писателя еще яснее открылась Бунину огромность духовного наследия Толстого. Еще более углубилось в нем чувство преклонения перед толстовскими нравственно-религиозными и эстетическими принципами. Уже до революции 1917-го года в русской критике отмечалось влияние Толстого на творчество Бунина, влияние, которое Бунин, при всем своем обожествлении Толстого, настойчиво отрицал и устно и письменно. Достаточно хотя бы ознакомиться с бунинскими высказываниями 1928-го года. «Я подражаю ему? Нет, конечно. Похож на него? Ни в малейшей степени».⁴ Бунина нельзя просто зачислить в сонм учеников Толстого, его подражателей, тематически родственных ему, мучавшихся над разгадкой смысла человеческой жизни, нелепости и ужаса смерти. И вот, вероятно, потому что в подавляющем большинстве своем рассказы Бунина трагичны, потому что в них повсюду витает смерть, многие критики усмотрели в них влияние Толстого. Правильнее, однако, говорить не о

---

1 См. *Георгий Адамович*. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1955, стр. 118-125.

2 «Воспоминания», стр. 73.

3 «Горьковские чтения 1958-1959». Москва, 1961, стр. 51.

4 *И.А. Бунин*. Собр. соч., т. IX, Москва, Издательство «Художественная литература», 1967, стр. 452.

«влиянии» в строгом смысле этого слова, а о сравнении, сопоставлении, о манере повествования Бунина, об общности тем, о доскональном знании крестьянского и помещичьего быта, об отталкивании обоих писателей от современной индустриализации и, быть может, о неприятии ими наступающей новой эпохи в целом. В этих плоскостях найдется немало общего у Толстого и у Бунина, и только в таком понимании и можно говорить о «влиянии». Несколько рассказов Бунина, написанных им до революции, пояснят эту точку зрения.

Жизнь Бунина в Полтавщине среди толстовцев отразилась в рассказе «На даче» (1895), в рассказе растянутом, надуманном, вызвавшем неодобрительный отзыв А. Скабичевского, что видно из письма последнего к Бунину от 27-го августа 1896 года.

К сожалению, не можем напечатать Вашего рассказа «Сутки на даче» (первоначальное заглавие, С.К.), больно он уж носит фельетонный характер. Выставлены несколько несообразных уродов, словно нарочно подобранных один к одному, и над всеми ими возвышается толстовец.¹

Следует подчеркнуть лишний раз, что в рассказе этом ничего «толстовского» нет, а говорится в нем о толстовских идеях, о попытках приверженцев учения Толстого воплотить их в жизнь. Этот «возвышающийся» толстовец, Каминский, опростиившийся интеллигент, живет по-крестьянски в «келье под елью», занимается столярничеством, горячо отстаивает принципы толстовства в споре с многочисленными дачниками, собравшимися на барской даче горожанина, архитектора Примо. Разговор чисто русский: нападающие на Каминского затрагивают всевозможные злободневные проблемы, перескакивают с предмета на предмет, жестоко и зачастую несправедливо смеются над Толстым. Понятно, как всегда бывает в подобных, случаях, никто никого не убеждает и каждый остается при своем мнении.

Нет, вероятно, ни одной статьи о Бунине, в которой при обсуждении рассказа «Господин из Сан-Франциско» (1915) не было бы упомянуто имя Толстого. И действительно, где, казалось бы, можно найти более благодатную почву для сравнения смерти господина из Сан-Франциско с бесчисленными умираниями толстовских персонажей. Но здесь, при самом даже поверхностном чтении, обнаруживается какое-то явное недоразумение. Смерть не сваливает мгновенно героев Толстого, они умирают медленной смертью, в полном сознании (за исключением разве последних минут), задумываются над пройденной жизнью, иногда пытаются бороться со смертью, продолжают до последнего дыхания надеяться на выздоровление (в особенности люди «общества»). А господин из Сан-Франциско? Полон сил, здоровья, радужных надежд на увеселительную поездку по Европе,

1 Собр. соч., т. II, стр. 501.

пятидесятивосьмилетний американский миллионер вовсе не думает о смерти. И даже за несколько минут до конца, надев смокинг к ужину, стянув воротничок галстуком и оглядев себя в зеркале, господин из Сан-Франциско не изменил хода своих мыслей, продолжает думать о наслаждении жизнью: «Эта Кармелла, смуглая, с наигранными глазами, похожая на мулатку, в цветном наряде, где преобладал оранжевый цвет, пляшет, должно быть, необыкновенно, подумал он». А затем, сразу же, в следующем параграфе, наступает смерть: грубая, страшная, звериная, – как звериной была жизнь господина из Сан-Франциско, лишенная каких бы то ни было духовных начал. Самую смерть господина из Сан-Франциско, то ли от сердечного припадка, то ли от кровоизлияния в мозг, Бунин описывает отнюдь не в толстовской манере.

Он быстро пробежал заглавия некоторых статей, прочел несколько строк о никогда не прекращающейся балканской войне, привычным жестом перевернул газету, – как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напряглась, пенсне слетело с носа... Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха – и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась кобром – и все тело, извиваясь, задирая ковер каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с чем-то.

Большой грешник, проживший жизнь не по законам Божиим, ушел из мира живущих. И вот теперь вторая глава рассказа, неназванная и необозначенная, проявляет некоторое сходство с Толстым. Все оставшиеся в живых не видят, не понимают, или не хотят ни видеть, ни понимать, великое таинство смерти. Оставшиеся в живых не только не задумываются над только что случившимся, но относятся даже враждебно к этому «неприятному эпизоду». Испорчен вечер, пострадала репутация гостиницы, потеряны большие деньги, которые перешли бы в руки местным жителям, останься господин из Сан-Франциско жив. Происходит отталкивание живого от мертвого, неприятие смерти, которая ведь предназначена в свой час каждому: и веселому Луиджи, и прекрасной Кармелле, и огромному капитану «Атлантиды», сверхчеловеку, похожему на «языческого идола».

Прекрасный рассказ Бунина «Худая трава» (1913; в некоторых сборниках он озаглавлен «Оброк») гораздо лучше поддается сопоставлению умирающего крестьянина с умирающими героями Толстого. Это совершенно правильно отметил советский литературовед Л.Д. Опульская.

К толстовскому пониманию крестьянской психологии Бунин приближается, пожалуй, лишь в рассказе «Худая трава» – произведении, в котором по словам самого Бунина, сказалось непосредственное влияние Толстого. Действительно в рассказе о простой тихой смерти Аверкии,

смерти страшной равнодушным отношением к ней окружающих, слышатся отзвуки толстовских «Трех смертей», «Власти тьмы», «Смерти Ивана Ильича»¹

Прослужив в батраках тридцать лет, Аверкий захворал в Петров день и умер ранней зимой, когда выпал первый снег. Срок болезни долгий. Бунин, как и Толстой в «Смерти Ивана Ильича» (1886), очень подробно, но со свойственной ему сжатостью, прослеживает болезнь Аверкия, физическое и душевное состояние немощного старика – больше физическое, чем душевное. Ибо какие же философские размышления о жизни и смерти могли быть у простого крестьянина, проработавшего всю жизнь на харчи, не на своем хозяйстве, вдали от жены? Бунин очень умело избежал ходульности, неестественности; он не наделил Аверкия философским умом, не позволил ему заниматься метафизическими рассуждениями, сумел избежать «каратаевщины». Ведь недаром же Аверкий говорит в бреду: «Да, Бог не любит высоких мыслей». Бунин с большим искусством показал трудовую жизнь Аверкия, в сущности безгрешную, и такую же спокойную, незаметную кончину героя. Писатель тонко передает психологическое отстранение умирающего от окружающих его (дочери, зятя), безразличное отношение Аверкия к повседневным мелким делам. Вот деревенскую дурочку обманул какой-то мужик, выманив у нее все ее сбережения в 32 рубля. Слушая ее жалобы, Аверкий только усмехается и думает: «Ах, Господи, из-за чего только волнуются, страдают люди!» Украли и зарезали у Аверкия телку. Преступник обнаружен, но Аверкий «со своим равнодушием к земным делам» велит отпустить его. Утешая отца, дочь думает о веселой вечеринке на сговоре у подруги, зять цинично говорит тестю, что, мол, пора умирать, смотрит на него, как на живые мощи и в той же клуне, где лежит Аверкий, соблазняет солдатку в полной уверенности, что Аверкий уже вне жизни и ничего не слышит. Одним словом, жизнь течет вокруг умирающего Аверкия своей чередой, как и вокруг умирающего Ивана Ильича. В «Худой траве» только старуха, жена Аверкия, не притворяется, не фальшивит, ведет себя так же естественно по отношению к мужу, как Герасим по отношению к своему барину, Ивану Ильичу. Иван Ильич умирает в страшных муках, Аверкия же гложет какая-то внутренняя болезнь, которая превращает его в живой труп, но не причиняет повидимому страданий, которые выпали на долю толстовского героя. У обоих авторов можно найти прямые стилистические параллели в развитии повествования. Седьмую главку Бунин начи-

---

¹ «Толстой и русские писатели конца XIX – начала XX в.». Литературное наследство, т. 69, книга первая, Москва, Изд. Академии Наук СССР, 1961, стр. 120.

нает словами: «Прошел еще месяц. Жизнь еще больше отодвинулась от Аверкия за этот месяц». Восьмая главка опять начинается словами: «И еще месяц прошел, и приблизилось время принести этот горький и сладкий оброк Богу». А вот для сравнения начало трех глав у Толстого: «Так шло месяц и два». – «Прошло еще две недели». – «Так прошло две недели».

В последние минуты жизни Иван Ильич ищет и не находит «своего привычного страха смерти», вместо смерти он видит свет. Агония продолжается еще два часа. Услышав чьи-то слова «кончено», Иван Ильич повторяет их про себя: «Кончена смерть... Ее нет больше»... Аверкий, причастившись, лежит в темной избе и видит свою могилу, а над ней причитающую дочь. Иван Ильич «втянул в себя воздух и умер». А бунинская концовка немного длиннее и поэтичнее: «Умер он в тихой темной избе, за окошечком которой белел первый снег, так неслышно, что старуха и не заметила».

Бунин не раз принимался писать о Толстом, но лишь только во второй половине 1930-ых годов осуществил свой «opus magnum». В 1937-ом году в Париже вышла бунинская книга раздумий о Толстом под заглавием «Освобождение Толстого».

«Освобождение Толстого» не является сводом воспоминаний. Собственные многочисленные впечатления, равно как и свидетельство Софии Андреевны Толстой и ее детей, московской знакомой Толстых Лопатиной, друзей писателя – А.Б. Гольденвейзера, доктора Д.П. Маковецкого, секретаря Н.Н. Гусева и др., приводятся им для подтверждения своей давно выношенной и весьма субъективной концепции, характеризующей тип гениального человека.¹

Прежде всего напрашиваются вопросы, касающиеся самого заглавия: «освобождение» – от чего? От кого? Зачем? И как? Вполне определенный ответ дать нелегко. «Буддийские толкования сплетаются в книге с пантеистическими, а иногда и с христианскими», пишет Г. Адамович, «тщетно стремясь к цельности и к логической последовательности».² Бунин, подкрепляя свое мнение разнообразными цитатами из воспоминаний названных выше людей, показывает, как Толстой мечтал уйти, освободиться от всех мирских сует, от собственности, от всего дурного, содеянного им в жизни, от славы, от знакомых и семьи. Что может принести «освобождение»? Смерть? А если смерть, то она должна быть такой, как умирают мужики, просто и без страха, или, как умирает зверь – в одиночестве, вдалеке от обжитого места.

---

1 *О.Н. Михайлов*. И.А. Бунин. Москва, Издательство «Наука», 1967, стр. 137.

2 «Одиночество и свобода», стр. 124.

Бунин отдавал себе отчет во всей сложности толстовского мировоззрения, а тем самым и в трудности создания целостного портрета великого писателя. Ведь никто иной, как София Андреевна говорила: «Сорок восемь лет прожила я со Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек»! Из книги Бунина читатель тоже не совсем узнает, «что он был за человек». Пересматривая дагерротипы, фотографии и портреты, Бунин мастерски перекладывает на слова физические черты Толстого, метко указывает на перемены его внешнего облика от молодого юнкера до седовласого старца и этим как бы закругляет нарисованный им портрет с «оригинала», т.е. после встречи с писателем в 1894-ом году. Здесь Бунин еще более сосредотачивает свое внимание на видимых телесных эффектах, и вновь и вновь перед читателем встают все эти жилистые руки, зубы, челюсти, пронизывающие «волчьи» глаза, ступни и даже форма ногтей, словом подчеркиваются все детали, столь характерные для творчества Бунина, который «видел и слышал за семь верст»¹ и, добавим, обонял, ощущал и чувствовал, как никто другой.

Внутренний мир Толстого в бунинском изображении многообразен, спорен и зачастую противоречив. Однако Бунин с необыкновенной последовательностью старается всегда, даже в самых трудных случаях, защитить своего кумира от бесконечных нападков критиков, противников его мировоззрения, и простых обывателей, повторяющих общеизвестные аргументы по поводу непротivления злу, антицерковных выступлений, по поводу целого ряда его утопических, неосуществимых идей. Внутренний портрет Толстого вышел у Бунина отчетливо противоположным внешнему. «Толстой получился у него неизмеримо духовней, душевней, даже нежней, чем у кого бы то ни было, как-то мягче, тише, беспомощнее»,² пишет Адамович, и в этом он, вне всяких сомнений, прав. Сколько раз в пылу спора несдержанный Толстой, оскорбив своего собеседника (часто кого-нибудь из своих детей), спешит извиниться с чисто христианским смирением: «Простите меня, Христа ради»! Сколько раз, мучимый вопросами, на которые не мог дать ответа, как например на вопрос о бессмертии, Толстой заново пересматривал свои взгляды и уже без какой-либо самоуверенности, в недоумении, старался найти другое решение. Сколько раз из примеров, приведенных Буниным, становится очевидным, что под прикрытием напускной грубости в Толстом скрывается застенчивость, детская неловкость, стыдливость. И если мы сравним все написанное и сказанное Буниным о Толстом с многочисленными высказываниями других известных людей, оставивших воспоминания о нем – Маклакова, Горького, Мережковского, Амфитеатрова, Маковиц-

1 Виктор Лихоносов. Люблю тебя светло. «Наш современник», Москва, 1975, стр. 454.

2 «Одиночество и свобода», стр. 124.

кого, Гольденвейзера, жены и детей и пр., – то без всякого сомнения сможем убедиться, что более преданного и безоговорочного защитника Толстого, человека и писателя, чем Бунин, вряд ли найдется во всей огромной критической литературе о нем. Не без основания вышеупомянутый Ладинский без всякого преувеличения писал: «Единственный человек, перед которым он (Бунин) благоговел был Лев Толстой»¹

«Толстой и Бунин»... Как разъясняет Академический словарь русского языка, соединительный союз «и» употребляется для соединения однородных членов предложения, что вполне верно. Но, не умаляя значения большого писателя Бунина, союз этот соединяет далеко не однородные величины и отсюда известная диспропорция настоящей статьи: в ней значительно больше говорится о восприятии Толстого Буниным, чем наоборот. В год смерти Толстого за Буниным была уже двадцатитрехлетняя литературная карьера, он удостоился нескольких Пушкинских премий (в частности за перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло), в 1909-ом году был избран членом Российской академии наук по разряду изящной словесности. Однако Бунин оставался в тени, вне внимания Толстого, хотя последний, живо следивший за современной русской и иностранной литературой, часто одобрительно и даже с энтузиазмом откликался на рассказы Чехова, Куприна и др. В многотомном же наследии Толстого Бунин почти не упоминается. Дело не в том, что Бунин родился на сорок два года позже Толстого и умер на сорок три года и один день позже него. Бунин-писатель, по собственному признанию, развивался и креп очень медленно, и расцвет его прозы начался лишь после опубликования повести «Деревня» (1910), т.е. после смерти Толстого, – повести, имевшей шумный, кстати, не вполне заслуженный, успех. Лучшие бунинские рассказы, многие из которых по своему словесному мастерству не уступают рассказам Толстого, были написаны в последние четыре года, предшествующие Первой мировой войне, во время войны, и конечно потом, в эмиграции. Бунин начал литературный путь как поэт и в раннем периоде своего творчества был плодотворным поэтом, «настоящим, единственным значительным поэтом эпохи символизма, который не был символистом».² Толстой читал некоторые бунинские стихотворения.

По воспоминаниям Горького, Толстой восхищался стихами: «Грибы сошли, но крепко пахнет / В оврагах сыростью грибной» – из стихотворения Бунина «Не видно птиц. Покорно чахнет...» (1889). Как отметил в своих записях Д.П. Маковицкий, Толстой остался недоволен стихо-

---

1 «Последние годы И.А. Бунина».

2 *D.S. Mirsky. A History of Russian Literature. New York. 1960, стр. 391.*

творением Бунина «Разлука» (напечатано в 1909 г. в газете «Утро России»), которое, по словам Толстого, «невозможно понять».¹

О раннем бунинском рассказе «Заря всю ночь» (1902) Толстой высказался крайне неодобрительно.

Сначала превосходное описание природы, – идет дождик, – и так написано, что и Тургенев не написал бы, а уж обо мне и говорить нечего. А потом девица – мечтает о нем (Лев Николаевич рассказал кратко содержание рассказа), и все это: и глупое чувство девицы, и дождик, все нужно только для того, чтобы Бунин написал рассказ. Как обыкновенно, когда не о чем говорить, говорят о погоде, когда писать нечего, о погоде пишут, а это пора оставить. Ну, шел дождик, мог и не идти с таким же успехом. Я думаю, что все это в литературе должно кончиться. Ведь просто читать больше невозможно.²

Неизвестно, как Бунин отнесся к этому суровому, даже, по мнению некоторых критиков, слишком суровому отзыву на свой рассказ. Некоторые «буниноведы» склонны утверждать, что Толстой признал за Буниным высокое мастерство в описании природы. Однако, цитату эту можно понять по-разному; «превосходное описание природы», а затем сравнение Бунина с Тургеневым и с самим собой, можно истолковывать, как чисто ироническое замечание в духе Толстого.

Толстой умер неожиданно, скорее случайно, он мог бы прожить дольше и тогда бы у него была возможность ознакомиться с такими рассказами Бунина, как например «Сверчок» (1911), «Захар Воробьев» (1912), «Игнат» (1912), «Веселый двор» (1912), «При дороге» (1913), «Чаша жизни» (1914), и с многими, многими другими. Осуществись эта гипотеза – мнение Толстого о творческом таланте Бунина было бы несомненно иным. Но это уже лежит в сфере догадок и вне предела настоящей статьи.

---

1 «Толстой и русские писатели конца XIX - начала XX в.».

2 А.Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. Москва, Гослитиздат, 1959, стр. 112. - Первоначальное название рассказа «Свиданье» (С.К.).

ПЬЕР БЕЗУХОВ И ПЛАТОН КАРАТАЕВ: ПУТИ К ПРАВЕДНОСТИ В «ВОЙНЕ И МИРЕ»

G. Krugovoy*

5-го февраля 1881 г., через четыре дня после смерти Достоевского, Толстой писал Страхову: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском. (...). Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек (...). И никогда мне в голову не приходило меряться с ним – никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он делает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже. Но дело сердца только радость. – Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом (...) читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу».¹

Не приходится сомневаться в искренности Толстого. И Толстой и Достоевский несомненно друг друга уважали и ценили. И ведь вот, несмотря на уважение и интерес друг к другу, два гиганта русской литературы так и не встретились. Ведь была возможность 10-го марта 1878 г. в Петербурге на лекции Вл. Соловьева о богочеловечестве. Достоевский был на лекции с женой, а Толстого привел Н.Н. Страхов. Страхов оправдывался, что он не свел обоих писателей, т.к. Толстой просил его ни с кем не знакомить. Достоевский очень жалел, что знакомство не состоялось.² Жалел и Толстой, не знавший о присутствии Достоевского на лекции.³ Н.Н. Гусев в своей капитальной биографии Толстого сжато замечает: «Впоследствии и Достоевский и Толстой

---

* George Krugovoy, Professor of Russian at Swarthmore College.

1 Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М. 1934. т. 63, стр. 43.

2 А.Г. Достоевская. Воспоминания. М. 1971. стр. 320.

3 Там же. стр. 393.

очень сожалели, что была упущена эта единственная возможность их встречи».¹

Но почему же «единственная возможность»? Уж не так велико было расстояние от Петербурга до Ясной Поляны. Можно было встретиться и в гостеприимной и хлебосольной Москве при помощи того же Страхова, вхожего в дома обоих писателей. Не окажется ли более вероятным предположение, что слишком велики были оба писателя и, встретившись, оказалось бы им друг с другом тесно? Оба осуществляли в литературе, каждый по своему, морально-учительскую миссию. Оба очень чутко ощущали различие в сущности их проповеди. Можно было встречаться, ссориться и мириться с Тургеневым (оба писателя его не любили), потому что, признавая талант Тургенева, они с высоты своих идейных позиций не принимали всерьез тургеневского мировоззрения, а религиозного и либерально-западнического. А друг друга они принимали очень всерьез. Они были подлинные соперники *за души* читателей. Не потому ли в глубине души, подсознательно, они опасались встречи и к ней в действительности не стремились?

И вместе с тем так много общего в видении мира обоими писателями. Будучи людьми глубокого религиозно-нравственного инстинкта, и Толстой и Достоевский бескомпромиссно отвергают материализм, рационализм, секуляризм и нравственный релятивизм урбанистической цивилизации современности. В этих религиозно-моралистических и антирационалистических исходных позициях Толстого и Достоевского и заключается их близость. Она определяет параллелизм смысловых и повествовательных структур в некоторых их произведениях, который, не являясь результатом литературного заимствования, отражает сходные творческие процессы в сознании писателей. «Исповедь Ипполита» в «Идиоте» и размышления Левина о бессмысленности бытия в «Анне Карениной» относятся к примерам такого параллелизма.

Тем не менее, именно в художественных структурах, в которых Толстой и Достоевский воплощают религиозно-нравственные поиски смысла жизни своих героев, на фоне повествовательных параллелизмов со всей очевидностью выделяются расхождения в идейных исканиях самих писателей. Вот почему сопоставление отмеченных параллелизмов представляет реальный интерес для исследователей творчества Достоевского и Толстого. Это наблюдение подтверждается при сопоставлении образов «положительно-прекрасного человека» (сам Толстой не употреблял этого термина) у обоих авторов – князя Льва Мышкина в «Идиоте» Достоевского и графа Пьера Безухова в «Войне и мире» Толстого.

---

¹ Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 г. М. 1963. стр. 477.

Действительно, при сопоставлении обоих персонажей в обоих романах можно установить параллелизм их судеб. В начале обоих романов оба героя возвращаются из-за границы в Россию. Обоим свойственна сердечная открытость характера, искренность, непосредственность и житейская непрактичность, которые делают их в большей или меньшей степени смешными в глазах окружающего общества. Оба героя попадают в кризисные ситуации в своих отношениях с женщинами (Пьер с Элен, Мышкин с Настасьей Филипповной и Аглаей). Оба ищут осуществления смысла жизни на путях религиозно-нравственного преобразования последней. И Мышкин и Пьер утверждают религиозный смысл культуры через воссоединение с народом и миром его духовных ценностей. Оба, однако, в конечном счете терпят полную или частичную неудачу в процессе реализации поставленных жизненных целей. Замечание Пьера Наташе в эпилоге романа, что Платон Каратаев не одобрил бы его участия в тайном политическом обществе,¹ свидетельствует о том, что процесс «опрощения» Пьером не доведен до конца, что Пьер не сделал окончательных выводов из своего опыта в плену. Но в свете этого замечания Пьера становится понятным, почему через несколько лет Толстой окончательно откажется от намерения написать роман о декабристах. По мнению Толстого, заговор декабристов – продукт чуждой русскому народу европейской идеологии XVIII-го в., продукт чуждый и ненужный народу. Толстой оказался лучшим и более последовательным учеником Каратаева, чем Пьер.

Поразителен параллелизм творческой мысли обоих писателей в подготовительных записках и вариантах, по которым можно проследить, как складывались образы их главных героев в столь различных по стилю и содержанию романах. Через параллелизм раскрываются и существенные различия в облике обоих героев.

Путь «идиота» от то законного то незаконного Сына до князя Льва Мышкина, каким мы его знаем в окончательном варианте романа, проходит в сознании Достоевского сложную эволюцию от гордого и неукротимого бунтаря до кроткого и сострадательного праведника.

«Идиот (...)». Влюблен в двоюродную сестру Жениха – тайно. Та ненавидит и презирает его хуже, чем идиота и лакея. (*Целует ее на улице, провожая*). (Она, видя, что он влюблен в нее, шалит с ним от нечего делать, доводит его до бешенства. 24 года ей. В один из этих разов он насилует Мишеньку. Зажигает дом. Сже палец по ее приказу). Страсти у *Идиота* сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить

---

1 Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М. 1933 т. 12 стр. 293.

себя. В унижениях находит наслаждение. Кто не знает его – смеется над ним, кто знает – начинает бояться».¹

«Главный характер Идиота. Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешенное саморазрешение всего. Но саморазрешение еще мечта, а покамест еще только судорожные попытки. Таким образом он мог бы дойти до чудовищности, но любовь спасает его. Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки (...). Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг.»²

«Главная мысль романа: «Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом.»³

«С Дядей о многом рассуждает: застрелиться вместе, о Христе. От тоски зажигает дом и бесчестит Умецкую».⁴

«Об искушении Христа дьяволом в пустыне».⁵

«Незаконный лучше: все объясняется.

А не так ли: законный, но отверженный, он сам себя отверг. Величая роль».⁶

«Идиот. Все на мщении. Униженное существо. Жenu брата. Отказался от Дядиных денег. На конторе, дуется.

Он князь.

Князь. Юродивый (он с детьми)!!»⁷

«Князь скажет что-нибудь о Христе». (...) «Смирение-величайшая сила».⁸

«В речи Князя: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь»».⁹

«Князь винит во всем себя (зачем он женился)».¹⁰

«Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но то, что бы он мог сделать и предпринять, *то* все умерло с ним. Россия действовала на него *постепенно*. Прозрение его.

Но где только он ни *прикоснулся* – везде он оставил неисследимую черту».¹¹

---

1 Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. М. 1974. т. 9, стр. 141.

2 Там же. т. 9, стр. 146.

3 Там же. т. 9, стр. 166.

4 Там же. т. 9, стр. 167.

5 Там же.

6 Там же. т. 9, стр. 189.

7 Там же. т. 9, стр. 200.

8 Там же. т. 9, стр. 222.

9 Там же. т. 9, стр. 223.

10 Там же. т. 9, стр. 227.

11 Там же. т. 9, стр. 242.

«А не выставить ли Князя непрерывным сфинксом?»¹

«КНЯЗЬ ХРИСТОС».²

«Князя сфинксом».³

«КНЯЗЬ ХРИСТОС».⁴

«Главная задача: характер Идиота. Его развить. Вот мысль романа. Как отражается Россия. Все что выработалось бы в Князе, утасло в могиле. И потому, указав постепенно на *Князя в действии*, будет довольно».⁵

«Князь Христос».⁶

«Смирение есть самая страшная сила, какая только может на свете быть!»⁷

«В Князе – идиотизм!»⁸

«Под конец Князь: *торжественно-спокойное его состояние!* Простил людям.»⁹

А теперь заметки Толстого к будущему образу Пьера Безухова (Петра):

Общественное. Знает людей, умеет обманывать легко и смеется. Может играть всякую роль – вельможи, бедняка. Связи презирает, все сам. Честолюбив выше обыкновенного. Не знает долга и всегда идет напротив. Не признает порядка вещей. Жесток и добр до бесконечности.

Любовное. Любит быстро страстно и тотчас же ненавидит, кого любил. Презирает женщин. Терпеть не может общества женщин (...).

Поэтическое. Страстно любит музыку, голос фальшив. Поет. (зачеркн.: пляшет по русски). Влюблен, ничего не помнит до успеха, страстно любит Россию, в дружбе тверд.

Умственное. Все быстро понимает. Красноречив во всех родах. Видит далеко. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом. Наполеона ревнует.

Семейство. Отец министр француз. Брат дипломат, которого ненавидит, кузина Волконская по матери (...).

С 11-го до 13-го 20 лет. Приезжает из-за границы с славой милого повесы. Записан в коллегия, но нигде не служит. Бросается на кузину. Она отталкивает его и влюбляется, шалости, горит. Александра родила.

---

1 Там же.

2 Там же. т. 9, стр. 246.

3 Там же. т. 9, стр. 248.

4 Там же. т. 9, стр. 249.

5 Там же. т. 9, стр. 252.

6 Там же. т. 9, стр. 253.

7 Там же. т. 9, стр. 270.

8 Там же. т. 9, стр. 280

9 Там же.

В Петербурге связь с M-me St. (на бале встретил). Она умирает в родах (зачеркн.: он убит горем. Убивает мужа. Аркадий по совету Бориса зовет его к себе. Отец). Министрам нет покоя. Получает пощечину за Балакирева, убивает и еще другого. Играет. Все проигрывает. Анатолий при нем собачка (зачеркн.: шулерничает). Отец отказывается платить долги. Борису он все рассказывает. Бросается в воду (зачеркн.: за собачкой). Аркадий по совету Бориса берет его к себе. (зачеркн.: связь с сестрой, женой Аркадия. Подкидывает анонимное письмо Аркадию). Живет один с медведем, история с квартальным (связь с Аркадиевой женой. Убивает человека). Высылают в Москву. Собачка с ним. Сестра в Москве (брат уехал). Связь с belle-soeur. У Аркадия нельзя брать денег. Опять игра, близкие сношения с Волконской, делает ей предложение. Вы одна не поддались мне. Она думает. Он сходится с танцовщицей, бьет ее. Потехи с старушками. Шулерничает. Убивает за то полковника. Анатолий даже отпаштывается от него. Что мне делать, из за ленты не могу. Дай мне дело? (зачеркн.: Начинает читать Contrat social). Ненавидит лично Наполеона. Его судят, старик Толстой принимает его. И веселый вечер с нарядами трогает его, он плачет и едет домой, пишет письмо в ополчение. В партизаны. Делает чудеса. Французский пленный офицер. Доказывает ему, что он великодушнее. Канун Бородин. Письмо от княжны Волконской, отказывает ей, отдает все и имеет цель революцию (зачеркн.: много читает. Она отдается ему) и работает как вол, за солдат. Устраивает Бориса. Выручает Аркадия. Дает денег Толстому и помогает Волконскому. Строгость к себе. Он и она самоотверженно вместе».¹

Разумеется, ни Идиот набросков Достоевского ни Петр набросков Толстого еще не князь Лев Мышкин и не граф Пьер Безухов, с которыми читатель знакомится в окончательных, «канонических», текстах романов. Вместе с тем совершенно очевидно, что окончательно сложившимся образам Мышкина и Пьера предшествовала их длительная эволюция в напряженном творческом сознании обоих писателей. Оба героя – страстно русские и находят себя через Россию. Но их литературная эволюция идет в направлении от гордых и сенсуальных героев с острой потребностью своевольного самоутверждения к положительному преобразованию своего характера и к сознательным попыткам приложения своих сил в нравственно и социально преобразующем действии. Так в окончательных вариантах происходит превращение «грешника» в «праведника». Конечно, это типы праведников в художественно-функциональной системе идейных космосов,

---

1 Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М. 1949. т. 13, стр. 15-16.

которые различны у обоих писателей. Поэтому «праведность» Льва Мышкина отлична от «праведности» Пьера Безухова, несмотря на сходные этапы эволюции их литературных характеров в художественном мышлении Достоевского и Толстого. И как раз через сопоставление набросков к романам можно установить тот поворотный пункт, после которого стали вырисовываться черты Мышкина и Пьера, известные нам по каноническим текстам романов.

В работе Достоевского над «Идиотом» этот пункт связан с троекратным повторением фразы «Князь Христос». Только после этого окончательно утверждается появившееся ранее и столь характерное для Достоевского убеждение в силе смирения. В работе Толстого над образом Пьера в «Войне и мире» этот пункт связан с фразой «читает Contrat social», Собственно в этом смещении ударения с Христа на Руссо и заключается самое существенное различие между идейно-художественными космосами Толстого и Достоевского. Здесь и следует искать основной источник их идейного расхождения при наличии несомненного сходства установок их сознания.

Могут возразить, что фраза «читает Contrat social» зачеркнута Толстым, и что дальнейшая эволюция Пьера идет не через увлечение идеями руссоизма, а через следование религиозно-нравственным идеям русского масонства XVIII-го в. и политическим чаяниям масонов первой четверти XIX-го в. Действительно, Пьер, как убежденный руссоист, появляется только в самом начале романа в салоне Анны Павловны Шерер, как с уже сложившимися взглядами в самом начале романа «Идиот» появляется князь Мышкин. Французский виконт-эмигрант сразу же определяет источник антилегитимистических мнений Пьера, неприличных в салоне фрейлины императрицы, – Contrat social.¹ Еще раз упоминание Contrat social повторяется в главе, описывающей встречу московского дворянства и купечества с государем, выливающуюся в манифестацию патриотизма. Здесь руссоизм упоминается как уже пройденный этап в эволюции Пьера.² Вот собственно и все, что формально связывает Пьера с именем французско-швейцарского предромантика, бросившего вызов во имя «естественной жизни человека» рационализму просветителей XVIII-го в. Вместе с тем вопрос о руссоизме Пьера оказывается гораздо сложнее и удовлетворительно разрешается только в общем подтексте судьбы Пьера в романе. При таком подходе масонство Пьера (вспомним, что русские масоны XVIII-го в. также занимали отрицательную позицию в отношении к просветительскому рационализму) представляется лишь одной из ступеней в общем стремлении Пьера к «праведности», лишь одним из этапов нахождения и осуществления им смысла жизни.

1 Там же. М. 1937. т. 9, стр. 24.

2 Там же. М. 1932. т. 11, стр. 91.

В планах, заметках и первоначальных вариантах к «Войне и миру» русское масонство занимало гораздо больше места, чем в окончательном тексте романа. В процессе работы Толстой значительно сузил масонскую тему, из за чего в каноническом тексте получились смысловые неувязки. Так на вечере у Бергов князь Андрей, собирающийся сделать предложение Наташе Ростовой, говорит Пьеру как о «наших» «о тех масонских перчатках, которые давались вновь избранному брату для вручения любимой женщине».¹ Из этого можно заключить, что князь Андрей в 1810 г. был масоном. В самом тексте романа, однако, нигде не сказано о принятии князя Андрея в ложу. Таким образом замечание князя Андрея совсем не мотивировано и вызывает у внимательного читателя недоумение.

Это недоразумение легко разрешается, если мы обратимся к ранним вариантам и наброскам романа. Согласно первоначальному замыслу Толстого Пьер после объезда своих южных имений весной 1807 г. посетил князя Андрея в его имении в Богучарове. Здесь и происходит между друзьями беседа, в которой Пьер уговаривает князя Андрея вступить в ложу и последний дает свое согласие.² В окончательном тексте Андрей не дает Пьеру утвердительного ответа, и Толстой ограничивается сообщением о начале новой внутренней жизни князя Андрея после посещения его Пьером.³ Затем в набросках к роману сохранилось письмо Пьера князю Андрею от 11 октября 1809 г., в котором Пьер старается рассеять сомнения друга в серьезности масонства.⁴ Далее в набросках к 1810 г. Толстой отмечает: «ложа, где князь Андрей ищет иллюминатства».⁵ Наконец, из дневника Пьера от 26 января 1810 г. мы узнаем, что Андрей принят в члены ложи, хотя Пьер и считает его «холодным» братом.⁶ Кроме того замечания о масонах рассыпаны в других заметках Толстого. Все это исчезло из текста окончательной редакции, и осталось лишь одно теперь уже непонятное упоминание князя Андрея о перчатках.

Зачем же Толстому понадобилось удалить все эти и значительные и мелкие детали? Дело в том, что для развития судьбы князя Андрея в романе, вытекавшей из «холодного» рационалистически скептического характера князя Андрея, как он был создан Толстым, мотив масонства был необходим в гораздо меньшей степени, чем он был нужен в разработке образа Пьера с его интуитивно-эмоциональным строем души. Масонство было нужно Толстому при разработке образа

---

1 Там же. М. 1938. т. 10, стр. 218.

2 Там же. т. 13, стр. 614.

3 Там же. М. 1938. т. 10, стр. 118.

4 Там же. т. 13, стр. 745.

5 Там же. т. 13, стр. 24.

6 Там же. т. 13, стр. 705.

Пьера, чтобы Пьер мог пойти дальше. Толстой так и записывает в своих планах: «Риетте увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится».¹ Нравственная сторона исканий Пьера и влечет его к масонству. Оно импонирует Пьеру своим надконфессиональным, «общечеловеческим», характером. «Такой ответ сделает масон, что и деист, и еврей, и магометанин – согласятся».² В ранних вариантах «благодетель» Баздеев так и определяет особенности масонства: «цель наша определена еще до воплощения сына божия. Мастера нашего ордена были у египтян и халдеев и древних евреев».³ «Христианство есть учение, масонство есть сила».⁴

Активный, волевой характер масонства и привлекает ищущего нравственного смысла жизни, но пассивного по своему характеру романтика Пьера. Пьер нуждается в наставнике и направляющем руководстве, в которых не ощущает потребности князь Андрей. Поэтому вступление Пьера в орден психологически хорошо мотивировано.

Так же психологически убедительно мотивирована последующая эволюция Пьера в процессе его религиозно-моральных исканий, т.е. его инициации в тайны смысла и назначения бытия. Причина внутренней неудовлетворенности Пьера после вступления в ложу заключается в осознании им противоречия между «естественностью» учения, в истинности которого он не сомневается, и «искусственностью» эмпирических институционных форм ордена. Эти формы оказываются бессильными обеспечить достижение основной его цели – нравственного совершенствования.⁵ Окончательная реализация Пьером природы этого конфликта дана в романе в сне Пьера после бородинского сражения.

«Солдатом быть, просто солдатом! – думал Пьер, засыпая, – войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское все бремя этого внешнего человека? (...) И вот Пьеру представляется торжественная столовая ложа. Ложа эта происходит в Английском клубе. И кто-то знакомый, близкий, дорогой сидит в конце стола. Да это он! Это благодетель. «Да ведь он умер? – подумал Пьер. – Да умер, но я не знал, что он жив опять!» С одной стороны сидели Анатолий, Долохов, Несвицкий, Денисов и другие такие же (категория этих людей так же ясно была во сне определена в душе Пьера, как и категория

---

1 Там же. т. 13, стр. 32.

2 Там же. т. 13, стр. 23-24.

3 Там же. т. 13, стр. 594.

4 Там же. т. 13, стр. 596.

5 Там же. т. 13, стр. 33.

тех людей, которых он называл *они*), и эти люди, Анатолий, Долохов, громко кричали, пели; но из-за их крика слышен был голос благодетеля, неумолкаемо говоривший, и звук его слов был так же значителен и непрерывен, как гул поля сражения, но он был приятен и утешителен (...).

«Война есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога, – говорил голос. – Простота есть покорность Богу; от Него не уйдешь. И *они* просты. *Они* не говорят, но делают. Сказанное слово – серебряное, а несказанное – золотое. Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится ее, тому принадлежит все. Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого. Самое трудное (...) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. Все соединить? – сказал себе Пьер. – Нет, не соединять. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли – вот, что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!* – с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос.

– Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

– Запрягать надо, пора запрягать, ваше сиятельство! Ваше сиятельство, – повторял какой-то голос, – запрягать надо, пора запрягать...

Эта был голос берейтора, будившего Пьера. Солнце било прямо в лицо Пьера».¹

Нельзя не восхищаться реалистической точностью художественного рисунка Толстого, в котором внешнее для слуха Пьера восклицание берейтора вызвало в сонном сознании Пьера глубокие интуитивно-философские ассоциации – «сопрягать надо, сопрягать пора». В данном контексте важно, что ложа, членом которой является Пьер, ассоциируется им с «мирским» планом бытия Английского клуба, «с искусственным» миром Анатолия, Долохова и др., от которого Пьер хочет освободиться как от «дьявольского бремени внешнего человека». Этому искусственному миру противопоставляется «естественный», близкий Богу, мир мистика-благодетеля и *их*, т.е. «простых» и покорных воле Бога солдат. Осознание необходимости «опрощения» представляет следующий этап в процессе иллюминации Пьера, его духовное пробуждение, залитое ярким светом солнца. Оно и мотивирует дальнейшее поведение Пьера, его решение остаться в плену с солдатами, а не переходить в группу офицеров, его духовное ученичество у Платона Каратаева.

Но дело в том, что любимая толстовская идея «опрощения» существенно руссоистского происхождения. Она теснейшим образом

---

¹ Там же. т. 11, стр. 290-292. Ср. сходный мотив мистического сна Алеши в «Братьях Карамазовых».

связана с толстовской дифференциацией сферы мирной действительности на «естественный» мир крестьян и сидящего на земле дворянства и на «искусственный» мир вовлеченных в суету неестественной городской цивилизации господ. Она связана с дифференциацией сферы военной действительности на «естественный» мир солдат-крестьян и близких им по духу «народных» офицеров-дворян и на «искусственный» мир тщеславных великосветских карьеристов и псевдохрабрецов. Нехлюдов из «Утра помещика» и Оленин из «Казачков» с их мечтами об «опрощении» – литературные предшественники Пьера.

Разумеется, здесь можно вскользь также упомянуть, что желание Пьера «опроститься», слившись с массой солдат, принуждало Толстого писателя еще больше отдалить Пьера от сюжетной темы масонского общества, «которое проповедовало мир и уничтожение войны»¹ Для Толстого этого периода его творчества такой взгляд на войну был неприемлем. В период написания «Войны и мира» семья (мир) и война были для Толстого теми институтами жизни общества, в отношении к которым люди и сословия могли занимать «естественные» или «искусственные» позиции, но которые сами по себе были подлинно естественными и необходимыми проявлениями целостной органической жизни. Война (сфера деятельности мужчин) и семья (сфера деятельности женщин) и были теми двумя полюсами оси, вокруг которой вращается вся многокрасочная, многозвучная и многообразная и недоступная человеческому логическому разуму жизнь. Иными словами, семья и война были те две первичные сверхрациональные данности, через которые в толстовском космосе 60-х годов выражалась воля Бога.

Таким образом «опрощение» Пьера, т.е. сопряжение его мыслей с духовным строем солдатского народа через тяготы и страдания плена и дружбу с Платоном Каратаевым, и есть сюжетно и психологически безупречно мотивированный последующий этап инициации Пьера в высшую степень духовного познания и практического делания, т.е. посвящения в мистерию жизни и смерти, тайну высшего смысла человеческого бытия. Только через этот опыт открывается Пьеру тайна вечности и неистребимости жизни. Так же как инициация князя Андрея в тайну вечности и неистребимости жизни совершается через его умудренную смерть.

Но говоря о Платоне Каратаеве, этом высшем художественном воплощении в романе народных мудрости и праведности, нельзя не заметить, что у Платона Каратаева отсутствуют как раз те черты, которые характеризуют всех главных персонажей романа Толстого – личная интеллектуальная или телесная индивидуальность. Показа-

---

¹ Там же. т. 11, стр. 80.

тельно, что в подготовительных материалах к «Войне и миру» образ Каратаева нигде четко не обрисован. Ясно ощущается религиозная основа его характера. Но и это не в индивидуальном, а в общем духовном и наставительном смысле. «Каратаев любил ничего и все. Все отражается в нем разумно и благообразно. В Пьере он видел благообразие душевное».¹ Так же скудны и скупы заметки о физическом облике Каратаева, хотя они и позволяют сделать вывод о трудолюбии и об уравновешенной веселости и дружелюбии Каратаева ко всем: и к своим и к врагам. «Каратаев здоров. Борется, улыбаясь, с французом. Шьет толстыми пальцами. (...) (Platoche)».² Все же остальное, касающееся внутреннего облика Каратаева, – собрание пословиц, поговорок житейского, исторического, нравственного и религиозного характера.³ В результате в романе Платон Каратаев оказывается почти целиком фольклорным: он скроен из пословиц, притч и душевспасительных сказаний, приближающихся к житийному жанру.

В принципе такая литературная трактовка Толстым образа Каратаева логически мотивирована, хотя в художественном оформлении она придает его облику некоторую условность. Последний наставник Пьера в завершительной фазе посвящения в смысл жизни и должен был быть высшим выражением религиозно-нравственного и трудового духа народа, воплощением христианской народной духовности в соединении с «простотой», т.е., переводя на уровень руссоистских понятий, человеческой природой, неиспорченной городской цивилизацией. Фольклор и есть словесный концентрат духовного, исторического и житейского опыта народа. Но именно в силу этой универсальной функции Каратаева его индивидуальный образ утрачивает ясные очертания. Главной особенностью физического облика и проявлений характера Каратаева во внешнем мире оказывается не та или иная телесная деталь или специфически индивидуальный жест, а (как в вариантах так и в окончательном тексте) – «круглость».⁴ Сказалось волшебство огромного художественного таланта Толстого, сумевшего преодолеть трудности, связанные со схематичностью и отвлеченностью образного материала, и создать реалистически осязаемый облик Каратаева.

Естественно напрашивается вопрос, зачем Толстому, непревзойденному мастеру физической и психологической детали, понадобился художественно недифференцированный образ, представляющий трудности для реалистической обрисовки характера? Ответ на этот вопрос заключается, как мне кажется, в том, что психологический архетип

---

1 Там же. т. 13, стр. 51.

2 Там же. т. 13, стр. 47.

3 Там же. т. 13, стр. 45-47.

4 Там же. М. 1955 т.т. 15-16, стр. 45 и Там же. т. 12, стр. 45.

«круга» с древнейших времен и в самых различных культурах, как самая совершенная геометрическая фигура и знак совершенства, употреблялся для изображения божества и богоявления. Тем самым образ Каратаева духовно универсализируется Толстым, и в нем, как и у князя Мышкина в «Идиоте», появляются черты «хриstopодобности». То, что Толстой несомненно отдавал себе отчет в таких смысловых возможностях образа, свидетельствует его работа над вариантами смерти Платона Каратаева. В первоначальном варианте ослабшего и отставшего от колонны пленных Каратаева застрелил по приказу офицера солдат-немец.¹ В этой версии Пьера не пустили к ослабшему Платону солдаты-конвоиры. В окончательном тексте романа расстрел Платона Каратаева двумя солдатами-французами соединяется с молчаливым отказом Пьера, боящегося за свою жизнь, подойти к Платону на молчаливый призыв последнего.² Эпизод убийства ассоциативно связан с евангельским рассказом об отречении Петра от Христа во дворе первосвященника. Соответственно, как через смерть и воскресение Христа Петру и другим ученикам открылась богооткровенная истина об окончательной победе жизни над смертью, так через смерть Платона Каратаева открылась Пьеру мистическая истина о неуничтожимости и бесконечности жизни. Смерть Платона Каратаева оказывается неразрывно связанной с последним актом посвящения Пьера в божественную мистерию тайны жизни, которая открывается ему в сне перед освобождением из французского плена партизанами Денисова и Долохова. По принципу сюжетного параллелизма, избранного Толстым, духовному освобождению Пьера из плена ложных понятий, соответствует освобождение из плена врага.

«Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий».

«Каратаев!» – вспомнилось Пьеру.

И вдруг Пьеру представился, как живой, давно забытый, кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию. «Постой» –, сказал старичок. И он показал Пьеру глобус. Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

¹ Там же. т.т. 15-16, стр. 138-139.

² Там же. т. 12, стр. 157.

– Вот жизнь, сказал старичок учитель.

«Как это просто и ясно, – подумал Пьер, – как я мог не знать этого прежде».

– В середине Бог, и каждая капля стремится расширяться, чтобы в наибольших размерах отражать Его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез. – *Vous avez compris, mon enfant*, – сказал учитель.

Vous avez compris, sacré nom – закричал голос, и Пьер проснулся.¹

Как и в предыдущем сне Пьера последняя фраза в его сонном сознании возникает по ассоциации с грубым выкриком французского солдата у костра. Также и в этом случае связь обеих фраз исполнена глубокого смысла. Человек – дитя Бога, и имя человек – священное имя. Бранное значение *sacré nom* в устах солдата-француза – образа насилия – означает, что человек священен и в «зраке раба», т.е. и в унижении и в состоянии лишения свободы. Жизнь может быть прекрасна и осмыслена и в страдании. Человек должен научиться любить жизнь, потому что Бог и есть жизнь.

Если сравнить высшее познание Пьера с высшим познанием князя Мышкина, можно обнаружить много родственных элементов. И вместе с тем характер их духовности нетождественен. Религиозная интуиция Пьера имперсональна, и ее истоки не столько христианского, сколько пантеистически-руссоистского происхождения (недаром, старичок учитель-швейцарец). Вспомним, что и в предыдущем сне Толстой ставит упор не на личность «благодетеля», а на «голос». Не «благодетель», а «голос» говорит неумолжаемо.

Религиозная интуиция и переживания экстаза «мировой гармонии» у Мышкина, напротив, персоналистичны и монотеистичны. Соприкасаясь в своем религиозно-нравственном отношении к жизни, Мышкин и Пьер расходятся в самом главном – в истоках духовного опыта. Мышкин, как позже «великий грешник», «остановился на Христе». Для Пьера христианство – только учение. Перерождение его характера еще до появления на страницах романа связано с Руссо, проповедь которого в сознании Пьера осложняется пантеистическим переживанием единства жизни. Это различие и определяет разность природы праведности Мышкина и Пьера.

Так выглядит морально-религиозный и художественный космос «Войны и мира», вершины целостного мировосприятия Толстого. Этот космос представляется на первый взгляд прочным и непоколебимым.

---

¹ Там же. т. 12, стр. 158.

Но тогда напрашивается вопрос: что же произошло в сознании Толстого, когда несколькими годами спустя этот уравновешенный и крепкий космос заколебался, и в «Анне Карениной» выпал из него столь важный для раннего Толстого полюс войны, в том числе войны освободительной? Как это ни покажется странным, но начало распада раннего мировосприятия Толстого намечается именно в «Войне и мире». Этот процесс начинается не в сюжетной линии руссоистского праведника Пьера, а в линии Болконских – у христианской праведницы княжны Марьи. Это она открывает, что один из главных критериев человеческих оценок отношений между людьми – «справедливость» – является по-человечески несовершенным и ограниченным понятием. «Да и что такое справедливость? Княжна никогда не думала об этом гордом слове «справедливость». Все сложные законы человечества сосредотачивались для нее в одном простом и ясном законе – в законе любви и самоотвержения, преподанном нам Тем, Который с любовью страдал за человечество, когда сам Он – Бог. Что ей было за дело до справедливости или несправедливости других людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она делала».¹

Гордый ум князя Андрея рационально развивает эту мистическую линию мировосприятия кн. Марьи, но уже без отношения к Христу, и в своей беседе с Пьером князь Андрей приходит к утверждению, что «то, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в нем больше, как в том, что они считают справедливым и не справедливым».² Но этот взгляд совпадает с домасонскими размышлениями Пьера, что ни в частной жизни ни в истории нет ни правых ни виноватых.³ Насколько дорога эта была мысль Толстому, видно из того, что ее повторяет в «Анне Карениной» Левин, утверждая, что вне власти человека определить, что есть «общее благо».

Но если это так, то из этих предпосылок естественно вытекает логическое заключение, что попытки устранить насильственными средствами одну несправедливость неизбежно ведут к установлению другой несправедливости, и человек, того не желая, попадает в непреодолимый заколдованный круг зла. Поздний Толстой и делает такой вывод и как писатель, и как проповедник. Ирония позиции Л.Н. Толстого в «Войне и мире» заключается именно в том, что, создавая свой бессмертный эпос России, Толстой и не подозревал, что из системы умозаключений своего любимого героя князя Андрея, теоретика беспощадной народной войны,⁴ он впоследствии разовьет учение,

---

1 Там же. т. 10, стр. 231-232.

2 Там же. т. 10, стр. 110.

3 Там же. т. 10, стр. 30.

4 Там же. т. 10, стр. 208-209.

которое отвергнет оправдание всякой войны, в том числе оборонной и народно-освободительной. Но когда Толстой писал «Войну и мир», свой литературный реванш за проигранную Россией Крымскую войну 1854-55 г.г., он еще не предполагал, что пацифизм и учение о непротивлении злу насилием станут самым главным мерилom праведности в его религиозности и проповеди последних десятилетий его жизни.

ГОЛОС НАРОДА У Л. ТОЛСТОГО И А. СОЛЖЕНИЦЫНА

(Платон Каратаев и Спиридон Егоров)

V. Grebenschikov*

«Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас».

(«Цыгане», А.С. Пушкин)

Конфликт между человеком из города и жителем деревни, вероятно, один из самых выразительных способов сопоставления реалистического образа человека с его идеализированным обликом в мировой литературе. Библейское повествование содержит долгий ряд столкновений между кочевыми скотоводческими племенами и городскими культурами, а обретение «земли обетованной» тесно связано с крушением стен Иерихонских.

Так, с зари человечества, по-видимому, развивалось понятие греховности и губительности городской жизни, в отличие от «природожительств», несущего в себе богатства естественных чувств и вкусов и природных дарований.

В наше время принято искать истоки такого осмысления человеческого общества в «Эмиле» Ж.Ж. Руссо и его последователях. Однако, на подобную тему, даже в русской литературе, люди читали задолго до Руссо, и есть добрые основания думать, что помимо западно-европейских влияний, русские писатели девятнадцатого и двадцатого века вдохновлялись и чисто русскими сюжетами и настроениями.

Во всей древнерусской литературе сила и даже смысл жизни мотивируется неистощимой красотой Божией природы:

«О светло светлая и украсно украшена земля русская. И многими красотами удивлена еси : озера многими : удивлена еси реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами частыми, полми дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными...»¹

* Vladimir Grebenschikov, Professor of Russian at Ottawa University.

1 Ю.К. Бегунов, «Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». изд. «Наука». М.-Л. 1965».

– восклицает автор «Слова о погибели руския земли» в тринадцатом веке, вслед за авторами «житий» и «летописей», «слов» и «сказаний».

Все русское подвижничество вылилось в движение «из градов» в «пұстынь», и вся наша агиографика неизменно прививала мысль, что спасение души возможно лишь вдали от центров политической и экономической жизни, в отдалении от этих очагов соблазна и зла. Там же, в «пұстынях», в лесных и «печерных» обителях провела свою юность и русская культура. И нет, поэтому, ничего удивительного в том, что склонность к сопоставлению города и деревни твердо и надолго привилась в русской литературе и поэзии. Характер этого сопоставления изменялся, то смягчаясь, то обостряясь и переходя в противопоставление, исчезали и появлялись детали, созревали новые характеры, совершенствовались приемы письма. Таким образом, мотив этот получил, например, более заостренную форму в «Житии» протопопа Аввакума, в «Цыганах» Пушкина, в «Казаках» Толстого, но не меньшей художественной зрелости достиг он и в «Записках охотника», или в сказах Лескова, романах Мельникова-Печерского, и у многих других русских художников слова.

Революция и победа городского пролетариата мало что изменили. Сергей Есенин глубоко лирически жалел глупого степного жеребенка которого непременно обгонит стальная машина;¹ Леоновские братья поделились на городского революционера и деревенского повстанца;² а поэзия вся поделилась на Есенинско-крестьянскую и Маяковско-городскую.

Лев Толстой, таким образом, со всем своим глубоким интересом к крестьянской Руси, и своим знанием России городской и дворянской, не был зачинателем или новатором темы противоположения той и другой. Но Толстой дал нам ряд ярчайших реалистических образов крестьян и казаков, и способствовал новому пониманию глубоких противоречий существующих между «детьми природы» и питомцами города. Больше того, он устроил первую в русской литературе духовную встречу между теми и другими. Встреча эта происходила в условиях глубокого кризисного напряжения в стране, и тем самым приобрела она особую значимость. Встреча и совместная жизнь во французском плену Пьера Безухова и Платона Каратаева зимой 1813 г. насыщена разговорами и размышлениями, которые открывают

---

1 Сергей Есенин, «Сорокоуст» (1920).

2 Леонид Леонов, роман «Барсуки» (1924).

перед нами важную часть общей картины духовного состояния России в тот год испытаний.¹

Почти сто пятьдесят лет позже, подобную же знаменательную встречу устраивает А. Солженицын. Его герои, инженер Глеб Нержин и крестьянин Спиридон Егоров, подолгу беседуют, сидя в своем собственном, советском, плену; и тут тоже приоткрывается перед читателем картина морального состояния русских людей в условиях новых исторических испытаний.²

В обеих встречах наиболее ярко выделяется облик страдающей Руси, и наиболее выразительно раздается в них голос народа. Этот голос оказывает сильное воздействие на воззрения и чувства образованного и размышляющего собеседника, и русский интеллигент задумывается над своей собственной жизнью и над судьбами отечества.

Пьер Безухов встречается с Картаевым впервые после своих душевных потрясений, после того, как был свидетелем безжалостного расстрела невинных русских людей французами; тогда, когда «в душе его как-будто вдруг выдернута та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем (...) уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога». (50) И тут появляется по соседству Платон Каратаев, и он приносит Пьеру успокоение: «Пьер чувствовал что-то приятное, успокоительное и круглое в этих спорных движениях, в этом благоустроенном в углу его хозяйстве, в запахе даже этого человека...» (50)

Больше того, веру в жизнь возвращает Пьеру этот простой солдатик: «Пьер долго не спал и с открытыми глазами лежал в темноте на своем месте, прислушиваясь к мерному храпению Платона, лежавшего подле него, и чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых незыблемых основах, двигался в его душе». (54) И впоследствии, как правильно замечает Л. Леонов в своей юбилейной речи, «Мудрец Каратаев всего лишь солдат, и Пьеру Безухову больше всего хочется быть солдатом, просто солдатом».³

Таким образом, Толстой подробно передает нам развитие того психологического процесса опрощения, который под прямым влиянием предшественника народа (в узком значении этого слова), сближает разные

---

1 Л.Н. Толстой, Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 7. – «Война и Мир», том 4-ый. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1958. Все ссылки внутри текста, цифрами в скобках, отсылают на страницы этого издания, этого тома.

2 А. Солженицын, «В круге первом», Harper & Row, New York, 1968. Все ссылки внутри текста статьи, цифрами в скобках, отсылают к страницам этого издания романа.

3 Л. Леонов, «Слово о Толстом»; Литературное наследство т. 69, книга первая; изд. А.Н. СССР, М. 1961, стр. 18.

слои населения и сливает их в одно, глубоко эмоциональное, движение всего народа (в широком, охватном значении), стремящегося преодолеть грозную нависшую опасность и ВЫЖИТЬ, как народ – нация.¹

В чем же сила этого представителя народа? Почему именно ему выпадает роль катализатора духа нации, а не умному, образованному, честному и искреннему молодому дворянину Пьеру Безухову?

Во время совместного пребывания в плену, Пьер, оказывается, вызывает в Платоне жалость, сочувствие; в то же время, сам «Платон Каратаев остается навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго, круглого».
(54)

А вместе с тем, портрет и характер Платона, как будто, не выдает никаких особенно впечатляющих черт, что, впрочем, и дает основание некоторым критикам считать этот образ «пустым и ложным».² Пьер и сам впервые замечает его не по особенностям его облика, ни по выделяющим его поступкам, а... «по крепкому запаху пота, который отделился от него при всяком движении». (50) Первые и главные характерные черты, которые Пьер обнаруживает в Платоне, и которые Толстой неоднократно подчеркивает в ходе повествования, это «круглость» и «ласковость» облика и поведения этого «маленького человека»:

«...аккуратно, круглыми, спорыми движениями... он разулся и развесил свою обувь... выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека... и говорил он с тою нежною певучею лаской, с «которую разговаривают старые русские бабы... (и на другой день, на рассвете, Пьер увидал своего соседа): ...первое впечатление чего то круглого подтвердилось вполне: вся фигура Платона и его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые... зубы его, ярко белые и которые все выказывались своими двумя полукругами...» (50-55)

Несмотря на свой малый рост, он физически «обладал твердостью и выносливостью, а тело его отличалось гибкостью, движения отличались споростью». Он умел все делать, «не очень плохо, но и не дурно». Он пек, варил, шил, строгал, точал сапоги. Он всегда был занят. Для всех остальных пленных Платон Каратаев был самым обыкновенным солдатом; его звали «Соколик» или «Платоша», добродушно трунили над ним, посылали его за посылками.

Все эти весьма заурядные черты облика и характера Платона Каратаева ввели, очевидно, многих читателей и даже критиков в заблуждение. Так, например, автор одной статьи в «Литературной

1 R.F. Christian, Tolstoy. A Critical Introduction. Cambridge University Press, 1969; pp. 148-149.

2 Литературная энциклопедия, т. 11. М. 1939, стр. 329.

газете» считает, что «образ Платона Каратаева представляет собой ложную схему, имеющую мало общего с реальным русским крестьянством, выдвинувшим таких бунтарей, как Емельян Пугачев, Степан Разин, Болотников».¹ Автор этот забыл, по-видимому, что сам Ленин признал типичность образа Каратаева и поэтому именно объявил борьбу против «каратаевщины» в русском крестьянстве. А Глеб Успенский заметил в своих записных книжках: «В крымскую войну таких Платонов умирало без следа и без жалобы – тысячи, десятки тысяч...», и дальше он замечает:

«Платон ничего не значит сам по себе, но в нем те черты, которые ежеминутно встречаем в нашем народе, и которые прямо в его душу вошли от реки, от травы, от земли, от леса, солнца. Мать природа, воспитывающая миллионы нашего народа, вырабатывает миллионы таких типов, с одними и теми же духовными свойствами... Он частица народа... Он любовно живет со всем, с чем сталкивает жизнь... Такая частица мрет массами на Шипке, в снегах Кавказа, в песках Средней Азии...»²

Природная мягкость, ласковость, «круглость», т.е. гармоничность, и, наконец, любовь ко всему окружающему, многими наблюдателями толкуются, как черты пассивности, даже бесхарактерности. Кто то даже в советской печати «не мог себе представить Каратаева участвующим в сражении», находя что в нем нет «ничего от реального солдата». А вместе с тем, мы узнаем в романе, что в молодости Платон Каратаев был отдал в солдаты, участвовал в заграничных походах, а под Бородином он был солдатом Апшеронского полка, стоявшего насмерть перед грозными французскими батальонами.

Сознательное и активное отношение к жизни наблюдаем мы у Платона особенно ярко, когда внимательно знакомимся с его суждениями, с его чувствами, и с его верой. И тут, совершенно неизбежно, привлекают наше внимание очевидные черты духовного родства образа Платона Каратаева с образами тургеневского Касьяна с Красивой Мечи, Антона Горемыки из повести Григоровича, Агафона Потапыча у Островского, а также и странников из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина. Однако, наряду с чертами сходства, ощущаются и значительные отличия. Платон Каратаев несомненно «перерос» всех этих своих литературных предшественников и современников. Он проявляет, например, более развитую способность к отвлеченному суждению и обобщенной оценке жизненных явлений, окружающих его. Это делает его своеобразно разумным. Именно разумным, а не мудрым,

---

1 «Литературная газета», № 5 за 1948. Интересно отметить, что автор статьи даже и не пробует объяснить или доказать, чем, появившиеся по разу в столетие, бунтари Пугачев (+ 1775), Разин (+1671) и Болотников (+ 1607) характерны для русского крестьянства.

2 Г.И. Успенский, «Из записных книжек: заключение к повести «Власть тьмы» Сочинения, т. 5. М. 1956, стр. 201.

с теми оттенками романтики, которыми часто насыщается это понятие. Он живо чувствует людей и критически оценивает их поступки; «люди бывает худые и добрые», – говорит он и считает, что надо в них разбираться, невзирая на их чины или звания. Он замечает, что «потная рука таровата, а сухая податлива», но он также убежден, что «и в нехристе душа есть». Он рассуждает патриотически о правом деле народа, отстаивающего «свою Москву». Когда Пьер его спрашивает: «Что же ты думаешь, что уже конец России?», Платон спокойно и споро отвечает: «Расеи конца сделать не можно».¹

Прямым следствием такой отвлеченной разумности, может быть, является у Платона полное отсутствие каких-либо крепких привязанностей:

«Он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком – не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были перед его глазами». (56)

Но и к своей собственной жизни относился он таким же образом. Он жизнь любил, но жизнь эта «не имела смысла как отдельная часть. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал... Он не мог понять ни цели, ни значения отдельно взятого действия», точно также, как не мог он понять значения слов, отдельно взятых из речи.

По той же причине, вероятно, и вера Платона проявлялась лишь на уровне обобщенных зависимостей, а не на уровне ежедневных нужд и забот; проявляется эта вера, поэтому, в форме афоризмов («не нашим умом, а Божьим судом», «положи, Господи, камушком, подними калачиком»), а не в форме конкретных молений и просьб. Он не забывает помолиться «Фролу и Лавру», покровителям лошадей, но не просит он себе ни облегчения страданий, ни безболезненного перехода в мир иной, даже перед самым своим расстрелом.

Прямым духовным потомком и родичем Платона Каратаева в двадцатом веке появляется в русской литературе Спиридон Егоров.

Как Платону, так и Спиридону уже перевалило за пятьдесят лет, и есть между ними значительные схожества. Рифмующие их имена греческо-христианской традиции: Платон – «полный, широкоплечий», и Спиридон – «круглый, как корзина», лишний раз подчеркивают ту «круглость», которая многократно просвечивает и в авторском портрете обоих образов. Спиридон впервые появляется на страницах романа с этим обликом: «...из-за угла здания показалась круглая фигура дворника Спиридон в ушастом малахае и в бушлате». (120)

Спиридон, подобно Каратаеву, обладает большой физической выносливостью, и он тоже провел нелегкую жизнь крестьянина-труженика

1 Н.И. Арденс (Апостолов), Творческий путь Л.Н. Толстого. АН. СССР, М. 1968, стр. 224.

и солдата, побывавшего в дальних и заграничных походах, а перед тем как попасть на «шарашку», оказывается, провел и лагерные «три зимы лесоповала и три весны лесосплава, где много тысяч бревен перенянчил». (120). А до того, строил он и пресловутый Беломорский канал. И еще канал Волга-Москва.

При общении с другими людьми, в интонации речи Платона и Спиридона слышна ласка, теплота, участливость, а при разговоре с начальством или с образованными людьми звучит еще и почтительность, даже готовность, которую Солженицын развивает дальше так: «...слишком большая готовность у Спиридона означала насмешку». Во время утренней пилки дров в тюремном дворе, у Спиридона с Сологдиным происходит даже своеобразное психологическое соревнование:

Каждый из них ощущал свое явное превосходство над другим: Сологдин – потому, что знал теоретическую механику, сопромат и много еще наук, Спиридон – потому, что все вещи слушались его. Но Сологдин не скрывал своего снисхождения к дворнику, Спиридон же снисхождение к инженеру скрывал...» (121)

В разговорах Пьера с Каратаевым, особенно при первой их встрече, мы также наблюдаем покровительственный тон Платона, овеянный ласковой заботливостью, но нигде нет у него насмешки, хотя есть поучение неопытному в трудной жизни интеллигенту («наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету. Так-то»; «Где суд, там и неправда»; «Не нашим умом, а Божьим судом»; «От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся»; «Жена для совета, теща для привета, а нет милей родимой матушки»).

Что же касается семейной жизни, то Платон Каратаев так и не познал по-настоящему ни радостей, ни горестей семейной жизни; военная служба разлучила его с молодой женой, а единственный ребенок их рано умер; зато принял Платон свою горькую солдатскую долю безропотно, потому что этим он избавил от такого же развала семью своего многосемейного брата.

Совершенно иначе сложилась семейная жизнь у Егорова. Всю свою жизнь он посвятил семье – любимой жене и трем обожаемым детям; но печально заканчивалась его жизнь, и жизнь всей семьи, потому что однажды допустил он слабость: не последовал велению своего крестьянского инстинкта жизни, а уступил юным восторженным желаниям своих детей, и этим променял возможную свободу на губительное рабство. В тяжкие минуты раздумий Платон ласково вспоминает о «родимой матушке», а Спиридон глубоко тужит о жене и детях, особенно о дочке, которую он больше не в состоянии оградить и защитить.

Говорить же о своей семейной трагедии ни Платон, ни Спиридон не любят, как не любят они рассказывать и о своих военных похож-

денях. Больше всего любят они говорить и рассказывать «из своих старых, видимо, дорогих воспоминаний крестьянского своего быта».

«Платон любил говорить и говорил хорошо, украшая свою речь ласкательными и пословицами, которые, Пьеру казалось, он сам выдумывал; но главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые... получали характер торжественного благообразия (...); голос у него был приятный и певучий. Но главная особенность его речи состояла в непосредственности, спорности. Он, видимо, никогда не думал о том, что он скажет; и от этого в быстроте и верности его интонаций была особенная неотразимая убедительность...» (56).

Спиридон тоже любил поговорить на досуге, и когда Глеб Нержин приходил к нему по воскресным вечерам, он охотно «принимался рассказывать что-нибудь за-тридевять-земельное от политики: как трущуюся рыбу бьют остями...» и тому подобное (347). Голос у него был теплый и охрипший, а при некоторых рассказах «глубоко-прорезанные бороздки его лба разморщивались, красноватое лицо осветлялось тихим свечением».

Пьер Безухов всегда со вниманием слушал Платона, а затем еще много лет вспоминал его рассказы и суждения. Глеб Нержин тоже с интересом выслушивал долгие повествования Спиридона, и они не только не утомляли его, но даже «освежали его, дышали на него сыровой приречной зарею, обдувающим дневным полевым ветерком» (348).

Самой характерной особенностью всех этих разговоров было обстоятельство, что и Платон, и Спиридон говорили вдохновенно, с увлечением, когда рассказывали о жизни вообще, о природе, о крестьянском быте. Когда же речь заходила об оценке жизни, о суждениях морального или политического характера, то речь крестьянская становилась краткой, сжатой, даже афористичной, порой двусмысленной, а иногда и загадочной. Рассказчик тогда прибегал часто к пословицам, поговоркам, о которых Толстой говорит:

«Поговорки (эти)... не были те, большей частью неприличные и бойкие поговорки, которые говорят солдаты, но это были те народные изречения, которые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны ксати.» (56)

Так появляется, в интимном разговоре Спиридона с Нержиным и тот любопытный афоризм, который Солженицын назвал «критирием Спиридона»: ВОЛКОДАВ ПРАВ, А ЛЮДОЕД НЕТ!¹

1 См. мое подробное толкование этого афоризма на основе Дантовских образов в моей работе: VI. Grebenshikov, «The Infernal Circles of Dante and Solzhenitsyn», в Записках русской Академической группы в США, том. VI, Нью-Йорк, 1972, стр. 19-20.

Вл. Вейде отрицает народное и фольклорное происхождение этого афоризма, и считает его «не совсем удачной выдумкой Солженицына».¹ Весьма возможно, что афоризм придуман писателем, но придуман очень метко, так-как через него передается читателю, в замечательно сжатой форме, всё содержание той моральной основы, которая руководила крестьянином Егоровым в те тяжкие, опасные, хаотические годы, которые составили всю его сознательную жизнь – с самого семнадцатого, революционного, и по самые пятидесятые, послевоенные. Эта моральная основа сводится к двум правилам поведения: 1) прав тот, кто борется за правду, против лжи, и 2) неправ тот, кто подавляет, уничтожает человека. Более обобщенно можно сказать: «за справедливость и человечность».

До высказывания этого афоризма, жизнь Спиридона могла казаться хаотичной цепью сплошных противоречий, накапливающихся от оппортунистического подхода к событиям. Как только Спиридон высказал свой «критерий», вся жизнь его осветилась иным светом, все события «организовались» вокруг этого единого морального стрержня, и жизнь оказалась логичной и последовательной, а сам Спиридон обрел облик упорного, крепкого русского крестьянина, который на многочисленных перекрестках своей усложненной жизни непоколебимо оставался верным этическому идеалу правды-справедливости, как он ее себе представлял, и принципу человечности, как он ее понимал. Таким образом перед нами вырастает осмысленный и цельный образ Спиридона Егорова, достойного и последовательного потомка Платона Каратаева.

Поэт Некрасов в свое время томился и сокрушался:

«Иль судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже завершил –

.....

И духовно навеки почил?»²

Появление образа Платона Каратаева должно было бы утешить Некрасова. А полтора столетия спустя Спиридон Егоров свидетельствует, что сносливый и глубоко человечный русский крестьянин пережил все катаклизмы, еще жив и продолжает свои поиски правды-справедливости, невзирая ни на какие опасности, тяжести и катастрофы.

Какое же воздействие на русского интеллигента оказал этот русский крестьянин во время их знаменательных духовных встреч?

Пьер Безухов, читаем мы у Толстого, вспоминал то время с восторгом и говорил о тех «сильных и радостных ощущениях и, главное, о том полном душевном спокойствии, о внутренней свободе, которые

---

1 Вл. Вейде, «О Солженицыне», Вестник РСХД, № 91-92, Париж, 1967, стр. 43-50.
2 Н.А. Некрасов, «Размышления у парадного подъезда» (1858).

он испытывал в то время». (107) А позже, восемь лет спустя, когда Пьер занимался делами декабристов, Наташа его спрашивает о Платоне:

«– Как он? Одобрил бы тебя теперь?..»

– Нет, не одобрил бы, – сказал Пьер, подумав. – Что он одобрил бы, это нашу семейную жизнь. Он так желал видеть во всем благообразии, счастье, спокойствие, и я с гордостью бы показал ему на нас...» (307).

Глеб Нержин почерпнул, очевидно, больше от Спиридона, но он и искал больше. В то время, как Пьер Безухов лишь случайно оказался по соседству с Платоном в бараке военнопленных, Глеб Нержин сам искал общения с Егоровым и терпеливо добивался его доверия и его откровения. И он узнаёт из этого общения, что

«Народ – это не говорящие на нашем языке, но и не избранцы, отмеченные огненным знаком гения. Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются в народ. А – по душе. Душу же выковывает себе каждый сам... Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, что бы стать ЧЕЛОВЕКОМ. И через то – крупницей своего народа.» (346)

Л. ТОЛСТОЙ, РУССО, ЖОРЖ САНД и ДОСТОЕВСКИЙ

N. Pervushin*

Л. Толстой был почитателем Ж.Ж. Руссо, как всем известно, он читал его в юности и находился под влиянием его идей всю жизнь. Саму жизнь свою, свои поступки он сверял с идеями Руссо; его отношение к воспитанию, его стремление к опрощению и враждебность к цивилизации – всё это находило отклик и в жизненных поступках и в произведениях Толстого.

Жорж Санд тоже была поклонницей Руссо и разделяла многие из его идей и выражала их в своих произведениях и поступала в жизни под их влиянием. Однако Толстой не был под влиянием Ж. Санд, он был настроен враждебно к ней, не любил ее произведений, находил их искусственными, лживыми и особенно восставал против поступков героинь романов Санд.

Интересная проблема: как два различных писателя, почитатели одного и того же автора, так резко расходятся? Каковы причины этого расхождения? Ответу на этот вопрос и будет посвящена наша статья.

Любопытно сравнить также отношение Толстого к Санд с отношением к ней Достоевского. Рассмотрев отношение двух писателей к Санд мы лучше поймем и разницу между ними самими. Достоевский не только зачитывался ее романами, но он считал ее как бы «нашей святой», подчеркивая громадную роль ее произведений в России и влияние на русскую литературу. Он ценил в ней гуманизм через призму романтизма.

В 1901 г. в разговоре с Полем Бойе («*Chez Tolstoy*» 1950, Paris). Толстой сказал: «Я прочел всего Руссо, все 20 томов, включая его музыкальный словарь. Я более чем восхищался им и боготворил его. В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо нательного креста. Многие страницы его так близки мне, что мне казалось, я сам их написал».

* Nicholas Pervushin. Professor of Russian Literature (Universities McGill, de Montreal, of Ottawa, Norwich).

Л. Толстой называл Руссо своим учителем. 19-ти лет, в 1847 г., он записал 3 марта в свой дневник: «Читал Руссо с комментариями, начал «Философские замечания на речи Ж.Ж. Руссо». Он читал критику на «Рассуждения о том, содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов». В дневниках и письмах Толстого находим ссылки на такие произведения Руссо, как «Исповедь» (потом Толстой сам напишет свою «Исповедь»), «Новая Элоиза», «Исповедание савойского vicария», «Социальный договор», «Эмиль» и др.

У Толстого и в жизни было много общего с Руссо: оба не знали своих матерей (мать Руссо умерла при родах). Руссо рассказывал в своих воспоминаниях, как он был несправедливо подвергнут телесному наказанию в детстве. Это вызвало в нем такое страшное возмущение и ненависть против несправедливости и гнета, что он всю жизнь не мог слышать рассказа о несправедливости или угнетении, без страстного желания наказать насильника. Толстой мальчиком подвергался наказаниям и унижениями со стороны гувернера Сен Тома и навидел его.

Когда Толстой прочитал альманах «Вехи», он неодобрительно отозвался о нём, хотя и приветствовал основную идею возврата к религиозному мировоззрению для русской интеллигенции. Он внимательно прочитал статью С. Булгакова и в ней были следующие слова о Руссо, которые, вероятно, он не одобрил: «Вместе с Руссо и просветительством интеллигенция уверовала, что естественный человек добр по природе своей и что учение о первородном грехе и порче человека есть суеверный миф. Поэтому никакой заботы о культуре личности (столь презираемом самоусовершенствовании) быть не может и не должно, вся энергия должна быть целиком расходуема на борьбу за улучшение среды, этой же личности предлагают и улучшать эту среду (барон Мюнхгаузен сам вытаскивает себя из болота за волосы).

Толстой мог возразить Булгакову, что Руссо разошелся с «просветителями» и что он как раз и стремился к самоусовершенствованию и заботился о культуре личности.

В списке книг, которые произвели впечатление на Толстого в возрасте с 14 до 20 лет, только пять произведений оказали на него «огромное» влияние это – Нагорная проповедь из Евангелия от Матфея, «Исповедь» Руссо и «Эмиль» того же автора. «Давид Копперфилд». Диккенса и «Вий» Гоголя. «Новая Элоиза» Руссо произвела на него «очень большое» впечатление, так же как и «Евгений Онегин», «Разбойники» Шиллера, произведения Гоголя, «Записки охотника», «Антон Горемыка», «Герой нашего времени», «Тамань» и «Поленька Сакс» Дружинина.

Таким образом, два из пяти произведений, оказавших огромное влияние на молодого Толстого, принадлежали Руссо.

Писания Руссо не только были важны для самого Толстого, но он

рекомендовал их своим детям для того, чтобы учиться как жить и как справляться с трудностями в молодости (письмо к сыну Андрею 29-9-98 стр. 244 т. 18): «я недавно вспомнил «Новую Элоизу» Руссо. Там похоже то, что с тобой случилось. И это мне напомнило. Это прекрасная книга. Заставляет думать...» (А.Л. Толстой писал о своей любви к О.К. Дитрихс, о желании жениться и изменить свой образ жизни).

В письме к Октаву Мирбо (30-9-1903) Толстой писал: «Мы испытываем особое наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новыми неожиданным образом. Французское искусство произвело на меня в свое время это самое впечатление, когда я впервые прочел... особенно Руссо...».

Бернару Буве он пишет (7-3-1905): «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие – два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь. Руссо не стареет. Совсем недавно мне пришлось перечитать некоторые из его произведений, и я испытал то же чувство подъема духа и восхищения, которые я испытывал, читая его в ранней молодости.

Толстой много читал и в Ясной-Поляне, и в Москве, и в Казани, где обучался в университете, сначала на факультете восточных языков, потом на юридическом, но плохо успевал, так как предпочитал читать своих любимых писателей и философов, а также религиозных мыслителей. Стерн его любимый писатель, у него он учится литературным приемам, у Руссо – дидактизму, учительству в литературе. И это – на всю жизнь.

В.В. Зеньковский («История русской философии» т. 1, стр. 395) пишет:

«Когда в 16 лет Толстой «разрушил» в себе традиционные взгляды, он страстно увлекся Руссо. Уже в эти ранние годы на первом плане стоит у Толстого этика; «стремление к совершенствованию», постоянное недовольство собой. Во всяком случае от Руссо Толстой воспринял культ всего «естественного», то подозрительное и недоверчивое отношение к современности, которое постепенно перешло в придирчивую критику всякой культуры. Тяготение к «опрощению» диктовалось у Толстого совсем не психологией «неоплатного долга» перед народом, как в разных формах народничества... оно было нужно для него самого, чтобы сбросить с себя гнет условностей, заполняющих т.н. «культуру». И в этой потребности вырваться на простор «естественных» движений души Толстой не только находился под влиянием Руссо: здесь имеет место конгениальность двух умов. Семена, заброшенные Руссо, дали обильные плоды в душе Толстого; С известным правом можно было бы изложить *все* воззрения Толстого под знаком руссоизма, – настолько глубоко сидел в нем этот руссоизм до конца его дней».

Толстому было чуждо восхищение, выраженное напр. Белинским после прочтения повести Жорж Санд «Мельхиор», которое мог вполне разделить и Достоевский. Вот что писал Белинский в письме к Панаеву (6-12-1841): «Мы счастливы, очи наши узрели спасение наше, и мы отпущены с миром Владыкою; мы дождались пророков наших...» А 9 декабря 1842 г. он пишет ему же: «Ты срезался на «Консуело» – это великое божественное произведение». В другом письме Белинский (от 8 сент. 1841) формулировал свою новую веру так: «Настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы... когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, а воля будет уступать не воле, а любви; когда не будет мужей и жен, а будут любовницы... не будет богатых и бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья».

Толстой в самом начале в 1847 г. прочитал «с увлечением» какой-то роман Санд. Он, как и все его современники, читал ее произведения и в начале отнесся к ним с интересом и ценил верность характеров ее героев, как видно из дневниковой записи, когда ему было 20 лет: «Читал Ораса, эта личность многим похожа на меня, – сказал брат правду. Главные черты – благородство характера, возвышенность понятий, любовь к славе и – совершенная неспособность ко всякому труду – от непривычки, от воли и тщеславия». Дальше он перечисляет некоторые черты героя: играет роль, копирует сам себя, себялюбив, но не эгоист (т. 46 стр. 266 «Юбилейного собр. соч.»).

Однако уже скоро он будет писать о том наваждении, которое было в России, когда увлекались в 1830-хх и 40-х гг. французской писательницей и о том, что скоро она будет забыта. Потом он стал относиться к ней, и особенно к ее героиням, отрицательно и с насмешкой иногда с отвращением, и только много позже в письме к Фету с одобрением отозвался о романе «Несмотря ни на что» («Malgré tout»).

Ж. Санд была прежде всего романтиком, Толстой им не был. Она была очень женская писательница, Толстой не переносил такого рода писательниц. Она брала у Руссо то, что в нем сближалось с ее подходом – бунтари, защитники «общественного договора («Мопра»), противопоставление испорченного города деревне с патриархальной чистой нравов и т.д. Она писала романы социалистического направления и в защиту свободной любви. Толстого возмущала такая литература.

Д.В. Григорович в своих воспоминаниях (стр. 250, изд. Акад. 1928) говорит, что Толстой объявил себя «ненавистником» Жорж Санд и прибавил, что «героинь ее романов, если б они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам». Толстой громил ее на

обеде у Некрасова и спорил с ожесточением с Турегеневым (который ее защищал).

О романе «Консуело» Толстой написал в дневнике: «Что же превратная дичь с фразами из науки, философии, искусства, морали. Пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами»...

Толстой прочитал почти все романы Санд, но не включил в свой «Круг чтения» ее произведений или открывков из них.

Жорж Санд была поклонницей Руссо, Толстой тоже, но этим, кажется, исчерпывается все что между ними было общего.

Однако, однажды Толстой задумал написать комедию под известным влиянием Жорж Санд, а именно по дороге из Петербурга в Москву 12 января 1857 г. он надумал писать комедию «Практический человек», в которой должны были быть выведены «Жоржзандовская женщина и Гамлет нашего века, вопиющий большой протест против всего; но безличие». В образе жоржзандовской женщины Толстой намеревался изобразить А.Я. Панаеву, к которой был одно время равнодушен Достоевский. Замысел этот не был выполнен.

Экзальтированные и эмансипированные героини Санд, такие как Лелия, к тому же осуждавшие моногамный брак, были противны Толстому, мечтавшему о «семейном счастье». Но когда она в последний период своей жизни стала писать о сострадании к страждущим и о крестьянах, Толстому эти произведения стали приемлемы, но великой писательницей он ее никогда не считал. Не то у Достоевского.

Достоевский «восторженно» принял оценку Белинским творчества Жорж Санд. Он пишет брату Михаилу в 1845 г.: «Прочти Теверино» – ничего подобного не было еще в нашем столетии. Вот люди-первообразы... Гениальный нищий Теверино говорит в повести: «Я верю, что дары Господа имеют всегда какое нибудь назначение, и что последние теперь на земле не будут последними в царстве Его. Кто то давно, давно сказал это». Мармеладов сказал это позднее.

Роман «Жанн» Достоевский назвал гениальным, в нем проповедуется «христианский радикализм» и царство Божье на земле. Мечтателю Достоевскому (см. «Петербургские сновидения») близки были герои и героини Жорж Санд вроде Вальмарина из романа «Лелия» или Жанна из романа того же названия. Только позже он «стушевал» свой романтизм и стал великим писателем реалистом и романтиком в «высшем смысле», как и психологом.

В укромных углах мрачного Михайловского дворца, превращенного в Инженерное училище, где обучался Достоевский, он читал романы Жорж Санд и Шиллера и жил в мире воображаемых героев. Несколько позже в 1845 г. он увлекся утопическим социализмом, который был «своеобразным гуманизмом, в котором любовь к человеку

была доведена до молитвенного восторга и преклонения» как пишет В.Л. Комарович (стр. 76 «Юность Достоевского»). Это же было то, что проповедывал и герой романа Жорж Санд «Жанн».

Когда Достоевский узнал о смерти Жорж Санд, он понял «что значило в моей жизни это имя, – сколько взял поэт в свое время, моих восторгов, поклонений и сколько дал мне когда-то радостей, счастья!» Это он написал в июньской книжке «Дневника писателя» за 1876 г. и добавил: «Я смело ставлю каждое из этих слов, потому что все это было буквально. Это одна из наших современниц вполне – идеалистка тридцатых и сороковых годов».

«Пусть не удивляются, пишет он, моим словам о Жорж Санд, которую на половину если не на все девять десятых у нас успели уже забыть...она умерла, пережив свою славу, но то, что в свое время составляло новое слово,... отозвалось у нас сильным и глубоким впечатлением... и всякий поэт-новатор Европы... не может не стать тотчас же и русским поэтом».

В статье «Несколько слов о Жорж Санд» («Дневник писателя» июнь 1876 г., стр. 933). Достоевский более подробно остановился на влиянии ее на русское общество тридцатых и сороковых годов. Несмотря на старания Булгарина и Сенковского предостеречь русских читателей от увлечения ею (Булгарин печатал в «Северной Пчеле», что она ежедневно пьянствует с Пьером Леру у заставы и участвует в афинских вечерах в министерстве внутренних дел у разбойника и министра внутр. дел Ледрю - Роллена), «она заняла в России чуть не самое первое место в ряду целой плеяды новых писателей».

«Я думаю, также как и меня, еще юношу, всех поразила тогда эта целомудренная, высочайшая чистота типов и идеалов и скромная прелесть строгого, сдержанного тона рассказа... Мне было лет шестнадцать, когда я прочел в первый раз ее повесть «Ускок» – одно из прелестнейших первоначальных ее произведений. Я... был потом в лихорадке всю ночь».

«Как женщина, пишет он далее, она любила более выставлять героинь чем героев, и уж, конечно, женщины всего мира должны теперь надеть траур по ней, потому что умерла одна из самых высших и прекрасных их представительниц и, кроме того, женщина почти небывалая по силе ума и таланта – имя, ставшее историческим, имя, которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейского человечества.»

В конце своей обстоятельной и страстно написанной статьи он замечает: «Жорж Санд не мыслитель, но это – одна из самых ясно-видящих предчувственниц... более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижение идеалов которого она бодро и великодушно верила всю свою жизнь... она умерла действительной, твердо веря

в бога и в бессмертную жизнь свою... она свер того была, может быть, и всех более христианкой из всех своих сверстников – французских писателей, хотя формально (как католичка) и не исповедывала Христа». Мы видим, что ценил Достоевский во французской писательнице, что отозвалось в его собственной душе и творчестве. Характерно и различие его героев с героями ее романов. Он пишет: «Не любила она выводить в своих романах приниженных лиц, справедливых, но уступающих юридичеких и забитых, как почти есть во всяком романе великого христианина Диккенса (и-добавим от себя – Достоевского), напротив, воздвигала своих героинь гордо, ставила прямо цариц».

Посмотрим, как относилась к Руссо Жорж Санд. В молодости она читала с упоением Шатобриана, Герсона, Мабли, Локка, Кондильяка, Монтескье, Боссюэ, Лейбница, Паскаля, Монтеня, мало что понимала в их писаниях, но искала ответа на вопрос как жить? Как верить в Бога? У нее была жажда знаний и любви к Богу, к людям. Когда она прочитала «Эмиля» Руссо и «Исповедание савойского священника», она была потрясена.

Ф. Моруа пишет об этом в своей книге о Ж. Санд (стр. 43)

«Это было истинное озарение. Это была та духовная пища, которой она так жаждала. Его язык казался ей лучшей музыкой. Все было у нее общим с автором «Эмиля» – душевная растроганность, страсть к искренности, любовь к природе. Он научил ее что нужно жить, согласно законам природы, слушаться голоса своих страстей и, главное, любви. Это у Руссо научилась она говорить языком добродетели о сердечных порывах... Ей казалось, что подлинное христианство, которое требует абсолютного равенства и братства, она нашла только у Руссо».

Чем же Руссо так повлиял на нее? Также как Толстому он был ей близок и понятен: «Для меня он звучал, как Моцарт, я понимала всё». У него она нашла «неистоцимую пищу для внутреннего душевного трепета, этого непрерывного божественного восторга».

Она чувствует присутствие Бога: «Бог во всем я его вижу, касаюсь Его, знаю, что Он един, я люблю его, всегда знала и чувствовала Его, Он во мне, как бы незначительна я ни была»...

Она всегда писала про Руссо – «мой Руссо», «мой Жан Жак», она, как Толстой в 1857 г., поехала в Швейцарию, чтобы посетить те места, где жил Руссо (в 1860 г.). Она писала Флоберу в 1872 г. совсем по – толстовски: «Забудь о себе, делай что нибудь для других, жить только самим собой – плохо».

Руссо был бурным источником, можно сказать, водопадом мыслей, настроений, эмоций; он сильнейшим образом повлиял на самых разнообразных людей как своей, так и последующих эпох. Но разные люди воспринимали его по-разному, брали у него то, что им было

ближе и лучше отвечало их душевному строю чувствам и мыслям.

Достоевский нигде, кажется, не отзывался положительно о Руссо, он как будто вовсе не произвел на него никакого впечатления. Однако героини его романов – Дуня Раскольникова, Соня Мармеладова, Аглая и многие другие – похожи на героинь романов Руссо.

Теперь мы знаем почему: они вдохновлены были романами Жорж Санд. И Дуня, и Соня в романе Достоевского «Преступление и наказание» в каком то смысле родственны героиням Санд. А «Униженные и оскорбленные» полны переключек с ее романами.

Почему же Достоевский не нашел в Руссо родственной себе души, а нашел ее в Шиллере, в Бальзаке, не в Стерне, Стендале, которых очень любил Толстой? Ответ на этот вопрос и на вопрос, поставленный нашей статьей можно формулировать так: Толстой не любил романтизма, он считал его искусственным, не искренним, не естественным. Достоевский – и Жорж Санд – были романтиками, особенно в молодости. У Достоевского был период «мечтательности», когда он вывел много героев – мечтателей («Белые ночи», «Неточка Незванова», «Хозяйка» и др.). Для него Руссо был слишком рассудительным. Жорж Санд эту струю рассудительности восприняла, сдобрив ее огромной романтичностью и его гуманитарные идеи, преломившись через романтизм Санд, были восприняты Достоевским как родное его сердцу направление.

У Толстого же всё было иначе. Он принял Руссо, главным образом как учителя жизни, но не как образец для литературного творчества; как образец литературных приемов ему ближе был и Стерн, и Стендаль, и Гюго.

Достоевский, по мнению В.В. Зеньковского, развивал систему идей, которую можно назвать «христианским натурализмом» и слова в «Идиоте» о том, что красота спасет мир, вскрывают эту своеобразную утопию Достоевского (т. 4 стр. 427)... Ключ к преобразению, к устройению человека в нем есть. В материалах к «Бесам» он писал: «Христос затем и приходил, чтобы человечество узнало, что его земная природа и дух человеческий может явиться в таком небесном блеске, на самом деле и во плоти, а не только что в одной мечте и в идеале, – что это и естественно, и возможно». Это основное учение Достоевского, заключает Зеньковский, ближе к антропологии Руссо (с его основным принципом о радикальном добре в человеке).

По мнению Толстого добро ничего не имеет общего с красотой («Что такое искусство?» стр. 929 т. XV. Собр. Соч. в 20 томах 1964 г.), этим он высказывается против идей эстетического гуманизма, распространенного в России под влиянием Шиллера, Санд и др. романтиков, жившего верой во внутреннее единство красоты и добра. Здесь еще одно из расхождений Толстого с Достоевским, пережившим сильнейшее влияние Шиллера.

Говоря об «основном в философии жизни Толстого», В.В. Зеньковский замечает (стр. 416):

«Ранний социализм Достоевского надо считать очень важным, а отчасти решающим фактором в духовных исканиях его: социализм был не чем иным, как тем самым «этическим имманентизмом», который лежал и лежит в основе всякой теории прогресса, в том числе и той философии жизни, которую мы видели у Толстого. Это есть вера в основное и «естественное» добро человеческой природы, в «естественную» возможность подлинного и всецелого «счастья», устрояемого «естественными» же путями... весь этот строй мысли в отношении к духовным исканиям Достоевского следовало бы назвать «христианским натурализмом», возлагающим все надежды на то христианское озарение человека, которое вошло в мир через боговоплощение и нашло свое высшее выражение в Преображении Спасителя. Это есть христианство без Голгофы, христианство лишь Вифлеема и Фавора. Конечно, это есть своеобразное сочетание руссоизма и шиллеризма, – это есть вера в «естество» и признание природного, хотя бы и скрытого под внешними наслоениями благородства, скрытой «святыни» человеческой души или, как выражается Достоевский в статье, посвященной Жорж Санд, признание «совершенства души человеческой».

Можно лучше понять особенность писателя, изучая тех, кто влиял на него, его мировоззрение и творчество. Обычно, писатель выбирает из творчества своего предшественника, – будь то писатель, мыслитель, поэт – некоторые элементы и отбрасывает другие. В интересующем нас вопросе об отношениях, Л. Толстого к творчеству Санд и Руссо мы пытались рассмотреть те элементы, которые были неприемлемы и отброшены, напр. из творчества Ж. Санд. Мы сравнили также отношение Толстого к творчеству Ж. Санд с отношением к нему Достоевского и это помогло нам глубже понять особенности двух великих писателей земли русской.

К статье Л. Толстой, Жорж Санд, Руссо и Достоевский.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Л.Н. Толстой. *Полное собрание сочинений* (юбилейное) М.Л. 1928-1959 1-ХС тт.
Л.Н. Толстой. *Собрание сочинений в двадцати томах*. М. 1960-1965 гг.
Толстой и зарубежный мир. «Лит. наследство» Т. 75 в 2 книгах. М. 1965.
Вехи М. 1909. переиздано в 1967, Ann Arbor, Mich.
В.Г. Белинский. *Собрание сочинений. т. XI и XII. Письма. М. 1965Г.*
Д.В. Григорович. *Собрание сочинений*. М-Л. 1928.
Ф.М. Достоевский. *Дневник писателя* за 1876 г. Июнь. Париж ИМКА Пресс.
В.В. Комарович. «Юность Достоевского». в сборнике *О Достоевском*. Providence. R.I.
Brown Up. Press 1966.
Прот. В.В. Зеньковский. *История русской философии*. т. 1. Париж, 1948.
Жорж Санд. *Correspondance*. т. 1-6. Paris 1964-1969.
Поль Бойе. Paul Boyer. *Chez Tolstoy*. 1950. Paris.
А. Моруа. *Жорж Санд*. рус. перевод Бульянской. М. 1967.

БОГ АНДРЕЯ и БОГ ПЬЕРА

Н. Ermolaev*

Любовь ест Бог.
Князь Андрей
Жизнь есть Бог.
Пьер

Едва ли есть в «Войне и мире» фразы, которые сочетали бы в себе такую предельно сжатую форму и такое богатое содержание, как два вышеприведенных определения. Эти определения – итог сложного духовного развития двух центральных мужских персонажей романа, поставленных автором в необходимость выявить свое отношение к любви, жизни, смерти, Богу. Определения выкристаллизовались в процессе напряженной внутренней борьбы и в суровых внешних испытаниях. Однако главную роль в их формулировании сыграли не столько жизненные обстоятельства, сколько врожденные свойства персонажей. Такими свойствами у князя Андрея были философский склад ума, тяготение к отвлеченному мышлению и самоанализу, недостаток земной жизненной силы, неспособность распознать степень наличия и проявления этой силы у других, склонность к обособленной жизни. В Пьере же, при всем его стремлении осмыслить жизнь в высшем божественном плане, преобладает огромная жизненная энергия, непосредственность, оптимизм, привязанность к людям и земному существованию. Несходство врожденных свойств обоих персонажей и объясняет глубокую разницу, которая кроется в их определениях Бога, хотя на первый взгляд оба определения могут показаться всего лишь вариантами одинаковой или родственной концепции. Цель настоящей статьи – рассмотреть оба определения в связи с теми основными моментами духовной эволюции князя Андрея и Пьера, в которых с наибольшей очевидностью проявились их врожденные свойства и которые привели каждого из них к конечному представлению о жизни и Боге.

* Herman Ermolaev. Professor of Slavic Languages and Literatures. Princeton University.

Первый существенный сдвиг в мироощущении князя Андрея произошел тогда, когда он, тяжело раненный в Аустерлицком сражении, увидел «неизмеримо высокое» небо (I, 380).¹ Вид тихого, торжественного неба навел князя Андрея на мысль о тщете и обманчивости всего земного, вселил в его душу чувство никогда не испытанного им спокойствия и счастья. Мелочно-тщеславным показался ему теперь его недавний кумир Наполеон «в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял» (I, 396). Глядя в глаза Наполеону, «князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» (I, 396). У князя Андрея не было определенного представления о Боге. Был ли это Христос, которому молилась его сестра княжна Марья, или какая-то непостижимая сила – «великое все или ничего», – он не знал. Он ощущал только ничтожество всего понятного ему и величие чего-то непонятного, но самого важного.

Мысли раненого князя, как замечает Толстой, были вызваны ослаблением сил, страданиями и ожиданием близкой смерти. В таком состоянии вполне возможны отчужденность от земной жизни и обращение к вечному и непостижимому. Тем не менее величественный и строгий образ мыслей, прочно соединивший князя Андрея с высоким небом, свидетельствует о его склонности к отвлеченному мышлению и о способности поступиться конкретным земным ради абстрактного небесного. Раненый князь Андрей еще не приобрел полного безразличия к земной жизни и людям, но люди интересуют его только потому, что они могут подобрать его и вернуть к жизни. А жизнь теперь кажется ему прекрасной в свете открывшегося понимания ее как тихого семейного счастья, которым он пренебрег, уйдя на войну в поисках славы. Сама по себе мысль об устройстве индивидуального семейного счастья не должна восприниматься как разрыв с жизнью. Дело, однако, в том, что мысли о тихом счастье были навеяны князю Андрею высоким и спокойным небом. А небо с синеющей бесконечностью символизирует отвлеченно-возвышенный полет мыслей, уносящий князя от полнокровной земной жизни. И от неба, и от мыслей князя Андрея веет холодком.

Весной 1807 года происходит знаменательная встреча князя Андрея с Пьером. К этому времени умерла в родах жена князя. Потрясенный внезапно и бессмысленно смертью жены, перед которой он

---

¹ Здесь и в дальнейшем римская цифра обозначает том «Войны и мира», а арабская – страницу. Ссылки даются по: Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», М., Худ. лит., 1960-65. «Война и мир» занимает в этом издании тома IV-VII.

считал себя виноватым, князь Андрей находится в крайне удрученном состоянии. Постаревший, с потухшим, мертвым взглядом, он живет обособленно, для самого себя (II, 122, 125). До встречи с князем Андреем Пьер тоже прошел через серьезные испытания: разлад с изменявшей ему женой, дуэль с Долоховым, мучительные поиски смысла жизни, страх смерти, отвращение ко всему окружающему, неверие в Бога (II, 75, 76, 79). Однако в отличие от князя Андрея Пьер не замыкался в своей личной жизни, а искал выхода в общении с людьми. Вера в возможность братства людей побудила его вступить в масонскую ложу. Показательно, что будучи масоном, Пьер легко выполнял те требования братства, которые имели непосредственное отношение к повседневной жизни: любовь к ближнему и щедрость (II, 118). Привязанность к земному и избыток жизненных сил сказались и в том, что при приеме в братство Пьер не мог вспомнить органически неприсущую ему седьмую добродетель масонства – любовь к смерти, а став масоном, не был в состоянии справиться со своей главной слабостью – влечением к женщинам. При встрече с князем Андреем Пьер находился под сильным влиянием масонства. Он полагал, что вне масонской ложи все исполнено лжи, и его рассуждения о Боге и человеке имели несколько отвлеченный и теоретический характер. Все же своими горячими речами о существовании Бога, будущей жизни, о необходимости любить, делать добро и верить в человеческое счастье он достиг того, что со дня их встречи в князе Андрее началась новая внутренняя жизнь (II, 133).

О том, как протекала эта внутренняя жизнь, в романе ничего не говорится. Очевидно, она не породила в князе Андрее твердую веру в жизнь, любовь и счастье, потому что весной 1809 года, при виде старого дуба, он пришел к мрачному заключению о бесперспективности своей дальнейшей жизни. Ничего нового начинать в своей жизни он не думал, а хотел только дожить ее как можно спокойнее, «не делая зла, не тревожась и ничего не желая» (II, 173). Однако в ту же весну душевное состояние князя радикально изменилось. Причиной возрождения было возникновение любви к Наташе Ростово-вой, «богине жизни и счастья», как называет ее Вересаев.¹ Князь Андрей испытывает чувство радости и обновления, силы и молодости. Он признает правоту Пьера, говорившего ему два года назад о необходимости веры в возможность счастья (II, 176, 236). В нем зарождается желание связать свою жизнь с жизнью других людей, внутри него совершается какая-то тайная нелогичная работа (II, 177, 178). Состояние влюбленного в Наташу князя Андрея знаменует высшую

---

1 В. Вересаев, «Живая жизнь», Издание третье, М., Книгоиздательство писателей в Москве, 1922, стр. 174.

точку в проявлении им земной любви, в привязанности к живой жизни, в раскрытии поэтических качеств его души. При всем этом в князе Андрее не заложена та высшая способность к земной любви, которой обладает «богиня жизни и счастья», и он не может себе представить силу и требования такой любви. Не в состоянии предвидеть последствий своего шага, князь Андрей принимает предложение отца отсрочить на год свадьбу с Наташей, чтобы проверить крепость ее любви. Он смотрит с недоумением на свою невесту, когда в ответ на его решение уехать на год за границу она зарыдала и заявила, что отсрочка ужасна и немыслима. Только тон последних перед разлукой слов Наташи «Не уезжайте!» заставил его задуматься над правильностью своего решения, но у него не хватило ни чувства, ни чутья, чтобы отменить его.

В противоположность князю Андрею Пьер сознавал потенциал любви в Наташе и ее неотложную потребность любить и быть любимой. «Милый друг, я вас прошу, вы не умствуйте, не сомневайтесь, женитесь, женитесь и женитесь... И я уверен, что счастливее вас не будет человека», – сказал он князю Андрею, сомневавшемуся в том, любит ли его Наташа и не стар ли он для нее (II, 246). Именно потому, что Пьер понимал потребность Наташи любить, ему представлялось естественным ее увлечение Анатолом в отсутствие князя Андрея, тогда как князь Андрей отказался простить ее. Более того, Пьер считал за счастье открыться ей в любви, не рассчитывая ни на взаимность, ни на возможность женитьбы. Любовь к Наташе спасла Пьера от мрачных мыслей о ничтожности человека перед вечностью, которые появились у него вследствие разочарования в братьях-масонах и нелепого пожалования его в камергеры. Второй том заканчивается изображением счастливого Пьера, смотрящего на ночное небо. Только глядя на небо, он «не чувствовал оскорбительной низости всего земного в сравнении с высотой, на которой находилась его душа». И комета 1812-го года, предвещавшая, по мнению многих, ужасы и конец света, была для Пьера звездой, которая «вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе» (II, 414). Напрашивается сопоставление конца второго тома с заключительными главами и страницами первого, рисующими князя Андрея и его небо. Несмотря на разницу между состоянием тяжело раненного князя и здорового, счастливого Пьера, нельзя не отметить ряд существенных художественных деталей, подчеркивающих контраст между душевным складом двух героев. Звездное небо Пьера находится в непосредственной близости к земле, над крышами и улицами, тогда как небо князя Андрея уходит в высоту и бесконечность. Все кажется обманом князю Андрею, кроме бесконечного неба. Пьер тоже находит все бедным и жалким, но не в сравнении с небом,

а с чувством умиления и любви, наполнившим его сердце. Небо князя Андрея и его высокие чувства абстрактны и отделены от земли. Пьер отличает одну звезду, самую близкую к земле, и эта звезда в его представлении гармонирует с его возвышенными чувствами, вызванными земной любовью к определенному человеку.

Тема привязанности к земной жизни получает дальнейшее развитие в третьем томе, где оба героя поставлены лицом к лицу со смертью в Бородинском сражении. В двух шагах от князя Андрея падает граната. Адъютант князя ложится на землю, лошадь с седоком, «не спрашивая того, хорошо или дурно было высказывать страх», бросается в сторону. Инстинкт сохранения жизни у животного проявляется сильнее, чем у князя, который в нерешительности стоит перед готовой взорваться гранатой. В этот момент он испытывает страстное желание жить, но сильнее инстинкта жизни оказывается понятие о чести. Обнаруживать страх дурно. Князь Андрей начинает стыдить адъютанта и падает пораженный осколками разорвавшейся гранаты (III, 287). Это походит больше на самоубийство, чем на неизбежное ранение в бою. Пьер, проявивший большое мужество в одном из самых опасных мест сражения, все-таки не выдержал, когда вблизи него разорвался снаряд, и, «не помня себя от страха, вскочил и побежал назад на батарею, как на единственное убежище от всех ужасов, окружавших его» (III, 268). Не верится, чтобы князь Андрей поступил таким образом. И важно здесь не столько героическое преодоление страха, сколько инстинктивная привязанность к жизни.

На перевязочном пункте князь Андрей вспомнил Наташу. Любовь и нежность к ней проснулись в нем с небывалой силой. Вспомнив одновременно об отношениях Наташи с Анатолом, он проникся восторженной жалостью и любовью к этому человеку, которому только-что отняли ногу на соседнем столе. Князю Андрею открылась любовь ко всем: к друзьям и врагам, к любящим и ненавидящим его. Эту любовь он ассоциировал с той, которую проповедовал Бог на земле и которой его учила княжна Марья. Назвав эту любовь божеской, он поставил ее выше человеческой. Только божеской любовью, думал он, можно ему любить своих врагов, и божеская любовь не может измениться или перейти в ненависть, как человеческая. Никакая сила, даже смерть, не может разрушить божескую любовь, и князь Андрей перестал бояться смерти (III, 432; IV, 71). Чем больше проникался он вечной, неизменной любовью, тем слабее становилась его привязанность к земной жизни. Иначе не могло быть, ибо, по мнению Толстого, «всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью» (IV, 71-72). Но как раз этой чистой божеской любовью хотелось князю Андрею больше всего любить Наташу (III, 433).

Однако неожиданная встреча с Наташей вновь возбудила в князе Андрее земную любовь к ней и ревность к Анатолю. Он уже не мог любить Анатоля безлично-божеской любовью, а мучился вопросом, жив ли его бывший соперник. Наташа привязывала его к жизни. К нему вернулось чувство ужаса перед смертью и неведомым. В нем происходила борьба между жизнью и смертью. Жизнь его зависела от силы земной любви к Наташе, а эта сила должна была быть, очевидно, беспредельной. Князь Андрей любил Наташу больше всего в мире, но любовь его была не беспредельна. Будь она беспредельна, он не сказал бы Наташе: «Я слишком люблю вас» (IV, 73). Для «богини жизни и счастья» слова «слишком» в сочетании с «любить» не существовало: любовь для нее – неизмерима. На ее вопрос: «Отчего же слишком?» – князь Андрей прямо не ответил, но спросил, думает ли она, что он выживет. Было ясно, что князя Андрея мучил вопрос, зачем ему было суждено так сильно полюбить Наташу, если он должен был вскоре умереть. Вполне естественный вопрос для человека, которому угрожает смерть, но такие сомнения подрывают волю к жизни. Наташа, разумеется, не замедлила заверить князя Андрея в выздоровлении и ради его спокойствия посоветовала ему заснуть.

Направление мыслей засыпающего князя предопределило исход его борьбы со смертью. Засыпая, он думал о смерти больше, чем о жизни, и чувствовал себя ближе к ней. Определенная, земная любовь уступала место отвлеченной и вечной: «Любовь? Что такое любовь? – думал он. – Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существует только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть – значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику» (IV, 74). Начальные мысли о земной, мешающей смерти любви отошли на задний план перед отождествлением вечной любви с Богом и перед взглядом на смерть как на единственный путь к изначальному источнику любви. Чтобы у читателя не было никаких сомнений в умозрительном характере заключений князя Андрея, Толстой нашел необходимым прокомментировать вышеприведенную цитату следующими словами: «Мысли эти показались ему утешительны. Но это были только мысли. Чего-то недоставало в них, что-то было односторонне-личное, умственное – не было очевидности. И было то же беспокойство и неясность» (IV, 74). Недоставало инстинкта, высшего, по Толстому, способа познания жизни и Бога. Неясность и беспокойство еще оставались, ибо не был полностью преодолен страх смерти. Этот страх охватил князя Андрея, когда он заснул и ему приснилась смерть, давившая на дверь, которую он был не в силах удержать. Смерть вошла, и он умер.

«Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся. «Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!» – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» (IV, 75).

Такое состояние означало окончательную победу смерти, но он перестал бояться ее. Смерть для него стала воскресением, возвращением к общему и вечному источнику любви. Его Бог – вечная любовь – открылся полностью через смерть. «С этого дня, – говорит автор, – началось для князя Андрея вместе с пробуждением от сна – пробуждение от жизни» (IV, 76). Земная жизнь, таким образом, стала равнозначной сну, смерть – вечной жизни. Последние дни жизни князя Андрея прошли под знаком полного отчуждения от всего живого и безразличия ко всем людям, включая самых близких. Это тотальное безразличие и прежняя отвлеченная любовь ко всем людям были, по существу, двумя сторонами одной монеты. Безразличие и любовь такого рода одинаково оторваны от земной жизни. Они не видят никакой разницы между отдельными людьми. Такой уравнилельный подход немислим для человека, имеющего хотя бы минимальную привязанность к земной жизни и не лишенного обычных человеческих чувств. Даже графиня Марья, которая старалась любить всех ближних, как любил человечество Христос, не могла любить своего племянника так, как она любила своих детей. А ведь по своему душевному складу она была ближе всех к князю Андрею. Ее душа тоже «всегда стремилась к бесконечному, вечному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна» (IV, 325).

Если князь Андрей шел к Богу и преодолевал страх смерти через отчуждение от людей, то Пьер не мог идти к тем же целям без самого тесного общения с людьми. Сближение Пьера с солдатами во время и после Бородинского сражения и его восхищение их спокойствием и твердостью перед лицом смерти пробудили в нем желание войти в их общую жизнь, стать таким же, как они (III, 329). Простой народ в лице Платона Каратаева стал для Пьера воплощением духа простоты, правды и общности, примером безропотного принятия страданий. Живя и страдая с солдатами в плену, Пьер «узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а

от излишка» (IV, 175).¹ Характерно, что к оптимистическому восприятию жизни привели Пьера не размышления, а заложенная в нем от рождения сущность, отличная от природы князя Андрея. В том же плену Пьер составил свое определение Бога: «Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий» (IV, 181). Любопытно, что эти мысли были высказаны в полусне, как и определение Бога, данное князем Андреем. Кроме того, дальнейшее развитие мыслей Пьера, как и мыслей князя Андрея о Боге, происходило во сне. Аналогичные обстоятельства понадобились Толстому, очевидно, для того, чтобы оттенить диаметрально противоположность взглядов его героев. Сон Андрея был сном о смерти. Сон Пьера – о жизни. Пьеру приснился глобус, поверхность которого состояла из множества перемещающихся капель. В середине шара находился Бог, каждая капля старалась расшириться и отразить Его как можно полнее. Капли росли, сливались, разъединялись, уходили в глубь шара и вновь всплывали. Сон иллюстрирует мысли Пьера о том, что «жизнь есть Бог», что она вечна в своем непрерывном движении, что в постоянном общении друг с другом люди составляют единую огромную семью.

В плену Пьер приобрел способность ощущать Бога во всех проявлениях земной жизни. Способность эта далась ему «не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством» (IV, 234). Вечный, бесконечный и непостижимый Бог является Пьеру не в отвлеченных мыслях, как князю Андрею, а в окружающей его жизни, в живых личностях. В Платоне Каратаеве Пьер ощущает более великого и непостижимого Бога, чем в масонском Архитектоне вселенной. Если в своей всеобщей, не разбирающейся любви князь Андрей не искал никаких причин, чтобы любить определенного человека, то Пьер, «беспричинно любя людей, находил несомненные причины, за которые стоило любить их» (IV, 261).

Определение князя Андрея «Любовь ест Бог» приобрело бы совершенно иное значение, если бы первое слово в нем означало такую любовь, какую Пьер испытывает к жизни и людям. Оба вынесенные в эпиграф определения стали бы тогда равнозначны, и первое слово

---

¹ Мысль о том, что счастье зависит не от внешних благ, а от отношения людей к жизни, высказывается также героями Солженицына Нержиным и Костоготовым. См. «В круге первом», New York and Evanston, Harper & Row, 1968, стр. 33-34 и «Раковый корпус», Второе изд., Paris, YMCA-Press, 1970, стр. 231-232.

одного можно было бы заменить первым словом другого. Но определения принадлежат людям разного духовного склада, и смысл их различен. Толстому было ближе мироощущение Пьера. Это родство, однако, не помешало ему обогатить человековедение беспристрастным раскрытием двух ищущих душ и создать два бессмертных художественных образа.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

V. Krupitsch*

При сопоставлении этих деятелей русской литературы и мысли необходимо иметь в виду несколько очень важных моментов, на которые мы укажем уже в самом начале нашей заметки. Это, во-первых, то, что Григорьев знал лишь первые произведения раннего, начального периода Толстого, которые-особенно «догматические повести-считались «слабыми» и «недоработанными». Как известно, даже сам Толстой усумнился в значении «Люцерна», «Альберта» особенно же «Семейного счастья». Во-вторых, внешние биографии современников сложились так, что их прямые творческие связи нарушались, что, естественно, отражалось на успехе не только произведений писателя, но также и мыслей критика о нем. Ведь в течение общего десятилетнего периода знакомства Толстого с Григорьевым-сначала литературного, а затем и личного-писатель очень мало жил в «центре» – Москве и Петербурге, совершил два раза заграничное путешествие; с другой стороны – Григорьев также более года был за границей, а затем и на самой восточной окраине России, где и писалась его статья о том же Толстом. Таким образом, внешние обстоятельства не только осложняли творческое общение двух деятелей, но несомненно затрудняли нужную критическую реакцию Григорьева, которая, по тем же внешним причинам, несколько запаздывала, что отражалось на понимании читателем произведений Толстого, особенно его «догматических» повестей.

Верно замечает А.Л. Толстая о том, что писатель, сомневаясь в своих творческих способностях, пережил тогда такое настроение «...потому что не было человека, который в момент выхода повести (– «Семейное счастье» - В.К. –) поддержал бы его своим пониманием».¹ Хотя с некоторым запозданием такое понимание пришло со стороны Григорьева, который – при первой же возможности – посвятил замалчиваемому тогда Толстому глубокое фундаментальное исследование.

---

* Victor Krupitsch. Professor, Villanova University.

1 А.Л. Толстая, Отец, т. 1, Нью-Йорк, стр. 170.

Эту свою работу критик писал вдали от источников и пособий (в Оренбурге) и в чрезвычайно трудных и сложных условиях. Появилась она, однако, вбó-ремя, – что несомненно помогло удержать Толстого в литературе и осмыслить всю новизну и направление деятельности оригинального писателя.

В этой связи следует напомнить, что своему другу и соратнику Достоевскому Григорьев, кроме отдельных метких замечаний, не оставил более законченной работы, подобной хотя бы той же статье критика о Толстом. Можно думать, что то «новое слово», которое вносил Толстой в литературу того сложного и в общем «нелитературного» времени было гораздо ближе Григорьеву, чем позиция Достоевского тех же лет. Показательно и то, что лучшим критиком в следующем поколении станет также представитель «пушкинской школы», последователь и ученик Григорьева – Н.Н. Страхов. При всей эрудиции и широте познаний в вопросах суждений о литературе Страхов постоянно следовал своему предшественнику, тому же Григорьеву, – о чем, несомненно, знал и сам Толстой – автор уже прославленных романов. Таким образом, духовные связи Толстого и Григорьева, преодолевая все препятствия обстоятельств и времени, оставались действенными – что только указывает на особенный характер исходных установок двух незаурядных современников.

Григорьев, как старший современник Толстого и уже сложившийся критик, с самого начала появления Толстого в литературе внимательно следил за произведениями нового, по его словам, «даровитого писателя». По отношению к молодому Толстому критик занимает явно благожелательную позицию, радуясь новизне, оригинальности, и главным образом направленности и качеству самой мысли Толстого в ее отношении к самому важному и второстепенному, универсальному и локально-национальному. И не внешние данные явного таланта, не «диалектика души» привлекает внимание критика. В Толстом он видит и, главным образом, чувствует, большую потенциальную силу, новые идеи, новых здоровых людей, связанных с главной темой писателя. Отстояв от нападок и ложной интерпретации и другого своего современника Островского, Григорьев еще смелее и увереннее борется за Толстого, при этом как раз в те дни, когда журналистика почти полностью игнорировала писателя, за уже упомянутые повести, в которых Толстой пытается решить важные творческие проблемы, непопулярные и недоступные для большинства тогдашних читателей и даже литераторов. Именно в этих работах увидел Григорьев начало нового периода писателя. Так о замалчиваемых критикой «догматическох» рассказах Григорьев отзывается с явной симпатией и негодует за то, что «...Толстой со стороны многих близоруких судей

подвергается упрекам за свои последние произведения, за «Люцерн» и за «Альберта».¹ Повторяем, что, защищая Толстого, критик касается не только трудных и непопулярных проблем творчества, но и делает это в чрезвычайно трудное у неблагоприятное время. Именно этими обстоятельствами объясняется направление, «обзорность», необходимые отступления в статье Григорьева о Толстом. В критике и тогдашней русской мысли создалось такое положение, при котором требовалась терпеливая, разъяснительная работа, – что и делает в своих статьях Григорьев о Толстом, стараясь как можно полнее и глубже очертить творческую личность писателя в прямой связи с предшествующим и современным ему положением русской литературы. Григорьев доказывает «диалектическую законность», неизбежность этого писателя со своими же неизбежными темами и характерами. Основная же идея статей Григорьева – связать и поставить Толстого на ту «законную» пушкинскую линию русской литературы, которая отличается от линии гоголевской, нехарактерной и даже чуждой духовным качествам русского характера. Все «население» русской литературы, рожденное «натуральной школой» Гоголя и его последователями, состояло из Чичиковых, Башмачкиных, Антонов Горемык, Макаров Девушкиных. Сами по себе эти типы вызывали симпатию и жалость в читателе, но они никуда не вели, не символизировали будущего; из «пошлости пошлого человека» не могла возникнуть высокая свободная идея, это типы прошлого, явно несовершенного устройства жизни. И Григорьев ожидает от Толстого новых, свежих характеров в их творческой и житейской связи с природой и историей.

Толстой-аналитик, следствие «отрицательного» процесса, по Григорьеву, заканчивал полосу анализа, имея потенциальные возможности найти творческий синтез, уход от ложных основ и методов восприятия действительности. Главное свойство писателя – анализ – критик связывает именно с его стремлением добраться до настоящего, действительного и даже первичного во всем сложном многообразии жизни и мышления. Критик настаивает, что новаторство Толстого не только в правдивости, живости и даже не в глубине психологии, – оно в природе, направлении и цели анализа, заключающейся в разоблачении всех фальшивых напластований в жизни и в душе человека. Толстой, по словам Григорьева, отличается «...неумолимой враждой ко всякой фальши, как бы она тонко ни была развита и в чем бы она ни встретилась... Он первый посмел говорить вслух, печатно о таких душевных дрязгах, о которых до него все молчали...».² При этом

---

1 А. Григорьев, Сочинения, т. 1, изд. Н.Н. Страхова, СПб, 1876, стр. 348-349.

2 Аполлон Григорьев, Собрание сочинений, под. ред. В.Ф. Саводника, вып. 12-й М., 1916, стр. 5 (Далее: Григорьев).

критик подчеркивает, что в особой любви к правде и к жизни, к постановке моральных проблем едва ли подобное найдется в каком-либо «...другом писателе, даже из писателей чужеземных.¹ Нет надобности напоминать об этом сбывшемся предсказании критика. Затронуть самое главное в «маленьком» и повседневном течении жизни, обнаружить здравый смысл в простом общении людей-вот цель произведений молодого Толстого. Это было какой-то самоочевидностью времени, но оно было тогда главным. Характерно, что и Ф. Достоевский высказывает сходную мысль-о необходимости обрести тот же «здравый смысл». В письме к Страхову он настаивает: «Всякий, всякий должен теперь делать и, главное, попасть на здравый смысл. Слишком у нас перепутались понятия. Недоумение наступило какое-то».² Пишется это уже после того, как Толстой-писатель и Григорьев-критик несколько лет боролись за тот же «здравый смысл» в проведении и истолковании явлений литературы.

Наша тема связана с завершающим временем первого периода Толстого, с первым по существу серьезным кризисом писателя. О раннем Толстом писали многие, особенно покойный Б. Эйхенбаум. И хотя в своих переработанных и исправленных поздних публикациях ученый делал иные, чем раньше, оценочные акценты, он несомненно способствовал тому, что Толстой именно этого проблемного времени нашел дальнейшее продолжение изучения. И даже в советских исследованиях творчеству писателя этого периода проявляется больше интереса и внимания. Восстанавливается, таким образом, те положения Григорьева, которые он высказал в своей статье и которые обычно также замалчиваются. Наша заметка приводит главные положения статьи Григорьева не в плане каких-либо «открытий», но просто как указание на историческое значение суждений Григорьева в сравнении последующего пути Толстого и более поздних мнений о нем.

Работа Григорьева о Толстом озаглавлена общим названием «Гр. Толстой и его сочинения...»³ с характерным и явно полемическим подзаголовком – «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой». Эта публикация печатается в новом и боевом по духу журнале «Время» Достоевских. Именно здесь, через своих единомышленников-Страхова и самого Достоевского-пытался ознакомить Григорьев читателей с личностью замалчиваемого тогда автора и с

---

1 Григорьев, стр. 6.

2 Ф.М. Достоевский, Письма, т. 1, М-Л, 1928, стр. 309.

3 Гр.Л. Толстой и его сочинения. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Статья первая – стр. 1-36, Статья вторая стр. 36-64. Впервые в журнале «Время» (№1 и № 9) 1962; Статья вторая вошла в сборник: Аполлон Григорьев, Лит. критика, изд. Худ, лит, М. 1967.

его особым отношением к действительности и человеку. Статья первая посвящается критиком причинам непонимания Толстого, – но в широком, историческом плане, чтобы новый читатель, на которого хотелось подействовать Григорьеву, сумел понять и увидеть всю глубину и трагедию, связанную с непониманием идей даровитого автора.

Как и обычно делал Григорьев, на этот раз он также начал с обширного введения, целью которого было доказать ложность суждений, основанных на ложных же предпосылках, укоренившихся в критическом сознании по разным историческим и общественным причинам развития России, особенно после эпохи реформ. Главный смысл пространных рассуждений Григорьева в этой первой статье о Толстом заключается в том, что, он, как явление совершенно новое, необычное, не вмещается ни в одну из современных ему теорий и школ. Толстой исходил из жизни, а не из ложной и обычно заимствованной мысли, в литературу он вводил здоровых, реальных и правдивых людей, взятых из реальной же и подлинной жизни. Все это не только опрокидывало предвзятые теории западников, славянофилов, утилитаристов, защитников «чистого искусства», но и ставило творческую мысль впереди мысли критической, абстрактной и, как думал Григорьев, чисто «головной». С непониманием Толстого критик связывает и ложное понимание Пушкина, подтянутого к сухим доктринам у одних и отрицаемого на основе теорий же у других. А ведь Пушкин для Григорьева был связан не только с началом русской литературы, но и – главным образом – независимой духовной культуры. При этом критику приходится доказывать разницу между внешней цивилизацией и подлинной культурой, почти неизбежные их противоречия. Многие «теоретики», по его мнению, ратовали как-раз за цивилизацию, умаляя национальную духовную культуру. По схеме Григорьева, Пушкин в своем Белкине представляет начало национального сознания, вернее, духа и суждения, образовавшихся в результате критического усвоения чужого и отталкивания от него в пользу «своего» национального и органического.

Но этот тип «смирного» народного начала представляет лишь одну важную веху в развитии национального сознания; для полного успеха Белкин должен быть творческим, динамичным, чтобы не сделаться моральным мещанином. Подчеркивая главное-творческий и динамический характер созидательного духа – Григорьев отмечает: «Мы были бы народ весьма не щедро наделенный, если бы героями нашими были пушкинский Белкин, лермонтовский Максим Максимович и даже честный кавказский капитан в «Рубке леса» Толстого».¹ Таким образом, Толстой для Григорьева восстанавливал утраченную традицию

---

¹ Григорьев, стр. 46.

«смирного» типа и саму идею общности людей различных классов и сословий, но единых своей главной основой человеческого духа. Типы реальных крестьян, Альберт, Валенчук, Хлопов, сознавая всю нелепость действительности, тихо и спокойно «работают» над ее исправлением. В этом отношении, но в плане новаторских попыток принимает Григорьев и «Семейное счастье» – произведение, в котором он находит некоторые новые моменты и удачи.

Отметив простоту, отсутствие всякой эффектности «...этого тихого глубокого... и высоко поэтического произведения», Ап. Григорьев в «Семейном счастье» находит новое в том, что здесь меньше анализа, что, утомленный работой анализа, Толстой по натуре художник, «...решил хоть раз успокоиться в разрешении... задачи менее широкой...», в этом же произведении критик отмечает новую идею-перехода «...чувства страсти в иное чувство».¹ Можно предположить, что Григорьев почувствовал здесь продолжение тургеневских достижений на пути к восстановлению прерванной традиции пушкинского семейного романа. Во всяком случае, снова ставя Пушкина-художника во всей второй статье за исходную точку своих рассуждений о Толстом, Григорьев с удовольствием цитирует пушкинские строки:.... А просто вам перескажу Преданья русского семейства.² «Малое», незначительное в жизни появится позже уже на исторический план и свяжется с «большим» историческими проблемами и событиями. В этой же второй статье, озаглавленной кстати «Литературная деятельность графа Л. Толстого», кроме уже отмеченных положений, есть и другие важные моменты, связываемые критиком с Толстым – о сходствах и отличиях писателя от ведущих его современников и опять-таки – при общем сопоставлении с Пушкиным.

Установив в пушкинском Белкине начало национального сознания, выросшего, так сказать, «биологически» из природных, стихийных данных, Григорьев считает, что восприимчивая и отзывчивая русская душа, кроме своих отрицательных качеств, усвоила и другие «чужие» стороны зла, что особенно выразилось в двух тенденциях пушкинских героев – «хищных», связываемых с усвоением ложных основ, и «смирных», своих, выразившихся тем же «белкинским началом». Григорьев в этой связи считает, что Толстой как раз и касается фальшивых «приподнятых» чувств «души человеческой», чужих «...идеалов силы, страсти, энергии». Критик при этом не впадает в узкий национализм, как обычно неверно судят о Григорьеве. «В русской натуре, – пишет он, – вообще заключается едва ли не одинаковое

---

1 Там же, стр. 64.

2 Григорьев, стр. 47.

едва ли не равномерное богатство сил, как положительных, так и отрицательных».¹ Не изолирует он и культурного процесса России от остального человечества, особенно же от Европы, но и эти связи через национальное с европейским установлены тем же Пушкиным, его творческим гением. Критик в этой связи подчеркивает, что Пушкин-это наше право на Европу и на нашу европейскую национальность, а вместе с тем и право на нашу самобытную особенность в кругу других европейских национальностей, – не на фантастическую и изолированную особенность, а на ту, какую Бог дал, какая сложилась из напора реформы и отсадков коренного быта».² В наше время подобные заявления являются самоочевидными и бесспорными истинами, – но для времени Григорьева они были не всегда ясными даже для ведущих деятелей эпохи. Вот почему такое огромное явление как Толстой-даже первого периода – ставится критиком на большие дороги эпохи, связывается с проблемами личности, общества, истории. И сам того не осознавая – заключает о Григорьеве известный литературовед, – как бы предсказывает поворот Толстого к «Войне и миру».³

Что же касается отличий, особенностей Толстого, его прямой связи прозаиками времени-Тургеневым, Гончаровым, Писемским, – то Григорьев и здесь высказывает несколько оригинальных мыслей. По его мнению, Толстой, принадлежа к общей линии прозы, продолжая разрабатывает проблемы эпохи, шире и глубже Тургенева, который, по мнению критика, иногда кадит «...нашим фальшивым сторонам...» с другой стороны, анализ Толстого ... правее, чем анализ Гончарова, ибо казнит во имя глубокой любви к правде и искренности ощущений, а не во имя узкой бюрократической практичности; правее и анализа Писемского, ибо он знает глубоко ... современного человека...»⁴ Однако, отметив положительные достоинства, даже в их будущей, потенциальной силе, Григорьев указывает и на недостатки, на возможные опасности писателя.

Сам по себе анализ, как путь к правде и «корню вещей» Григорьев находит новым положительным приемом писателя. Однако критик предупреждает от опасности анализа «во имя самого же анализа», который «... обращается в какой-то бессодержательный... приводящий к скептицизму, к подрыву всяких душевных чувств». Последнее, по словам критика приводит к тому, что смерть дерева представляется выше человеческой смерти. «Ведь отсюда один шаг к нигилизму»,⁵ –

---

1 Григорьев, стр. 54.

2 Там же, стр. 32.

3 Аполлон Григорьев, Лит. критика, Худ. лит., М. 1967, стр. 37.

4 Там же, стр. 53.

5 Там же, стр. 52.

замечает Аполлон Григорьев. В толстовских сочинениях всего первого периода Григорьев улавливает признаки и результаты оторванности среды писателя от общих народных основ. Заканчивая же свою в общем благожелательную и явно положительную статью, перенасыщенную серьезными идеями и проблемами, Григорьев заключает, что в его задачу входило «...по возможности определить смысл явления столь замечательного, как Толстой». Еще раз напоминаем, что Григорьев говорит здесь не об «Анне Карениной», «Войне и мире», но о произведениях кризисных и переходных лет писателя, обычно игнорируемых в исследовательской литературе о Толстом.

Считаем нужным напомнить читателю и еще одно немаловажное замечание Григорьева об одном, едином и последовательном Толстом, вопреки иному прямо противоположному мнению. Григорьев считает уже названные произведения писателя последовательным продолжением, органическим последствием «того же самого психического процесса, который раскрывается в предшествующих произведениях, – завершение анализа...» Характерно, что известный ученый литературовед С.А. Венгеров, также отвергал тезис о «двух Толстых», отмечая, что «...пристальное изучение... твердо установило, что нет «нового» Толстого, что на всем протяжении его деятельности проходит одна и та же красная нить – искание смысла жизни, правды».¹ Уже упомянутый Эйхенбаум также считает, что все написанное «между 1852 и 1862 годами, можно рассматривать как подготовительную обработку отдельных тем и приемов – как наброски к будущим большим вещам».² В этой же связи – повторения идей Григорьева литературоведами – можно назвать имя и следующего ученого, А. Скафтымова, который занимался важной и в сущности прерванной проблемой – о нравственных исканиях русских писателей.

Развивая далее положения Григорьева об анализе и вражде к фальши Толстого, Скафтымов пишет, что «постоянная забота Толстого протиснуться в человеке сквозь что-то и куда-то, снять какой-то заслоняющий пласт, и там, за какими-то оболочками, заслонами, текучих, случайных и верхних наслоений увидеть то, что ему нужно... корни человеческих поступков». В человеческом же поведении, по мысли Скафтымова, Толстой, взвешивая стремления, порывы... старается выделить первичные, непосредственно исходящие от натуральных, искренних влечений, и вторичное, побочное, явившееся результатом социальной и бытовой инерции, автоматизма, умственной и духовной лености и слепоты.³ Едва ли следует напоминать читателю, что все

---

1 С.А. Венгеров, Очерки по истории русской литературы, СПб, 1907, стр. 84.

2 Б. Эйхенбаум, Литература: теория, критика, полемика, Прибой, Л., 1927, стр. 37.

3 А. Скафтымов, Нравственные искания русских писателей, М., 1972, стр. 141-142.

названные ученые-Венгеров, Эйхенбаум и Скафтымов-судили о полном Толстом и на материале глубоких и серьезных исследований о нем, во всяком случае были в гораздо более благоприятном положении, чем в свое время тот же Григорьев, идеи которого так или иначе получают у них своеобразный резонанс.

В этой связи нельзя не отметить того печального факта русского литературоведения, о котором нам уже приходилось говорить – об отсутствии обобщающей, синтетической работы об Аполлоне Григорьеве. Незученность творческих отношений этого даровитого критика, поставленного в самый центр духовной и литературной жизни 40-х, 50-х и начала 60-х годов, постоянно затрудняет понимание общего развития литературной мысли в России. Тема «Лев Толстой и Аполлон Григорьев» – одна из этой широкой важной и еще неисследованной области. Само собою разумеется, что здесь она ставится лишь в некоторых общих положениях и не претендует на полный охват всех сложных и противоречивых моментов той бурной и богатой идеями поры.

Принадлежа к одной и большой этой эпохе, Толстой и Ап. Григорьев прошли в ней общий для них примерно десятилетний период (1852-1862); за несколько лет до смерти Григорьева (1864) Толстой как бы отошел от литературы, переживая разочарования, которые Григорьев называл «апатией», не веря, однако, что то был конец писателя, утверждая, что «...никто из верующих в силу таланта вообще и понявших силу таланта Толстого даже и не сомневается».¹ Как бы там ни было, но еще до кризиса, к концу 50-х годов у Толстого и Григорьева были свои особенные, во многом сходные, а иногда и одинаковые литературные позиции, мнения и даже выводы.

Прежде всего Толстой и Григорьев оказались в одной большой группе после раскола, внесенного Чернышевским. Как известно, многие писатели и критики ведущего западнического журнала «Современник» – в их числе был и Толстой – вышли из него по причине тех вопросов искусства, которые были как раз общими для писателя и критика. Замечательно в этой связи напомнить, что Л. Толстой был на стороне тех литераторов, которые пытались содействовать приглашению А. Григорьева в качестве главного критика – факт знаменательный и обычно замалчиваемый: критик – «славянофил», как тогда часто считали Аполлона Григорьева, приглашался в отдел враждебного ему органа, чтобы вытеснить «бездарного Чернышевского». И хотя из-за принципиальности убеждений это приглашение не осуществилось, Григорьев был признан несомненным авторитетным критиком,

---

¹ Григорьев, стр. 40.

– что, несомненно, разделял и Толстой, который начинал уже тяготиться своими советниками в литературных вопросах – Дружининым, Анненковым, Боткиным. Если же сопоставить высказывания Толстого этого времени по основным вопросам – искусства, морали и политики – с мнениями Ап. Григорьева по тем же вопросам, то получится целый ряд сходных, аналогичных а иногда просто одинаковых общих установок, которые можно свести к следующим главным положениям:

- примат моральных и нравственных идей в жизни человека, обществе и истории;
- ведущая и организующая роль искусства в совершенствовании человеческих отношений;
- резкое осуждение ложных материалистических основ европейской цивилизации;
- защита идеи единства народа и признание особой роли «смирного» типа;
- отрицание революционного преобразования общества и тем более «классовой борьбы»;
- примат мысли «сердечной» над мыслью «головной».

Эти общие положения были выработаны обоими современниками на опыте их наблюдений над русской и европейской действительностью. Для иллюстрации сходных, а иногда и одинаковых выводов здесь будут приведены мнения Толстого и Григорьева по главным для того времени вопросам, которые были в центре их внимания наблюдений над европейской действительностью. Не лишне напомнить читателю о том, что заграничная поездка писателя и критика происходила почти в одно и то же время – в 1857 году. Материал наблюдений, таким образом, является по существу одним и тем же.

Какая-то из главных идеологических проблем времени, Ап. Григорьев писал: «Старая Европа – в лице ли социалистов, в лице ли гегелистов левой стороны подняла вопрос о правах плоти... Идеалы ее изжились, испошлились во фразу, в жест, в эффект...».¹ И негодуя на подавление личности социализмом, критик замечает: «Типическое все сглаживается социализмом, – остается одно общее, как нормальное отправление...»² О результате же этого нового разрушения личности критик говорит: «Вот здесь на Западе, что ни человек, то и специалист – оттого-то здесь представляются мне... маленькими муравьями, ползающими с мелочной работою по великим, громадным памятникам прошедшей жизни».³ И критик возвращается снова к самому главному – роли искусства в жизни. «Я все-таки, – пишет он из Италии, –

1 А.А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина, Пгр. 1917, стр. 196 (Далее: Материалы).

2 Материалы, стр. 187.

3 Там же, стр. 182.

остаюсь той веры, что все живое вносится в мир только искусством. Может быть эта вера в искусство и есть часть того символа, которого точнейшим определением я мучусь...¹ В общем же европейские наблюдения еще больше упрочили прежние взгляды критика «...чудесами своего великого прошедшего...», но в этом столкновении не сломилась вера «...в свое, в народное...»

После кратковременного увлечения внешними формами западной жизни Толстой, однако, замечает страшные противоречия в этой же цивилизации особенно к личности и искусству – тем же вопросам, которые занимали и Григорьева. Рассказ «Люцерн», а несколько позже и «Альберт», которые, как было уже отмечено выше, названы Григорьевым несколько «голыми... догматическими», являются, действительно, программными для писателя конца его первого периода. И Толстой замечает узор, эгоизм и ограниченность «цивилизованных европейцев», отсутствие всякой «... потребности сближения, и одинокое довольство в удобном и приятном удовлетворении своих потребностей».² Писатель находит, что именно цивилизация по-новому разрушает и закабальет личность, подводя ее под мнимое равенство слепого закона. «Да разве вся жизнь людей происходит в сфере закона. Только одна тысячная доля ее подлежит закону, остальная часть происходит вне его, в сфере нравов и воззрений общества».³ – восклицает Толстой. Стараясь защитить независимость искусства от государственного строя, писатель уже здесь высказывает главные положения своего учения, которое, как известно Ленин назвал «толстовщиной» – верой в «вечный дух», в «вечные нравственные начала». Таким образом, писатель, сам уже художник, в «Люцерне» и по существу в другом рассказе на эту же тему – в «Альберте», – ставит большую и общую проблему отношения искусства к обществу, а вместе с тем и свободы художественного творчества, – и, повторяем, в том же понимании основных моментов, что и его современник Аполлон Григорьев. Нет сомнения в том, что Толстой и Григорьев, как, впрочем, и многие другие деятели русской литературы, сделали почти одинаковые заключения об опасности европейского прогресса середины прошлого столетия.

Нам остается напомнить читателю о личных и литературных отношениях Льва Толстого и Аполлона Григорьева. Первая встреча между ними имела место в мае 1856 года в Москве в обществе известных западников-Дружинина, Панаева, Боткина. У Толстого имеется запись, которая, видимо, относится уже к следующей встрече, состоявшейся вскоре. «Дружинина первого встретил в саду, потом Ботина, вечером пришел Григорьев, и мы болтали до 12-ти весьма приятно». Для

1 Там же.

2 Л.Н. Толстой, Собрание сочинений, т. 3, М. 1958, стр. 9.

3 Там же, стр. 29.

Аполлона Григорьева это было трудное и сложное время: приглашенный в несколько ведущих журналов, он отклоняет эти предложения, заведомо обрекая себя на «нравственные и литературные скитальчества». Вопреки Чернышевскому, приказывавшему и навязывавшему свои идеи, Григорьев разяснял, убеждал, доказывал, – проводил в жизнь здоровые, объективные начала свободы мнений и взглядов. Замечательно и то, что большинство ведущих писателей, как уже было сказано, были гораздо ближе Григорьеву, чем тому же Чернышевскому, а затем и Добролюбову, которые внесли окончательный раскол в литературу и общественную мысль. Что касается личной встречи Толстого и Григорьева, то она знаменует их дальнейшее сближение по главным, кардинальным проблемам и еще то, что можно назвать взаимной симпатией и уважением друг к другу.

Вскоре после упомянутой встречи в письме к Дружинину Григорьев несколько раз упоминает имя Толстого – и всегда в положительной связи. «Но где же Толстой? Островский тоже не знает»,¹ а в следующем письме к тому же Дружинину, намереваясь написать статью о драме, критик уточняет, что «...развитие той жаркой беседы, которая была у нас с вами и Толстым...» Характерно явное сожаление Толстого, которое он записал: «...Григорьев и Островский. Я старался оскорбить их убеждения. Зачем? – не знаю».² Надо, конечно, помнить об «агрессивности» и некоторых выходках молодого Толстого, особенно же о его резких суждениях. В этой связи Ап. Григорьев представляет некоторое исключение. «Григорьев хорош»³ – записывает Толстой в дневнике за 1858 год.

Со своей стороны Ап. Григорьев в своих статьях, письмах и устных отзывах постоянно высказывал уважение к новому писателю. Ему особенно нравилась глава о юродивом в «Детстве», – о чем критик несколько раз высказывался – устно и в печати – еще до личной встречи с писателем. В письмах – к Погодину, Эдельсону, Островскому – критик считает Толстого «своим» и надеется на совместную работу в журнале. «Если вы думаете о нем, – говоря о предполагаемом журнале М.П. Погодину, – то имейте в виду, что... Островский, Толстой и Тургенев могут быть нашими»⁴ (подч. в оригинале. - В.К.) пишет Григорьев из Италии. Едва ли однако этими и другими известными в литературе записями ограничиваются прижизненные отклики литераторов друг о друге. Но и они не оставляют сомнений об общей направленности этих положительных и деловых творческих связей.

---

1 Там же, стр. 159.

2 Л.Н. Толстой, Собр. соч. том 19, М. 1965, стр. 172.

3 Там же, стр. 229.

4 Материалы, стр. 180.

В этом месте и объективности ради необходимо каснуться того вопроса, по которому Толстой расходился с Ап. Григорьевым и который мы умышленно обошли, говоря о статье Григорьева о Толстом. Расхождение это имеет место в вопросе понимания значения «смирных» и «хищных» типов русской литературы. Известно, что критик находил, что Толстой, по его мнению, «...не придает значения блестящему действительно, и страстному действительно и хищному действительно (-подч. всюду в ориг. - В.К.) типу, который и в природе, и в истории имеет свое оправдание, т.е. оправдание своей возможности и реальности».¹ Эти мнения Григорьева и имеет в виду Толстой отвечая Страхову: «...Я совсем не согласен с вами о делении людей на деятельных и пассивных и о том значении, которое вы придаете и тем и другим. Виноват, но слышу тут отголосок неудавшейся мысли Григорьева о хищных и смирных типах, которой я никогда не понимал. Самое деление неправильно. Противоположное смирному есть бунтующий или горящий, но не хищный. Главное же самая мысль неверна»,² – заключает Толстой уже многие годы после смерти критика, оставаясь, тем не менее, в рамках серьезной дискуссии. И хотя писатель даже здесь не отбрасывает полностью идею Григорьева («смирный-бунтующий или горящий» тип), все же Толстой не был бы Толстым, если бы он согласился во всем, тем более с не менее сложным и принципиальным Аполлон Григорьевым. Повторяем, для писателя, вступившего в этот период в новый кризис, такое замечание является вполне положительной и конструктивной критикой. Последнее подтверждается его же заявлениями, высказанными по разным поводам, но одинаковыми в своих главных и нужных для нас мнениях писателя.

Так, например, незадолго до упомянутого письма к Н. Страхову Л.Н. Толстой по поводу развязного тона статьи Авсеенко сокрушается: «Очень мне неприятно было прочесть статью Авсеенко о Григорьеве, в особенности потому, что знаю, как вам это умышленное, отчасти настоящее непонимание, но скрытое под видом ноты презрительно-насмешливой, – как оно вам больно».³ И, наконец, еще одно и, кажется, последнее известное замечание Толстого об Аполлоне Григорьеве в общей связи с проблемой художественной критики.

Переживая период полного отрицания роли художественной критики, признавая, что в умной критике «...все правда, но не вся правда...», Толстой в своем известном письме, высказав главные положения понимания искусства, заключает: «Так вот почему такая милая умница, как Григорьев, мало интересен для меня».⁴ Однако, сказав

1 Григорьев, стр. 53.

2 Лев Толстой об искусстве и литературе, т. 11, М. 1958, стр. 93.

3 Лев Толстой об искусстве и литературе, т. 1, М. 1958, стр. 79.

4 Лев Толстой об искусстве и литературе, т. 11, стр. 516-517.

это тому же Страхову, с которым писатель был «...в давних дружеских отношениях, располагающих к полной откровенности», Толстой здесь же оговаривается: «Правда, что если бы не было совсем критики, то тогда бы Григорьев и вы (- т.е. Страхов. - В.К.), понимающие искусство, были бы излишни». Дальнейшие рассуждения Толстого о законах «сцеплений» не опровергают того важного факта, что Страхов был лучшим истолкователем зрелых произведений Толстого. Следуя Григорьеву, Страхов отметил тот же «смирный» тип, впервые разъяснив образ Платона Каратаева и другие положительные качества русского национального характера, – опять-таки в плане григорьевских построений. Так идеи критика через Страхова еще раз подтверждали единство и общность истоков творческой философии прославленного писателя «земли русской - Л.Н. Толстого.

В заключение напомним некоторые сходства и совпадения внешних биографий двух современников. Как люди «центра» и в общем «московской культуры», Толстой и Григорьев, отрываясь от «почвы», переживали неудачи и духовный кризис, как это случилось с Толстым (в Казани и в Европе) и с Григорьевым (в Европе и Оренбурге); оба они, хотя и по разным причинам занимались учительской деятельностью, оба – и здесь случайное совпадение – увлекались цыганским бытом в плане интереса единства искусства и жизни, но главное у обоих было искреннее желание слиться с народом, – хотя и при несколько различном понимании этой сложной проблемы. Было еще одно объединяющее начало – Пушкин, который, хотя и позже был понят Толстым, но все же сыграл для него самую решающую роль, возможно не без влияния того же Аполлона Грогорьева.

Но в общечеловеческом значении деятельность Толстого и Григорьева важна тем, что оба они для построения нового общества ориентировались на внутренние качества человека, на его моральные и нравственные основания.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛЬВА ТОЛСТОГО

I. Baloueff*

1.

В последний год своей жизни Лев Толстой записал в дневнике: «Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали и испытывали наслаждение. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочешь чувствовать через них».¹

Эти строки очень характерны для человека, пронесшего через всю свою долгую жизнь мечту о радостном общечеловеческом союзе «муравейных братьев» и завещавшего похоронить себя там, где полагалось быть, столь поразившей его детское воображение, чародейственной «зелёной палочке».

Глубокий, подлинный гуманизм Толстого получил особенно яркое выражение во взглядах писателя-мыслителя на сложную проблему искусства.

Следует ли строго различать Толстого-писателя от Толстого-публициста? Не правильнее ли рассматривать оба аспекта его творчества, как взаимно дополнительные элементы одного неизменного стремления постичь смысл жизни, приблизиться к конечной правде бытия? Несомненно, чуткость, интуиция, чувство меры, связанные обычно с художественным талантом, ближе подвели Толстого к данной цели, чем его, подчас излишне догматичный рационализм теоретика. Доказательством тому служат, в частности, его замечатель-

---

* Dr. Ivan I. Baloueff is Chairman of the Russian Dept. at Mount Holyoke College (Mass.)

¹ Лев Н. Толстой, «Полное собрание сочинений в 90 томах под редакцией В.Г. Черткова и др., Госиздат, М. 1928-1958», т. 88, с. 112. Это издание известно, как «Юбилейное», и в последующих ссылках на него мы будем означать его инициалами «Ю.И.»

ные «народные рассказы», ряд которых поражают глубиной проникновения в некоторые основы христианского мышления.

Хорошо известен большой трактат Толстого «Что такое искусство?», над которым писатель трудился с перерывами пятнадцать лет, и который был напечатан в 1897 году. Но ведь вопросам эстетики Толстой посвятил помимо этого несколько статей и критических отзывов, целые главы в своих художественных произведениях (вспомним, например, описание художника Михайлова в «Анне Карениной») и многочисленные записи в своих дневниках. Считается, что свыше 4500 листов в рукописном фонде Льва Толстого имеют прямое отношение к проблеме искусства. Это ясно показывает какой важной представлялась данная тема, одновременно Толстому-художнику и Толстому-публицисту.

Эта статья имеет целью напомнить читателю о некоторых основных этапах толстовского мышления в области эстетики.

2.

Первым таким этапом следует считать пятидесятые годы. Это период: «Детства, отрочества и юности», кавказских и северокавказских рассказов, «Утра помещика», «Люцерна», «Альберта», «Трёх смертей», «Семейного счастья». И хотя «Казачьи рассказы» были напечатаны только в 1863 г., повесть, как известно, была тоже создана в пятидесятые годы.

Яркими выражениями отношения Толстого к литературе во время данного периода были, в особенности, его письмо от 2 июля 1856 г. к Некрасову и его речь, произнесенная 4 февраля 1859 г. в Обществе Любителей Российской Словесности.

Вот что Толстой писал в 1856 г. редактору «Современника»: «У нас не только в критике, но и в литературе утвердилось мнение, что быть возмущенным, жёлчным, злым – очень мило, а я нахожу, что очень скверно; Гоголя любят больше Пушкина; критика Белинского – верх совершенства; ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я скажу, что скверно, потому что человек жёлчный, злой – не в нормальном положении...»¹

Корней Чуковский отметил следующее по поводу этих строк: «Все эти запальчивые слова буквально пересказывают тогдашние писания Дружинина. Это, так сказать, квинтэссенция дружининских критических очерков, печатавшихся тогда в 'Библиотеке для чтения'».²

1 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М. 1954, т. 17, с. 98-99.

2 Корней Чуковский, «Собрание сочинений в шести томах», ГИХЛ, М. 1967, т. 5, с. 108.

Известно, что, когда зимою 1855 г. Толстой приехал в Петербург из Крыма и вступил в кружок сотрудников «Современника», он, одно время, был наиболее близок в нём к Дружинину. Дружинин был жизнерадостный, весёлый, «компанейский» человек, твёрдо убежденный в том, что жизнь создана для наслаждений. По существу, он был гедонистом, без определенных моральных основ, без духовных запросов. Четверть века спустя Толстой напишет в «Исповеди»: «Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распущенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала».¹ Когда Толстой писал это, он несомненно имел в виду, в первую очередь, Дружинина. А между тем, теперь установлено, что одно время дружеские отношения между двумя писателями были еще теснее, чем предполагали первые исследователи. Действительно, в 1928 году Корней Чуковский написал большую статью, «Дружинин и Лев Толстой», в которой он опубликовал много еще неизданных писем и дневниковых записей Дружинина.² По поводу влияния, которое Дружинин мог оказать на Толстого в 1856 г., когда тот послал Некрасову, упомянутое выше письмо, Чуковский пишет следующее: «Б. Эйхенбаум уже отметил в своей книге о Льве Толстом, сходство литературных суждений Толстого, высказанных в письме к Некрасову, с литературными суждениями Дружинина. Но, как явствует из приводимых (выше) отрывков, влияние Дружинина было сильнее и глубже; оно захватывало философию Толстого, основным пунктом которой было радостное утверждение жизни. Конечно, нельзя сомневаться, что Лев Толстой и помимо Дружинина, своим собственным внутренним опытом дошел до такой философии. Но именно вследствие этого проповедь Дружинина нашла для себя благодарную почву».³

В кругу сотрудников «Современника» Дружинин был главным противником Чернышевского. «Обличительной литературе», защищаемой последним, он противопоставлял «изящную литературу». Писателю, в его понятии, надлежало показывать людям красоту и радость

---

1 ЛН. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М., 1964, т. 16, с. 99.

2 Корней Чуковский, «Собрание сочинений в шести томах», ГИХЛ, М. 1967. В пятом томе статья «Дружинин и Лев Толстой» занимает 70 страниц (с. 55 по 125).

3 Корней Чуковский, «Полное собрание сочинений в шести томах», ГИХЛ, М. 1967, т. 5, с. 109.

жизни, а не выискивать ее мрачные стороны и делаться карателем социальных зол. Очень характерно для него утверждение, что человек создан «не для озлобления, не для раздвоения», а, наоборот, для любви и дружбы. Без сомнения, эта мысль тоже вызывала в молодом Толстом живой отклик. Полюбить всех и каждого, слиться со всем мирозданием, вот заветные мечты маленького Николенки в «Детстве», с одной стороны, «пантеиста» Оленина, в «Казаках», с другой стороны.

Три года после своего упомянутого письма к Некрасову Толстой имел снова случай высказать свое отношение к литературе. В этот раз его выступление было публичным. В конце января 1859 г. он и Тургенев были избраны членами Общества Любителей Российской Словесности, и, по правилам Общества, должны были произнести своего рода «программную» речь. Толстой говорил 4 февраля. В своей речи он указал на то, что в последние годы ему «случалось читать и слушать суждения о том, что времена побасенок и стишков прошли безвозвратно, что приходит время, когда Пушкин забудется и не станет больше печататься, что чистое искусство невозможно, что литература есть только орудие гражданского развития общества и т.п.» Но настроения меняются, утверждал Толстой, и «общество поняло теперь... что как ни велико значение политической литературы, отражающей в себе временные интересы общества, как ни необходима она для народного развития, есть другая литература, отражающая в себе вечные, общечеловеческие интересы, самые дорогие, задушевные сознания народа и всякого времени, и литература без которой не развивается ни один народ, имеющий силу и сочность». Затем, Толстой отмечал в заключение: «Это в последнее время явившееся убеждение вдвойне радостно для меня. Оно радостно для меня лично, как для одностороннего любителя изящной словесности. которым я чистосердечно признаю себя, и радостно вообще, как новое доказательство силы и возмужалости нашего общества и литературы».¹

Интересная подробность: председательствовавший на собрании А.С. Хомяков возразил Толстому, что оба рода литературы равноправны и равноценны, в особенности же в настоящий исторический момент...

В дневнике Толстого, под датой 25 марта 1856, имеется такая запись: «Я не политический человек. Мораль и искусство...»² Это было, несомненно, очень верным самоопределением.

---

1 ЛН. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М., 1964, т. 15, с. 8-9.

2 «Ю.И.», т. 47, с. 118.

Но вскоре после своей речи в Обществе Любителей Российской Словесности Толстой отошёл временно от литературы. Непосредственным поводом к тому было разочарование писателя в своём последнем произведении – повести «Семейное счастье», опубликование которой закончилось с апрельской книгой журнала «Русский Вестник».

Как отмечает в книге «Отец» дочь писателя, Александра Львовна: «Семейное счастье» не произвело впечатления в литературных кругах и Толстой сам усумнился в качестве своей повести, назвав ее 'постыдной мерзостью'. Толстой даже хотел остановить печатание второй части повести и сжечь рукопись.»¹

В отчаянии Толстой писал 3 мая 1859 своему другу Боткину: «Василий Петрович, Василий Петрович! Что я наделал со своим 'Семейным счастьем'!... Я теперь похоронен и как писатель, и как человек...» А 9 октября Толстой писал Дружинину: «Теперь же как писатель я уже ни на что не годен... Писать повести очень милые и приятные для чтения в 31 год, ей-Богу, руки не поднимаются...»²

Толстой открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, и целиком погружается в педагогику.

3.

Как ни странно, но второй период в формировании эстетических взглядов Толстого берёт своё начало именно в те годы, когда писатель не только порвал сношения с литературным миром, но и целиком «разочаровался» в искусстве. «Искусстве есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь...» с горечью писал Толстой в 1860 г. своему другу Фету. И, в самом деле, нужно будет ждать 1863 г., чтобы вышли в свет «Казачьи» (правда, написанные уже раньше) и рассказ «Поликушка». Тогда же Толстой примется за «Войну и Мир».

Это, что касается художественных произведений. Но в 1862 г., в сентябрьской книжке педагогического журнала Толстого «Ясная Поляна», писатель публикует статью, озаглавленную «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят!» Описывая процесс творчества своего молодого ученика Федьки, Толстой пишет: «Чувство меры было в нем так сильно, как ни у одного из известных мне писателей, – то самое чувство меры, которое огромным трудом и изучением приобретают редкие художники, – во всей его первобытной силе жило в его неиспорченной детской душе.»² Преувеличение? «Как ни у одного из известных мне писателей» – безусловно сильно сказано, но нет оснований сомневаться в том, что

1 Александра Толстая, «Отец», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, т. 1, с. 170.

2 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М. 1964, т. 15, с. 17.

Толстой верил в свое утверждение. Поэтому он вполне последовательно писал в заключение: «Учить и воспитывать ребёнка нельзя и бессмысленно по той простой причине, что ребёнок стоит ближе меня, ближе каждого взрослого к тому идеалу гармонии правды, красоты и добра, до которого я, в своей гордости, хочу возвести его. Сознание этого идеала лежит в нем сильнее, чем во мне. Ему от меня нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне. Как только я дал ему полную свободу, перестал учить его, он написал такое поэтическое произведение, которому подобного не было в русской литературе. И потому, по моему убеждению, нам нельзя учить писать и сочинять, в особенности поэтически сочинять, вообще детей и в особенности крестьянских. Всё, что мы можем сделать, это научить их, как браться за сочинительство.»¹

Действительно ли крестьянский ребёнок, о котором говорит Толстой, «написал такое поэтическое произведение, которому подобного не было в русской литературе»?... Неужели крестьянские дети, только потому что они крестьянские, специально поэтически одарены?... Категоричность этих утверждений объясняется не только обычной страстностью Толстого, но и его подлинным восхищением перед поэтическим талантом некоторых своих молодых учеников. «Я оставил урок, потому что был слишком взволнован» – пишет Толстой. Он имеет в виду тот момент, когда он заметил и оценил эту одаренность. Его вопрос: «Кому у кого учиться писать...» отнюдь не риторичен. Толстой искренно считал, что он многому научился у своих «учеников-учителей». И, действительно, стиль, например, «Кавказского пленника», написанного в 1872 г., уже совсем другой, чем стиль произведений 50-х годов. Конечно, рассказ предназначался для «Азбуки» и для детских хрестоматий, которые Толстой тогда готовил, но писатель отмечал, что он его рассматривает как «образец тех приемов и языка», которыми он будет «писать для больших».²

Можно думать, что новые эстетические концепции, порожденные педагогическим опытом начала 60-х годов, были освоены Толстым и раньше эпохи создания «Кавказского пленника» и других, близких к нему по стилю произведений. Но ведь 1863-1869 годы, это период «Войны и Мира», а эта грандиозная эпопея-поэма требовала применения многих различных приемов и стилей. В этом отношении, «Война и Мир» как бы задержала намечавшуюся эволюцию эстетических взглядов Толстого.

---

1 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М. 1964, т. 15, с. 35.

2 «Ю.И.», т. 61, стр. 278.

«Анна Каренина» написана уже явно иначе, чем «Война и Мир». По этому поводу справедливо было замечено следующее: «Художественные принципы, выработанные в рассказах 'Азбуки' ('надо, чтобы все было красиво, коротко, просто, и, главное - ясно'), несомненно, оказали затем воздействие не только на стиль 'народных рассказов', но также на стиль 'Анны Карениной', незавершенных исторических романов и других произведений позднейшего периода деятельности Толстого. Стремительное развитие драматического сюжетного действия, большая, сравнительно с 'Войной и миром', простота и ясность языка, его лаконизм – в этих отличительных чертах стиля 'Анны Карениной' и 'Воскресения' явственно чувствуется художественная школа, пройденная в начале 70-х годов автором маленьких рассказов для крестьянских детей».¹

Связь же между «маленькими рассказами для крестьянских детей», написанными Толстым в начале 70-х годов, и рассказами, которые писали крестьянские ученики Яснополянской школы в начале 60-х годов – вполне очевидна. С гордостью Толстой напишет в 1876 г. детскому писателю Е.В. Львову: «я знаю, как думает народ и народный ребёнок, и знаю, как говорить с ними... я и любовью и трудом приобрёл это знание».² Упомянутая выше статья «Кому у кого учиться писать...» ясно показывает, что это действительно было так.

С самых первых своих писаний Толстой проявил живой интерес и большую симпатию к простым людям. Вспомним Наталью Савишну и Гришу в «Детстве», некоторых крестьян в «Утре помещика», типы солдат в «Военных рассказах», и т.д. Но, конечно, «открытие» высокой художественной одаренности у ряда крестьянских школьников еще больше сблизило Толстого с низшими классами населения. Знаменательно то, что первое новое произведение Толстого, ознаменовавшее его возврат в 1863 г. к литературе, после почти четырёхлетнего перерыва, это «Поликушка». До того Толстой еще никогда не делал крестьянина главным действующим лицом своих произведений. И хотя Платон Каратаев, в «Войне и Мир», и другой крестьянин Платон, в «Анне Карениной» – эпизодические лица, оба, известно, играют решающую роль в духовном перерождении Пьера Безухова и Левина. Вскоре «Исповедь» раскроет автобиографичность этих сюжетных ситуаций.

Расширению тематики соответствовало расширение круга читателей: «Война и мир» получает общее признание. Следует помнить, что, в отдельных изданиях, «Детство» и «Военные рассказы» – большого

---

1 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», ГИХЛ, М., 1964, т. 10, стр. 548. См. Примечания.

2 «Ю.И.», т. 62, стр. 250.

успеха не имели. Так, в декабре 1859, т.е. через три года после выхода в свет этих двух первых книг Толстого, их все еще оставалось у книгопродавца Давыдова больше чем на 2000 рублей.¹ Наоборот, отдельные издания «Войны и мира» имели не меньший успех у широкой публики, чем и первые публикации романа в «Русском Вестнике». Позднее, «Анна Каренина» делается тоже очень популярной книгой. Процесс «демократизации» Толстого в 60-х и 70-х годах имеет, таким образом, два аспекта: сам писатель все больше духовно сближается с простыми людьми, – с крестьянами в особенности; и в то же время он становится все более читаем грамотными людьми разных сословий.

Круг читателей Толстого расширяется тоже и в возрастном отношении, поскольку в начале 70-х годов писатель – публикует «Азбуку» и четыре книги чтения для детей.

4.

В августе 1869 г., по дороге в Пензенскую губернию, где он собирался купить землю и основать доходное имение, Толстой остановился на ночь в Арзамасе. Хорошо известно, как вдруг, среди ночи, на него напала страшная тоска. Свои тогдашние переживания он так описал в неоконченных «Записках сумасшедшего», – написанных двенадцать лет спустя: «Да, что это за глупость, сказал я себе. – Чего я тоскую? чего я боюсь? – Меня – неслышно ответил голос смерти. – Я тут. – Мороз подрал меня по коже...»

В своей книге «Отец» Александра Львовна Толстая пишет, что «Впечатление этой жуткой ночи было до того глубоко, что Толстой никогда не мог его забыть».²

Все указывает на то, что это событие тесно связано с мучительным духовным кризисом, который ознаменовал жизнь Толстого, начиная с середины 70-х годов. Сомнения в ценности и смысле жизни делают из Левина, в конце «Анны Карениной», потенциального самоубийцу. Два года после «Анны Карениной» Толстой начнет писать «Исповедь», в которой встречаются следующие строки: «Если б я просто понял, что жизнь не имеет смысла, я спокойно бы мог знать это, мог бы знать, что это – мой удел. Но я не мог успокоиться на этом. Если б я был как человек, заблудившийся в лесу, из которого он знает, что нет выхода, я бы мог жить; но я был как человек, заблудившийся в лесу,

---

1 «Ю.И.», т. 60, стр. 317. Следует при этом отметить, что малый успех «Детства» и «Военных рассказов» в отдельных изданиях, – после их значительного успеха при первой публикации в журналах – сильно удивил и удручил Толстого.

2 Александра Толстая, «Отец», т. 1, стр. 306.

на которого нашел ужас оттого, что он заблудился, и он мечется, желая вернуться на дорогу, знает, что всякий шаг еще больше путает его, и не может не метаться. Вот это было ужасно. И чтоб избавиться от этого ужаса, я хотел убить себя».¹

Далее Толстой пишет: «Слушал я разговор безграмотного мужика-странника о Боге, о вере, о жизни, о спасении, и знание веры открывалось мне. Сближался я с народом, слушал его суждения о жизни, о вере, и я все больше и больше понимал истину...» Известно, однако, что в своих поисках истины Толстой не остановился на этом этапе и что, до конца жизни, он, – одновременно в художественных и публицистических сочинениях, – старался лучше определить и выразить свое окончательное мировоззрение.

Думается, что, на много убедительнее, чем в своих многочисленных философско-религиозных писаниях, Толстой выразил суть своей веры в некоторых из «народных рассказов», и в частности в таком изумительном по силе и красоте произведении, как «Где любовь, там и Бог». Действительно – где любовь, там и Бог, утверждает, Толстой, потому что, Бог и любовь тождественны. В глазах писателя-мыслителя, который еще недавно столь увлекался мрачной философией индивидуалиста Шопенгауэра, только наличие Бога способно объяснить «парадоксальную» радость альтруизма. Вспомним, что в «Казаках» молодой Оленин попеременно думал, что счастье – это жить для себя, или жить для других. Двадцать пять лет после создания «Казаков» писатель твердо выбирает второе решение. Жить для себя представляется ему теперь высшей бессмыслицей, логичной альтернативой для которой может быть только самоубийство.

В начале 80-х годов Толстой пишет ряд философско-религиозных сочинений, и одновременно ряд «народных рассказов». Тогда же создается хорошо известная повесть «Смерть Ивана Ильича». Внутреннее единство и общая целеустремленность этих трех различных начинаний – очевидна, и в этом состоит одно из основных различий данного периода в творчестве Толстого. В «Исповеди» писатель называл себя «нигилистом», в том смысле, что у него до конца 70-х годов не было ясного мировоззрения, и что он фактически жил без твердой веры во что бы то ни было. Теперь же жизнь обрела для него смысл, и в результате его творчество получило соответствующий «фокус».

Но было бы ошибкой считать, что после начала 80-х годов Толстой-моралист заручился услугами Толстого-писателя, и что тот перестал существовать как полноценный самостоятельный художник. Достаточно сослаться на «народные рассказы», чтобы опровергнуть такой

1 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», т.16, стр. 110.

2 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», т. 16, стр. 151.

ошибочный взгляд. В самом деле, они гораздо больше и ценнее, чем только привлекательное приложение к публицистике Толстого: они вполне индивидуальные художественные произведения, очень высокого качества. Их справедливо можно называть самостоятельными, потому что они отнюдь не дословно повторяют тезисы толстовских трактатов. Так, например, архиерей, в рассказе «Три старца» представлен в очень благоприятном свете, в то время как в своей публицистике Толстой, тогда же, сильно критиковал церковную иерархию. И вообще, несомненно, что в своих «народных рассказах» писатель проявил себя более чутким, пронзительным и мудрым, чем когда он те же мысли издал в «параллельных» догматических сочинениях. «Самостоятельность» художественных произведений, по отношению к публицистическим, сказывалась ещё и в другом. Ведь известно, что, неоднократно, когда Толстой усиленно работал над тем или иным философско-религиозным сочинением, его мысль неожиданно отвлекалась в сторону художественного произведения. Так случилось, в частности, в конце 1894 г., когда Толстой писал свой Катехизис и когда, вдруг, он почувствовал поистине нужду набросать первый вариант повести «Хозяин и работник». Несомненно, есть некоторая духовная связь между обеими сочинениями, но, как видно, бывало, что Толстой-публицист и Толстой-писатель «соперничали» друг с другом. Во всяком случае, о полной подвластности художника моралисту, даже в самые последние годы Толстого, и говорить не приходится. В доказательство, сошлемся на пример «Хаджи Мурата» – повести, написанной в 1904 г. и которая является чисто литературным произведением, исключительного мастерства.

Духовный кризис 80-х годов естественно отразился на отношении Толстого к искусству. Это третий и последний этап в эволюции эстетических взглядов писателя. Свое новое мышление в данной области Толстой изложил наиболее обстоятельно в большом трактате, «Что такое искусство?», опубликованном в конце 1897 г. и в начале 1898 г. в двух книжках журнала «Вопросы философии и психологии». Фактически, Толстой начал свою работу еще в 1882 г., когда набросал короткую заметку об искусстве. Он не был ею доволен, и ее не опубликовал. То же произошло в 1889 г. с двумя другими набросками статей, и снова то же самое с другими текстами в 1890, 1891 и 1896 годах. В конечном итоге, большая часть этих набросков нашла место в трактате «Что такое искусство?». Поэтому сам автор считал, что он потрудился над ним пятнадцать лет.

Среди других наиболее важных работ Толстого по эстетике, принадлежащих к тому же периоду 1880-1910 годов, следует назвать следующие: «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» в русском переводе, в 1894 г.; большую статью, «О Шекспире и о драме»,

в 1904 г.; «Послесловие к рассказу Чехова 'Душечка'», в 1905 г.; «Предисловие к альбому 'Русские мужики' Н.В. Орлова», в 1908 г.; и заметку «О Гоголе», в 1909 г. Наконец, следует упомянуть, что две главы в трактате «Так что же нам делать?», написанном в 1884-1885 г.г., рассматривают решающее значение науки и искусства в жизни каждого человеческого общества.

Хорошо известны основные тезисы Толстого в трактате «Что такое искусство?»; вспомним в особенности следующие:

«Теория искусства, основанная на красоте и изложенная в эстетиках, и в смутных чертах исповедуемая публикой, есть не что иное, как признание хорошим того, что нравилось и нравится нам, то есть известному кругу людей.»¹

«Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками, передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их.»²

«Искусство не есть наслаждение, а есть необходимое для жизни и для движения к благу отдельного человека и человечества средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же чувствах.»³

«Назначение искусства в наше время – в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувств истину о том, что благо людей в их единении между собою и установить на месте царствующего теперь насилия то Царство Божие, то есть любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества.»⁴

Эти несколько выдержек из сочинения «Что такое искусство?» очень характерны для мышления Толстого в области искусства, после духовного кризиса начала 80-х годов.

* * *

Такова краткая характеристика трёх основных этапов в эволюции эстетических взглядов Толстого, пришедшего постепенно к заключению, что искусство должно быть мощным орудием в деле сближения и единения людей.

Можно сказать, что заветная мечта писателя-гуманиста о «зелёной палочке» и о радостном общечеловеческом союзе «муравейных братьев» нашла особенно яркое выражение в его последнем понимании искусства, в заключительном периоде его жизни.

---

1 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в двадцати томах», т. 15, стр. 81.

2 Там же, стр. 87.

3 Там же.

4 Л.Н. Толстой, «Собрание сочинений в 20 томах», т. 15, стр. 231.

ВЫПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА Л.Н. ТОЛСТОГО

by Sergei Pushkarev *

Л.Н. Толстой регулярно писал свои дневники с 1858 по 1865 г. и затем – с 13-тилетним перерывом – с 1878 г. до своей смерти (1910 г.)

В «монументальном» полном собрании сочинений Л.Н. Толстого, изданном в Москве в 1930-х и 1950-х гг. дневники Толстого занимают 11 томов (тт. 48-58). Из них мне довелось прочесть 8 томов (с исключением тт. 50, 51 и 57) и сделать из них множество выписок. В предлагаемом здесь вниманию читателей собрании выписок, извлеченных из моей обширной «коллекции», выписки разделены на три основных отдела: I. Бог и религия; II. Человек; III. Общество, и каждый из них подразделяется на несколько под-отделов, с добавлением, в конце, немногих выписок автобиографического характера и отдельных замечаний на разные темы. В скобках указаны том и страница и год, когда была сделана запись.

I. БОГ И РЕЛИГИЯ

1. Бог * *

«Бог есть любовь, т.е. Бога мы знаем только в виде любви, и любовь есть Бог» (52, 136; 1894).

«Понятие о Боге у человека религиозного постоянно разрушается замечаясь новым, высшим пониманием» (53, 222; 1899).

«Через любовь и разум (мы) только познаем, что есть Бог, а что Он, мы не можем знать» (54, 333; 1900).

---

* Sergei Pushkarev, researcher at Yale University, is the author of numerous works.

** Л.Н. Толстой долго, настойчиво и мучительно искал точное определение понятия «Бог» и определял его то так «любовь», то как «добро» или «благо», то как «всё»; однако, вера в личного Бога предлагала жить в глубине его души, ибо в его дневниках постоянно встречается молитвенное обращение: «Отец, помоги мне!», что было бы невозможным при пантеистическом мировоззрении; иногда он признает непознаваемость сущности Бога для человеческого разума, который, однако, должен признавать существование Бога, как источника, основу и законодателя жизни.

«Жизнь людей, и вообще всех отдельных существ есть как бы дыхание божества. Мы органы Бога» (54, 130; 1902).

«Бог это – весь бесконечный мир» (54, 162; 1903).

«Бог это закон, требующий смирения, превды и доброты» (55, 91; 1904).

«Прекрасная мысль, что Бог это свет солнца, а человек – предмет, поглощающий лучи света – Бога» (56, 55; 1907).

«Мир не Бог, но мир есть проявление Бога» (56, 57; 1907).

«Господи, начало жизни, Ты, неведомый, непостижимый, но сущий, глупо говорить: благодарю Тебя, но иначе не могу выразить мою умиленную радость существования» (56, 117; 1908).

«Бог это законодатель жизни, т.е. я по своему человечеству допускаю законодателя за законом» (56, 147; 1908).

«...вся наша жизнь – в поисках Бога» (58, 111; 1910).

«Помоги мне Отец, начало жизни, дух всемирный, источник жизни, помоги, хоть последние дни, часы моей жизни здесь жить только перед Тобой, служить только Тебе» (58, 132; август 1910 г.).

«Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью» (58, 143; 31-го октября 1910 г., Астапово; продиктовано А.Л. Толстой).

2. Религия вообще, ее значение и ее отношение к нравственности

«Без веры Бога в себе, в жизнь вневременную и внепространственную не может быть ни разумной, ни доброй, ни счастливой жизни» (54, 71; 1900).

(Ничтожество человека, пока он не сознал себя сыном Бога и братом миллионов людей) (54, 95; 1901).

«Вся религия – вечная, всемирная, одна: вера в Бога во мне и вне меня, в людях и животных даже, и потому служение Ему там, где Он есть.» (54, 95; 1901).

«...только религия дает человеку сознание его достоинства» (54, 109; 1901).

«...без религии нельзя жить, потому что во 1-х, «только религия дает определение хорошего и дурного»; во 2-х (указывает человеку хорошо или дурно то, что он делает); в 3-х (только религия уничтожает эгоизм); в 4-х (уничтожает страх смерти); в 5-х (дает человеку смысл жизни); в 6-х (устанавливает равенство людей); в 7-х «только религия освобождает человека от всех внешних стеснений»» (54, 202-3; 1903).

«Религиозные люди – это настоящая духовная аристократия. И как их мало» (55, 161; 1905).

«Люди могут жить разумной и радостной жизнью только руководясь религиозным законом. Без религии страсти и гипноз, т.е. страдания и рабство» (55, 240; 1906).

«Баба, призывающая Бога, даже Николая Чудотворца, как нечто высшее, духовное, ближе к истине самого ученого профессора, не признающего ничего не подлежащего наблюдению и рассуждению» (55, 258; 1906).

«У всех вер одни и те же основы. И не может быть иначе – человек везде один» (56, 15; 1907).

«Правдивость настоящая может быть только у людей, живущих перед Богом. Люди, живущие перед людьми, всегда вливают и будут влиять» (56, 51; 1907).

«Без религии... человек – безхвостая обезьяна, умеющая делать фонографы, баллоны, бомбы и т.п.» (56, 84; 1907).

«Религия это – отношение с Богом. У идолопоклонника оно есть, у самого ученого человека этого нет. И идолопоклонник неизмеримо выше» (56, 86; 1907).

«Религия только тогда истинная, когда она общая всем. И такая религия есть и надо уметь выделять ее» (56, 368; 1908).

«Человек сознает себя Богом и он прав, потому что Бог есть в нем. Сознает

себя свиньей, и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом» (58, 84; 1910).

«Жизнь все в большем и большем раскрытии (истины). Понимание Бога Творца, и даже Бога Христа и даже угодников так же на своей стадии законно, как и мое» (55, 263; 1906).

3. Служение Богу; человек есть «орган», или «орудие», или работник», или «посланник» Божий

«Жизни есть служение Богу, исполнение Его воли, в тысячах дел, кроме писания» (52, 37; 1891).

«Постоянно вспоминаю, что я посланник и должен делать дело Божие: раздувать в себе искру Божию – любовь...» (52, 123; 1894).

«Хозяин, пославший нас в мир, требует от нас... нужной ему работы» (53, 209; 1898).

«Помни, что ты посланник, представитель Бога – не унижай Его» (54, 17; 1900).

«Помни, что жизнь только в служении, увеличении разума и любви» (там же).

«Люди чувствуют, что жизнь в эгоизме не только дурно, но мучительно. Спасает только христианское мировоззрение: жить для служения Богу и людям» (54, 33; 1900).

«...служить надо и должно только Богу, Тому, Кто послал нас в мир» (54, 40; 1900).

«...Мы органы Бога» (54, 130; 1902) (повторяется многократно).

«Я орудие, которым работает Бог» (55, 146; 1905).

«Последнее время мне особенно хорошо благодаря живому сознанию своего положения – раба Бога, для которого только одно дело – служение Ему. Как только вспомнишь, так сейчас спокойно, радостно, бесстрашно» (55, 235; 1906).

4. Молитва

«Господи, помоги мне... Мне тяжело» (49, 89; 1884).

«Помоги мне, Отец. Отец, помоги. Я знаю, что нет лица Отца. Но эта форма свойственна выражению страстного желания» (52, 7; 1891).

«Грустно, грустно. Тяжело, тяжело. Отец, помоги мне. Пожалей меня. Научи любить» (52, 68; 1892).

«Отец... очисти меня и не дай погибнуть и заглохнуть Твоему духу во мне. Молился два раза просительно»... (53, 99; 1896).

«Молитва обращается к личному Богу,... потому что я личное существо» (53, 103.4; 1896).

«Сейчас начало нового 1906 года. Помоги, Господи, исполнить Твою волю» (55, 178; 31 дек. 1905 г.).

«...грустно, одиноко... Господи, Господи, помоги мне» (55, 180; 1906).

«Иногда молюсь в неурочное время самым простым образом, говорю: Господи, помилуй, крещу рукой, молюсь не мыслью, а одним чувством сознания своей зависимости от Бога. Советовать никому не стану, но для меня это хорошо» (55, 238; 1906).

«Просительная молитва, хотя и ложная по своей цели, все-таки – польза для души, все-таки это – признание твоей зависимости от Бога» (56, 23; 1907).

«Хорошо молился нынче. Как хорошо: не моя воля да будет, но Твоя» (56, 158; 1908).

«Помоги мне Отец, начало жизни, дух всемирный, источник жизни, помоги хоть последние дни, часы моей жизни здесь жить только перед Тобю, служа только Тебе» (58, 132; 10-го авг. 1910 г.).

5. Непосредственное отношение человека к Богу; отрицание всех особых, формально организованных религий (включая православие), с их догматами, таинствами, обрядами и иерархией

«Бог отвечает только тому, кто говорит с Ним наедине» (55, 108; 1904).

«Откровенно говорить можно только с Богом. Только Ему можно все сказать» (55, 156; 1905).

«Бог не любит посторонних лиц. С Ним можно общаться один на один» (56, 147; 1908).

«Читал Эразма. Что за глупое явление реформация Лютера. Вот торжество ограниченности и глупости. Спасение от первородного греха верою и тщета добрых дел стоят всех суеверий католичества. Учение об отношениях церкви и государства ужасно по нелепости»... (49, 65; 1884).

«Официальная религия есть ошибающееся, антирелигиозное учение» (52, 85; 1893).

В организациях молокан и штундистов – «та же внешняя обрядность и подчиненность власти, как и у православных, и потому то же подобие благочестия, т.е. лицемерие» (52, 111; 1894).

«Тот, кто верит в Бога Христа, в воскресение, таинства и т.п., перестает верить в разум» (53, 70; 1895).

«Церковные христиане не сами хотят служить Богу, а хотят, чтобы Бог им служил» (52, 144; 1897).

«Обряд это всегда замена религии формой, всегда убивание религии» (55, 287; 1906).

«Церковь – собрание избранных – первый грех, нарушение завета Христа – всемирного братства» (56, 22; 1907).

«...подобие религии с иконами, причастиями, крещениями, духовенством – самое грубое» (56, 92; 1908).

«Говорят: вернитесь к церкви. Но ведь в церкви я увидел грубый, явный и вредный обман» (54, 127; 1902).

«...покуда будет фикция церкви, не может быть религии» (55, 378; 1906). (Но, запись в дневнике 2 апр. 1906 г.) «Отнять поэзию церковности, не заменив ее, жестоко» (55, 216).

6. Религиозное учение и проповедничество

«Хочется подвига... Хочу страдать, хочу кричать истину, которая жжет меня» (52, 104-5; 1893).

«Писал Катехизис... и испытал давно не испытанный восторг. Хочется сказать: Господи, благодарю Тебя за то, что Ты открываешь мне свои тайны. Пусть это заблуждение, я все-таки благодарю Тебя» (52, 154; 1894).

«Никакого толстовства и моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в Евангелиях. Учение это призывает человека к признанию своей сыновности Богу...» (53, 168; 1897).

«Истина в том, что надо всех любить и всю жизнь строить так, чтобы можно было всех любить. Хотелось бы написать такой закон Божий для детей» (56, 5; 1907).

«Чем ближе смерть, тем сильнее чувствую обязанность сказать то, что знаю, что через меня говорит Бог» (56, 78; 1907).

«Никак нельзя внушить, передать другому религиозное мировоззрение. У каждого свое» (56, 104; 1908).

«Гуляя думал о том, что хорошо бы было завести опять школу: передавать то, что знаю о вере и самому себя провирать» (58, 10; 1910).

7. Религиозные сомнения

«Стараюсь сделать, как надо. А как надо, не знаю» (49, 106; 1884).

«Забить Бога, т.е. забыть, что смысл жизни только в Боге. Как это страшно. А это беспрестано случается со мной» (52, 106; 1893).

«Пробовал писать изложение учения – не могу, нет охоты» (52, 124; 1894).

«Пытался писать сначала. Не идет. Не знаю, чего хочет от меня Бог» (52, 130; 1894).

«Нынче хорошо писалось, но не кончил и даже запутался. Неясен вопрос о Боге. Бог – творец, Бог личность совершенно излишнее и произвольное представление» (52, 141; 1894).

«Дьявол подловил было меня ужасно. В своей (т.е. «в моей») работе над Катехизисом он подсказал мне, что можно обойтись без понятия Бога, Бога в основе всего, Бога, по воле которого мы живем в этом мире, по воле которого наша божественная сущность заключена в личность для каких-то Его целей, и оставить одного того Бога, который проявляется в нашей жизни, и вдруг на меня стало находить уныние, страх. Я ужаснулся, стал думать, проверять и нашел чуть было не потерянного Бога и как будто вновь обрел и полюбил Его» (52, 149; 21 окт. 1894 г.).

«Написал Черткову о своем душевном состоянии, о радости нахождения потерянного Бога» (52, 149; 22 окт. 1894 г.).

«Утратилось во мне чувство близости Бога»... (52, 153; 1894).

«Нынче задумал было – безумие – написать вкратце изложение веры. Разумеется, не вышло» (53, 83; 1896).

«Не могу писать свое изложение веры. Неясно, философно и то, что было хорошо, порчу» (53, 87; 1896).

«Временами теряешь свое отношение к Богу, как будто нет Его. И как радостно, когда опять найдешь Его» (54, 25; 1900).

«Нынче думал очень важное. Иногда мне кажется, что это – откровение истины, иногда кажется, что это – философский бред» (55, 28; 1904).

«В дурные минуты не чувствую Бога, сомневаюсь в нем» (55, 161; 1905).

«Неясно, для меня, понятие Бога»... (55, 262; 1906).

«Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для Бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнениях, нерешительности» (58, 65; 15-го июня 1910 г.).

II. ЧЕЛОВЕК

1. Жизнь, ее смысл, цель и назначение

«... всё, что есть, всегда неразумно... Жизнь есть только вечное движение от неразумного, к разумного» (52, 81; 1893).

«Смысл жизни – увеличивать любовь в себе и в мире» (53, 17-18; 1895).

«Смысл жизни – служить Богу, спасая людей от греха и страданий» (52, 111; 1894).

«Вся жизнь есть борьба плоти с духом, есть постепенное восторжествование духа над плотью» (53, 26; 1895).

«Смысл жизни только один: самосовершенствование – улучшать свою душу» (53, 179; 1898).

«Самое важное дело жизни состоит в том, чтобы увеличивать любовь в себе и в других» (54, 12; 1900).

«... помни, что жизнь только в служении, увеличении разума и любви» (54, 17; 1900).

«Жизнь есть постоянное творчество, т.е. образование новых высших форм» (54, 49; 1900).

«В чем сущность жизни, не дано нам знать» (54, 199; 1903).

«Один смысл жизни: благо» (55, 142; 1905).

«Жизнь есть рост, или раскрытие духовной сущности» (55, 179; 1906).

«Истинная жизнь только в том, чтобы... проявлять свою божескую сущность, жить «по-божьи»» (55, 279; 1906).

«Жизнь есть благо освобождения духа» (56, 29; 1907).

«Жизнь не шутка, а великое, торжественное дело» (56, 70; 1907).

«Жизнь это непрерывающийся рост духовный» (56, 75; 1907).

«Как просто по-мужицки: «жить для души», а не для тела. Все в этом». (56, 366; 1908).

«Жизнь есть освобождение духовного начала, души от ограничивающего ее тела» (58, 95; 1910).

«...вся наша жизнь – в искании Бога» (58, 111; 1910).

2. «Я», душа

«Ничто этот мир, а *что* – это я, моя душа» (54, 48; 1900).

«Знать: кто я? что я? куда я иду? – я не могу. Это знает Бог. И я верю в Него и что все, что Он делает со мной, «будет хорошо»... (54, 52; 1900).

«У каждого человека есть высшее для него мирозерцание, то, во имя чего он живет. Он воспринимает только то, что согласно с этим мирозерцанием, ... остальное проскальзывает, не оставляя следа» (56, 239; 1907).

«Тело мое – не я, разум мой – тоже не я. Не я и мое сознание. Я, мое истинное я, это *то*, что я сознаю. Сознаю же я свою дугонную божественную сущность, но она – то одна и есть настоящий я» (56, 47; 1907).

«В теле каждого человека живет дух Божий» (56, 146; 1908).

«Человек есть дух, частица божества, заключенная в известные пределы, создаваемые нами материей» (54, 142; 1902).

«Я прежде думал, что разум (разумение) есть главное свойство души человеческой. Это была, ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявления сущности души – любви. (Очень важно)» (56, 119; 1908).

3. Любовь

...творить добро врагам, любить их, есть великое наслаждение, ... ведь только на врагах – то и можно познать истинную любовь» (52, 52-3; 1891).

«Когда человек умер, только тогда узнаешь, насколько любил его» (52, 119; 1894).

«Чтобы исполнять волю Бога, нужно делать дело Его, Чтобы делать дело Его, нужны две вещи и не порознь – вместе; нужны разум и любовь, т.е. нужны истина и добро, нужно, чтобы разум был любовен, чтобы любовь была разумна» (52, 135; 1894).

«Сила Божия, движущая жизнь, есть любовь. Не освещенная разумом, эта сила есть любовь к себе, освещенная, направленная разумом, она есть любовь к существам, к людям, к истине, к добру, к Богу» (53, 66; 1895).

«Все разрозненно – соединяет нас только Бог, живущий во всем от этого Он и любовь» (53, 222; 1899).

«Только одна любовь развязывает все узлы» (54, 79; 1900).

«Любовь настоящая есть только любовь к ближнему, ровная, одинаковая для всех. Одинаково нужно заставить себя любить тех, которых мало любишь и ненавидишь, и перестать слишком любить тех, которых слишком любишь. Одно не дошло, другое перешло линию. От того и другого все страдания мира» (54, 150; 1902).

«Повторю только то, что говорил Иоанн: дети, любите друг друга. Лучше этого ничего сказать нельзя, потому что в этих словах все, что нужно людям» (56, 43; 1907).

«Нет на свете более сильной душевной радости, как состояние нежной умиленной любви» (56, 50; 1907).

«Да, да, любить врагов, любить ненавидящих не сть преувеличение, ... это – основная мысль любви» (50, 55; 1907).

«... любовь, высший закон жизни» (56, 121; 1908).

«Есть один вечный, человеческий закон любви, а суеверы науки, исследуя зверей, нашли закон борьбы и приложили его к человеческой жизни. Какое безумие!» (58, 84; 1910).

4. Разум

«Разум не Бог, ... но разум есть священное, Богом данное орудие для познания Бога» (52, 152; 1894).

«Я знаю, что мой разум ограничен и слаб, ... но все-таки разум есть разум и единственный руководитель мой» ... (52, 155; 1894).

«Все дело в мыслях. Мысль начало всего» (53, 222; 1899).

5. Совесть

«Совесть есть проявление высшего божеского разума» (54, 21; 1900).

«Совесть есть ничто иное, как совпадение своего разума с высшим» (54, 28; 1900).

6. Духовный рост человека: самоотвержение, самоусовершенствование, доброта, смирение, простота

«Самые лучшие добродетели без доброты ничего не стоят; и самые худшие пороки с ней прощаются» (52, 57; 1891).

Смысл жизни только один: самосовершенствование – улучшать свою душу: «Будьте совершенны как Отец ваш небесный» (53, 179; 1898).

«Для человека высшая и сила, и польза, и благо – в отречении от себя» (55, 273; 1906).

«Самоотвержение есть самый основной закон жизни человеческой» (56, 49; 1907).

«Смирение есть основа всего – и добродетели, и разума. Нет ничего более полезного для души, как памятование о том, что ты – ничтожная по времени и по пространству козявка, сила которой только в понимании этого своего ничтожества» (56, 50; 1907).

«Ум возникает только из смирения. Глупость же – только из самомнения» (56, 50; 1907).

«Простота – необходимое условие и признак истины» (56, 94; 1908).

«Нужно не переставая помнить три требования добра: воздержание, правду и любовь» (56, 132; 1908).

7. Свобода вообще и свобода воли

«О свободе воли – просто: человек свободен во всем духовно и – в любви может любить или не любить, больше и меньше. Во всем остальном он не свободен, следовательно, во всем материальном» (53, 230; 1899).

«Детерминизм есть тот же фатализм, но только глупый, потому что без Бога» (54, 74; 1900).

«Полной свободы нет, но человек приближается к свободе по мере соединения своего с Богом разума и любви» (54, 216; 1900).

«Свобода в том, что человек может иметь радость сознательного подчинения высшему закону своей жизни» (56, 30; 1907).

8. Текучесть и изменчивость человека

«Одно из величайших заблуждений при суждении о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все, все возможности, есть текучее вещество» (53, 185; 1898).

«Человек течет и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой» (53, 179; 1898).

«Наши чувства к людям окрашивают их всех в один цвет: любим – они все нам кажутся белыми, не любим – черными. А во всех есть и белое и черное, ищи в любимых черное и главное – в нелюбимых белое» (54, 33; 1900).

9. Зло

«Отвечай добром на зло, и ты уничтожишь в злом человеке все удовольствие, которое он получает от зла» (53, 222; 1899).

«Все зло от того, что нет религии» (55, 233; 1906).

«Суеверие зла. Зла нет. Жизнь – благо. Зло – отсутствие блага – только признак заблуждения, ошибки». – «Да, жизнь благо, нет зла. Есть только ошибки наши» (58, 50; 1910).

«Понятие зла есть суеверие» (58, 157; 1910).

10. Духовный и материальный мир, душа и тело (скверность тела и «животного человека»)

«Отец... очисти меня и не дай погибнуть и заглохнуть Твоему духу во мне. Молился... чтоб (Он) спас меня от меня животного» (53, 99; 1896).

«Для того, чтобы хорошо жить в этом мире, надо понимать его нереальность – понимать, что его внешняя форма есть одна из бесконечных случайностей, следовательно, ничто» (54, 51; 1900).

«Человек материальный – вонючее, ядовитое существо» (54, 126; 1902).

«Когда люди говорят, что мысль, деятельность духовная вообще есть произведение деятельности мозговых клеток, потому что деятельность мысли всегда обусловлена деятельностью мозга, и деятельность эта прекращается, как скоро уничтожен мозг или часть его, они говорят то же, что говорил бы человек, утверждающий, что музыкальное творчество всегда обусловлено деятельностью фортепиано или оркестра» (и прекращается с уничтожением музыкальных инструментов). – «Человек рубит топором дерево. Рубит топор; уничтожьте топор и никто не будет рубить дерево. Поэтому реален топор, а человек, махающий топором, есть только следствие топора, придаток его» (54, 167-8; 1903).

«Вредно угождать телу и потому, что оно никогда не довольно, и хочет все большего и большего, и потому, что чем больше служишь телу, тем больше ослабляешь душу» (56, 147; 1908).

«Человек сознает себе Богом и он прав, потому что Бог есть в нем. Сознает себя свиньей, и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом» (58, 84; 1910).

11. Семья, брак и половая жизнь

«Брак – не счастье, но всегда страдание»... (53, 229; 1899).

«Самые лучшие люди – дети, свежде оттуда, и старцы, готовые туда» (54, 71; 1900).

«Что может быть мерзее полового общения» (55, 246; 1906).

«Живут истинной жизнью только старики и дети, свободные от половой похоти. Остальные только завод для продолжения животных... А люди думают, что вся поэзия – только в половой жизни. Вся истинная поэзия всегда вне ея» (56, 21; 1907).

«Дети – чудесные существа»... (56, 117; 1907).

12. Женщины*

«Ныне царство материализма, т.е. женщин и врачей» (53, 34; 1895).

«Женщины лишены нравственного чувства, как двигателя. У них этот парус не натягивается и потому не везет» (53, 138; 1897).

«Я 70 лет все спускаю и спускаю мое мнение о женщинах, и все еще и еще надо спускать. Женский вопрос! – Как же не женский вопрос! Только не в том, чтобы женщины стали руководить жизнью, а в том, чтобы они перестали губить ее» (53, 231; 1899).

«Женщины, как дети, лгут, не замечая этого» (54, 99; 1901).

«Главная способность женщин это – угадывание, кому какая роль нравится, и играть ту роль, которая нравится» (54, 105; 1901).

«Жизнь женщины руководится чем хотите: тщеславием, материнством, корыстью, любовью, но не умом» (54, 140; 1902).

«Для существования разумного, нравственного общества необходимо нахождение женщин под внушением мужчин. В нашем же обществе обратное: мужчины находятя под внушением женщин» (55, 154; 1905).

«Ева соблазнила Адама, и всегда это так: все решает самка» (54, 6; 1900).

«Женщины нашего круга, рожая и выкармливая детей, делают несомненно нужное, определенное высшим законом, настоящее дело» (56, 67; 1907).

13. Старость и старики

«Прогресс нравственный человечества происходит только от того, что есть старики. Старики добреют, умнеют и передают то, что они выжили, следующим поколениям. Не будь стариков, человечество не двигалось бы» (53, 213-4; 1898).

«Как само собой растет тело младенца, так сам собой растет дух старика, освобождаясь от страстей» (54, 71; 1900).

«Только начинаешь по настоящему жить в старости, когда улеглись страсти, освободилась естественная любовь ко всем и уяснился смысл, значение жизни» (55, 108; 1904).

«Старость – свобода, разумность- ясность, любовь» (55, 109; 1904).

«Чем старше я становлюсь, тем воспоминания становятся живее» (55, 145; 1905).

14. Смерть и будущая жизнь

«Приближение к старости и смерти, это – приближение из душного помещения к двери, ведущей в цветущий сад» (52, 33; 1891).

* Пусть наши милые читательницы не гnevаются на меня за то, что я не исключил из своей обширной коллекции выписок ошибочных и несправедливых суждений Л.Н. Толстого о женщине. У Толстого есть не мало ошибочных суждений и в других областях, но не подoбает мне, скромному летописцу, быть цензором его мыслей и высказываний. С.П.

«Душа после смерти перестает быть душою, оставаясь духом – божественной сущностью, становится чем-то другим, таким, о чем мы судить не можем» (53, 174; 1897).

«Жизнь будущая, загробная мне так же ясна и несомненна, как и настоящая жизнь» (54, 107; 1901).

«Говорят, то только настоящее бессмертие, при котором удержится моя личность. Да личность моя – то и есть то, что меня мучает... Остаться навеки с своей личностью это действительно мучение Агасфера» (54, 185; 1903).

«Смерть есть ... слияние капли с океаном»... (55, 24; 1904).

«Смерть есть пробуждение» (55, 65; 1904).

«Смерть или соединяет со всем, или вводит в новую форму» (55, 92; 1904).

«Умирая, я перехожу в дальнейшую форму, высшую, т.е. более широкую, неподвижную, и сливаюсь с началом Всего, сознаю свою жизнь, неподвижную Нирвану» (55, 223; 1906).

«Умирая, я ... возвращаюсь в то безвременное, беспространственное, безтелесное, бесформенное состояние, в котором был и из которого пришел в эту жизнь. (Хорошо)» (56, 125; 1908).

III. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО (внешний мир и отношение к людям)

1. Эгоизм личный и групповой

«...эгоизм, т.е. жизнь для себя, для одной своей личности, есть сумасшествие» (53, 4; 1895).

«Эгоизм личный дурен, – и это мы все знаем; эгоизм семейный – хуже, и часто мы не только не знаем, что он дурен, но считаем его добром; эгоизм народный ужасен, и его не только не боятся, но считают великой добродетелью» (54, 33; 1900).

От эгоизма «спасает только христианское мировоззрение: жизнь для служения Богу и людям» (там же).

«Личный эгоизм – малое зло, эгоизм семейный – больше, эгоизм партии – еще больше, эгоизм государства – самый ужасный» (56, 30; 1907).

2. Личность и толпа

«Зло можно делать сообща. Добро можно делать только поодиночке» (52, 274; 1894).

«Кучей, толпой, собранием делается только зло. Добро делается только каждым отдельным человеком порознь» (53, 7; 1895).

«...толпа всегда глупа и безвкусна» (55, 287; 1906).

3. Государство и политическая жизнь: патриотизм, правительство, революция, социализм, марксизм

«...делая дела дьявола – войну, суд, присягу, нельзя говорить о Христе» (49, 118; 1884).

«Болезнь и вероятно скорая смерть государя очень трогает меня. Очень жалко» (52, 146; окт. 1894).

«Хотят спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее» (52, 152; ноябрь 1894 г.).
(О социализме «по Марксу») «...будет то же рабство» (53, 85; 1896).

«Служа вообще правительству, а особенно солдатом, губишь душу» (53, 129; 1897).

«Сила в рабочем народе. Если он несет свое угнетение, то только потому, что он загипнотизирован. Вот в этом – то все дело – уничтожить этот гипноз» (53, 180; 1898).

«Социалисты никогда не уничтожат бедность и несправедливость, неравенство способностей. Умнейший, сильнееший будет пользоваться глупейшим и слабейшим. Справедливости и равенства благ нельзя достигнуть ничем меньшим христианства, т.е. отречением от себя и признанием смысла своей жизни в служении другим» (53, 186; 1898).

«... всякого рода употребление денег есть грех» (53, 193; 1898).

(Если бы исполнились предсказания Маркса), «то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы» (53, 206; 1898).

«Жизнь наша господская так безобразна, что мы не можем радоваться даже рождению наших детей. Рождаются не слуги людям, а враги их, дармоеды» (54, 25; 1900).

«Если бы было установлено отсутствие собственности земли, а принадлежность ее тому, кто ее обрабатывает, то это было бы самым прочным обеспечением свободы» (54, 97; 1901).

«... ближайшая задача жизни в том, чтобы жизнь, основанную на борьбе и насилии, заменить жизнью, основанной на любви и разумном согласии» (54, 116; 1901).

«Поймите, что вы не враги, а братья и не сыны каких (-то) выдуманных вами отечеств и государств, а сыны Бога, и потому братья» (54, 219; 1900).

«... правительство есть шайка разбойников»... («надо стараться их просветить») (55, 10; 1904).

Социалистический строй – «невозможное, фантастическое представление» (55, 67; 1904).

«Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и несвободен от него» (55, 111; дек. 1904 г.).

«В такие времена борьбы, как теперь в России, нужно, первое: воздержаться от того, чтобы помогать той или иной стороне; второе: отыскивать средства примирения» (55, 153; июль 1905 г.).

«Революция в полном разгаре. Убивают с обеих сторон... Люди насилем хотят прекратить, обуздать насилие. Вообще легкомыслие людей, творящих эту революцию, удивительно и отвратительно» (55, 167; окт. 1905 г.).

«Один из главных мотивов революции это – чувство, которое заставляет детей ломать свои игрушки, страсть к разрушению» (55, 175; дек. 1905 г.).

«Меня причисляют к анархистам, но я не анархист, а христианин. Мой анархизм есть только применение христианства к отношениям людей» (55, 33; 1906).

(Письмо к Черткову 10 ноября 1905 г.) «Чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется уйти в себя и не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела» (55, 419).

«Революционерами руководят, главное, зависть и често-и властолюбие. И что хуже всего, это то, что эти гадкие чувства прикрываются мнимой любовью и состраданием к народу и, что смешнее всего, мнимой любовью к свободе»... (56, 12; 1907).

31.1.1908 (написал длинное письмо Столыпину) (56, 95).

«Революции вызывают в людях, кроме прежних недостатков, еще самую противную... троицу пороков: гордости, зависти и злобы» (56, 100; 1908).

«Пока есть отдельные народы и государства, не может не быть войны» (58, 172; 1910).

«Революционерам надо сказать: нельзя, друзья, воздвигать храмов неумелыми руками, да еще и нечистыми» (56, 367; 1908).

4. Непротивление злу насилем (пассивное сопротивление)

«... без закона непротивления злу насилем все христианство рассыпается, как машинка из которой вынута пружина, державшая все вместе» (55, 107; 1904).

«Революция должна разрушить существующий порядок, но не насилем, а пассивно, неповиновением» (55, 156; 1905).

«Какая явная нелепость – насилием уничтожить насилие» (55, 157; 1905).

«Перестать повиноваться, и не будет правительства, а не будет правительства, не будет податей, солдатства, захватов земли – это просто» (55, 340; 1905).

«Что же делать? Ничего. Не грешить, служа ни теперешнему, ни будущему правительству» (55, 359; 1906).

5. Россия и Запад

«Спор славянофилов и западников... Как во всяком споре, оба справедливы»... (48, 123; 1870).

«Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы – цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать» (55, 233; 1906).

«Западные народы далеко впереди нас, но впереди нас на ложном пути. Для того, чтобы им итти по настоящему пути, им надо пройти длинный путь назад. Нам же нужно только немного свернуть с того ложного пути, на который мы только что вступили» (55, 243; 1906).

6. Техника и цивилизация вообще; интеллигенция

«Мысль о нелепости прогресса преследует» (48, 40; 1862).

«Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лже-христианскую». «Рост человечества необходим» (55, 145; 1905).

«Интеллигенция внесла в жизнь народа в сто раз больше зла, чем добра» (55, 153; 1905).

«Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Все обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведут: надо начинать новое» (55, 152; 1905).

«Люди прекращают общение с настоящей чудной природой: земли, лугов, лесов, вод, птиц, зверей, и строят себе другую природу заводских труб, дворцов, локомотивов, фонографов. Ужасно!!» (55, 367; 1906).

«Вся цель теперешней цивилизации – уменьшение труда и увеличение удовольствий праздности» (56, 38; 1907).

«Вместо того, чтобы учиться жить любовной жизнью, люди учатся летать... Это все равно, как если бы птицы перестали летать и учились бы бегать или строить велосипеды и ездить на них» (58, 93; 1910).

7. Сельская и городская жизнь; крестьяне

«Только при земледельческом труде всех может быть разумная, нравственная жизнь» (55, 217; 1906).

«Земледелие... есть единственная разумная форма жизни» (55, 227; 1906).

«Живя промышленной городской жизнью, нельзя быть нравственным» (там же).

«Мужики жалуются, что на них ездят, а сами ездят на сыновьях (и) на женах» (56, 51; 1907).

8. Литература

«Поэзия есть огонь загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает» (48, 129; 1870).

(После посещения старого поэта Я.П. Полонского)... «Полонский. Вот дитя бедное и старое, безнадежное. Ему надо верить, что подбирать рифмы серьезное дело. Как много таких». (49, 89; 1884).

«Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо» (52, 93; 1893).

«Романы кончаются тем, что герой и героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разженились, т.е. освободились» (52, 136; 1894).

«Все эти Грановские, Белинские, Чернышевские, Добролюбовы, произведенные в великие люди, должны благодарить правительство и цензуру, без которых они были бы самыми незаметными фельетонистами» (53, 90; 1896).

«Читал 'Даму с собачкой' Чехода. Это все Ничше, люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали; теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, т.е. почти животный» (54, 9; 1900).

«Читал Ничше «Заратустра»... и вполне убедился, что он был совершенно сумасшедший, когда писал... Каково же общество, если такой сумасшедший, и злой сумасшедший признается учителем» (54, 77, 1900).

«Горький – недоразумение» (54, 191; 1903).

«Какой ужасный умственный яд современная литература, особенно для молодых людей из народа», – «неясная, самоуверенная пустая болтовня... какого-нибудь Горького, Андреева, Арцыбашева и других...» (58, 109; 1910).

9. Наука и ученые

«...наука то, что называют теперь наукой, пустое дело... (она) старается сделать невозможное – материальными законами объяснить духовную жизнь» (52, 14-15; 1894).

«Все научные исследования ничтожны без религиозной основы» (55, 42; 1904).

«...единая истинная и нужная наука, которая теперь в загоне, – наука о том, как жить» (55, 257; 1906).

«Историко-экономические мнимые законы это только отрицание свободы человека, отрицание нравственности, оправдание зла» (55, 290; 1906).

«Вред медицины в том, что люди больше заняты телом, чем духом» (56, 35; 1907).

«Религиозная и научная деятельность несовместимы» (56, 94; 1908).

10. Искусство

«Искусство, как началось с игры, так и продолжает быть игрушкой и преступной игрушкой взрослых» (53, 72; 1895).

«Идеал всякого искусства, к которому оно должно стремиться, это общедоступность, а они, особенно теперь музыка лезет в утонченность» (53, 112; 1896).

«Высшее совершенство искусства это его космополитизм». – «Утонченность искусства и сила его всегда обратно пропорциональны» (53, 117; 1896).

«Искусство дошло до крайней степени эгоизма и сошло с ума» (53, 122; 1896).

«Церковная музыка потому и была хороша, что она была доступна массам. Несомненно хорошо только то, что всем доступно» (53, 125; 1896).

Автобиография

Дневники Толстого включают в себе множество записей автобиографического характера, из которых мы приводим лишь весьма немногие. – Записи эти, в большинстве, носят весьма пессимистический характер. Толстого угнетают собственное духовное несовершенство (его дневники полны злыми и уничтожительными самохарактеристиками) и зло царящее в мире; его духовное одиночество; непонимание и разлад в семье; роскошь и праздность жизни в барском доме Ясной Поляны, среди окружающей нищеты. Многократно встречаются записи: «Хочу умереть» или «хочу уйти от всего этого чуждого».

«Меня назначили мировым посредником, я принял» (48, 37; 1861).
«Подал прошение о школе. Я – приходский учитель» (там же).
«Дела по школам и по посредничеству идут хорошо» (48, 38; 1861).
«Я истощаю силы охотой» (48, 65; 1865).
«Шил долго и приятно сапоги» (49, 64; 1884).
«Я ужасно плох. Две крайности – порывы духа и власть плоти» (49, 97; 1884).
«Надо покориться мысли, что моя писательская карьера кончена» (52, 21; 1891).
«Писанье мое опротивело мне» (53, 60; 1895).
«Кончил 'Воскресение'. Нехорошо. Не поправлено. Поспешно. Но отвалилось и не интересует более» (53, 232; дек. 1899 г.).
«Ничего не пишу, занимаюсь Конфуцием, и очень хорошо. Черпаю духовную силу» (54, 54; ноябрь 1900 г.).
«Занимаюсь Конфуцием, и все другое кажется ничтожным» (54, 62; ноябрь 1900 г.).
«Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на службе людям. Это были: школы, посредничество, голодающие и религиозная помощь» (54, 94; 1901).
27-го окт. 1910 г. / прощальное письмо (Софии Андреевне) «...Сожалею о том, что мой уход из дома доставит тебе огорчение, пожалуйста прости меня за это. Но пожалуйста пойми то, что я не мог поступить иначе. Положение мое, человека, сознающего всю тяжесть греха моей жизни и продолжающего жить в этих преступных условиях безумной роскоши среди нужды всех окружающих, стало мне невыносимо»... – «Я ушел бы в монастырь, если бы верил тому, чему верят в монастырях. Не веря же так, я уйду просто в уединение. Мне необходимо быть одному. Пожалуйста не ищи меня и не приезжай ко мне, если узнаешь, где я. Прощай, благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мною и за твои заботы обо мне и о детях»... (58, 233-4).

Разное

«Толстой имел обыкновение сравнивать человека с дробью, у которой числитель означал его положительные качества, а знаменатель – его мнение о себе» (т. 52, примечание на стр. 353; 1894 г.).
«Александр Петрович (переписчик) у меня пишет... Он был бы не дурен, если бы не этот огромный знаменатель при очень маленьком числителе» (53, 159; 1897).
«Человечество – это огромное животное, которое ищет и не может найти, что ему нужно» (53, 220; 1899).
«Часто слышишь, что молодежь говорит: я не хочу жить чужим умом, я сам обдумую. Зачем же тебе обдумывать обдуманное. Бери готовое и иди дальше. В этом сила человечества» (54, 109; 1901).
«Бывают люди машинные, которые отлично работают, когда их приводят в движение, но сами не могут двигаться» (54, 201; 1903).
«Ничто не может быть признано причиной чего либо. Причины всего бесконечно разнообразны и отдаленны и необъяснимы» (55, 143-44; 1905).
«Одной причины какого бы то ни было явления никогда не может быть, Причина бесчисленное количество – все предшествующее может рассматриваться как причина» (55, 202; 1906).
«Стыдно не изменять своих убеждений, потому что во все большем и большем понимании себя и мира – смысл жизни» (55, 270; 1906).
«Самый глупый человек это тот, который думает, что (он) все понимает» (58, 104; 1910).

THE CONFESSION OF A NATURAL MAN

by Alexander P. Obolensky

Canst thou not minister to a mind diseas'd;
Pluck from the memory a rooted sorrow;
Raze out the written troubles of the brain;
And with some sweet oblivious antidote
Cleanse the stuff'd bosom of that perilous stuff
Which weighs upon the heart?

(Macbeth, v.iii.)

It is widely accepted that Tolstoy's «Confession» (begun in 1879, completed in 1882) was the turning point of his world-outlook. Indeed, no doubt can be raised about his eagerness to find a new meaning in life, nor in the sincerity of his repentance. Occasionally, even the term «conversion» has been mentioned. Although, from then on, a moralistic and philosophical trend prevails in Tolstoy's creative output, several important fictional narratives give evidence that the flow of his artistic inspiration was far from exhausted. An attempt to interpret these fictional writings in the light of Tolstoy's spiritual crisis is proposed here as the point at issue. At the outset, a few remarks of a general nature will help place this theme in its proper focus.

The feeling of repentance deriving from a confession is an inner acknowledgement by man of the wrong he has done in the past, but does it change the man himself? At first glance, Tolstoy's «Confession» might very well appear to be a continuation, deeply-felt and wider in scope, of his long familiar diaries and journals. At any rate, repentance does not mean conversion. A conversion, in its formal meaning, implies ultimate spiritual transformation, a mutation from what a man was to what he has become, a separation between «before» and «after». What about Tolstoy, then? In his case, as with every great master, the truth which emanates from their artistic creations may suggest a more significant disclosure and baring of the soul than a confession on a given subject.

Having passed through the catharsis of a didactic frenzy, Tolstoy in his later works, endeavored to weaken his bond with the material world.

He wanted to throw off that heavy multi-faceted ballast which made up the theme of his early writings. Whatever was happenstance, episodic, in *War and Peace* or *Anna Karenina* now becomes the point at issue; it deepens, becomes sharper, as if scrutinized through a looking glass. In the midst of tedious moralistic dictates, allegorical tales, religious teachings, vegetarian propaganda, and so forth, that same great artist reappears at times, moved perhaps with a greater urgency than before by worldly strivings. His narrative works provide us now with more intimate and more significant personal experiences and give support to the belief that Tolstoy's «Confession» continues through his fictional characters. Almost all of these, apart from their own *raison d'être*, are obsessed, like the author himself, by a keen awareness of death or subjected to the burning clash of human passions. Most of the time the structural unity rests on the same narrative pattern: acknowledgement of a gnawing distress arising from a sense of guilt for past wrong-doings, «Kreutzer Sonata» is the confession of Pozdnyshev; «The Death of Ivan Ilych» is a description not only of the hero's life, but it is also an account of his apprehensions about it: «Maybe I did not live as I ought to have done...». Although outwardly dissimilar, the story «Master and Man» comes close to «The Death of Ivan Ilych» in its inner content, whereby each protagonist, finding himself at death's door, offers some evaluation relative to his past life. A distressing outcry over sins committed and a painful acknowledgement of the world's vainglory fill up the pages of «Father Sergius». Even in *Resurrection*, the commentaries of the conscience-stricken *barin* strewn throughout the novel, provide the linking thread between episodes.

In examining the majority of Tolstoy's writings of this period, one is confronted with an inextricable dilemma: it is hard to reconcile the author's newly begotten and deeply pessimistic view of human deficiency on the one hand, and on the other, his ever-present, unshakable belief in the goodness of the natural man, which, from Eroshka of the «Cossacks» (1863), to the indomitable mountaineer «Hadji Murad» (1904), he maintained. Transcending all other values, his devout allegiance to nature cannot be dismissed in terms of a literary trend or orientation under the label of either «realism» or even mere «naturalism». Nature, for Tolstoy, is the psychological foundation of his whole being. For a proper understanding of the subject at hand, it is worthwhile to pause here to briefly elaborate on this fundamental question.

Like any broad empirical generalisation, the theory of the natural man rests on a series of assumed philosophical postulates. Tolstoy found this theory already formulated in the famous teachings of Rousseau and other French philosophers of the 18th century who supported the premise that corruption of the natural man was generated by civilized society. However, this sociological approach does not provide any clear definition

of a natural man, neither does it spell out in what manner a natural man would differ from an unnatural one. To put it otherwise, the concept of a natural man allows itself to be circumscribed or expanded at will. Yet, politicians speak of his inalienable rights, legislators of his natural rights, others, in the field of economics, seek normative conditions rooted in the natural order. Until his death, Tolstoy was a true admirer of Rousseau and fully shared his view regarding the inherent goodness of human nature, corrupted only by its contact with civilization.¹ The proponents of this theory maintain that the intrinsic harmony found in man's primitive state presupposes innate ethical values governed by and subordinated to the ascendancy of the mind. Without proper knowledge it is impossible to act rightfully. Evil is equivalent to and synonymous with ignorance; therefore virtuous actions are made possible only by proper education. It goes without saying that where proper knowledge can be found, righteous actions also can be expected. Thus, the nucleus of the moral imperative is switched entirely to the all-encompassing omnipotence of the human mind. The pursuit of his own happiness is another assumed postulate found in the theory of the natural man, although this striving cannot be observed in natural life where only indifference, struggle, and survival prevail. Moreover, in obeying his uncorrupted nature the primitive man is free to satisfy his sexual urge because it is a natural need. Therefore, the individual with whom such impersonal generative impulse is fulfilled, can very well be envisioned only as a means for mere sexual gratification. However, inasmuch as the natural man is a social being, his sexual impulse is sanctioned by society and kept under control within the bonds of matrimony for the sole purpose of orderly procreation.

I have dwelt on this subject at some length for it would be hard to exaggerate its importance within the frame of the present topic. Tolstoy's overwhelming allegiance to nature is submitted here as the dominant attribute which binds into one essential unity the artist, the moralist, and the preacher, irrespective of their own specific features. Indeed, it is beyond the grasp of average understanding to comprehend how this

---

¹ Although both authors start from the same premise, they arrive at different conclusions. While in *Le Contrat Social* Rousseau makes an attempt to reform social institutions, aiming at restoring a certain harmony between the individual and the society, Tolstoy rejects any attempt in that direction. He does not believe, as Rousseau did, that the subjugation of man to artificial needs created by civilization, is bound to make him unhappy, should he return to his natural primitive state, and that any attempt to improve human condition should be restricted to expanding individual freedom within the boundaries of modern society. For Tolstoy, however, the natural man is eternally good, truthful and sound. Only evil can be expected from society and the more distant man is from it, the sounder, more truthful, and better he is. A.O.

expert of «human soul mechanism»,¹ this master of fastidious psychological portraits, could either share the view of those who advocate such a baffling puerility as the equivalence of human goodness and proper knowledge, or believe in the human mind as the *primum mobile* of the moral imperative. We are faced here with a motivation which transcends Tolstoy's exaltations of primary nature. Perhaps we hear the voice of Tolstoy's own unrestrained nature.

He himself was deeply rooted in the soil, full of carnal passions, torn by incompatible contradictions. To be unwaveringly faithful to nature on the one hand and, at the same time exhibit modestly – *stydlivost'*, as well as compassion for his fellow-man, both feelings not found in the original state of nature, constitute Tolstoy's basic paradox. It could be contended that his famous theory of non-resistance to evil by violence was borrowed not at all from the Gospel, but was drawn from his own belief in the «divinity» of nature which does not oppose distortion by civilized man. In the introduction to the story «Hadji Murad» we read: «Ah! what a destructive creature man is... How many different plant-lives he destroys to support his own existence, thought I involuntarily, looking around for some living things in the lifeless black field.» The bloody halo which surrounds Hadji Murad does not prevent Tolstoy the pacifist, from likening his hero to a flower! Here the natural man overcomes the theoretician of non-resistance to evil by violence. But by contrast, what a feeling of sickened anguish emanates from such works as «Kreutzer Sonata», «The Devil», Father Sergius»! In these we find stunning narrative accounts of the denial of man's natural goodness. We witness his solitude, his failure, and his death. His tragic life and fate are not the result of his corruption by civilization or society. Here the power of the mind is helpless to save him. Reason can only confirm his degradation. In the above-mentioned works, the artist, through his fictional characters, refutes the moralistic theoretician, and there cannot be a more devastating criticism than this confession recorded in fictional form. If the tragedy of death in «The Death of Ivan Ilych» or in «Master and Man» might signify a certain transfiguration as spiritual transmutation to a better life then, in «Kreutzer Sonata» and in «The Devil», death is to be regarded as a liberation from despair, a fatal, although desired outcome. Both stories start with amorous enticement and end in either murder or suicide. Here, the power of erotic passion, though always present in Tolstoy's earlier writings, is set loose and bursts out with unrestrained violence. A brief outline of the story «The Devil» will help focus on this particular aspect of Tolstoy's frame of mind in his later years.

---

1 Vladimir S. Solov'ev, «Tri rechi v pamiat Doestoevskogo» in *Sobranie sochinenii V.S. Solov'eva*, Foyer Oriental Chrétien (Bruxelles, 1966-70), III, 191.

The story was written in 1889, at a time when the author's moralistic teachings acquired a particular intensity. The title describes the subject of the narrative. The genial simplicity of its plot is startling: what could be more unsophisticated than a brief love affair between a landowner and a peasant girl? The story to some extent is biographical, although it is difficult to assess what was experienced by Tolstoy himself, what part he heard from others, and what originated from his creative mind. In the process of artistic creation everything becomes his. Here lies the magnitude of his genius.

Shortly after his marriage in 1862 Tolstoy ran into the peasant girl with whom, while a bachelor, he had had a brief interlude. Most probably the memory of this enjoyable experience flashed again through his mind. It is likely that Tolstoy's straight-forward nature condemned such nostalgic, illicit feelings. However, much later, after his moral crisis, an acute feeling of guilt troubles him more intensely than before and finds an outlet in the story «The Devil».

The main personage of the story, young Eugene Irtenev, is presented as a natural, decent sort of fellow: «...it might be said that the better people knew him, the better they liked him.» «It was impossible to suspect any deception or falseness in one who had such open, honest face and particularly such eyes.» He spent his youth in the city where occasionally «as all healthy young men live, he had relations with women of various kinds... insofar as was necessary for physical health, and to have a free mind, he used to say.» Having settled in his family country estate, he soon noticed that his sexual self-restraint «was beginning to have an ill-effect on him.» At the outset of the story Irtenev looked at any young woman as an eventual possibility for sexual gratification. That he wished to safeguard an indiscriminate and anonymous frame of mind from any possible personal involvement can be deduced from his reply to «middle-man» Danila who praised the appearance of Stepanida «a tasty morsel»: «No, no... I don't want that at all. I want on the contrary (what could the 'contrary' be?)», asks Tolstoy, «on the contrary, I only want that she should be healthy and that there should be as little fuss as possible – a woman whose husband is away in the army or something of that kind.» On their first encounter «he had not even looked at her thoroughly.» In the beginning, the flame of passion waned in the absence of its source, but soon Irtenev's restlessness «was no longer impersonal.» Rather abruptly, Stepanida acquires an identity. Her personality is described only outwardly, as if carved in relief: «broad», «fresh», «firm», «with a full breast lifting the bib of her apron», «energetic», «a throaty voice», «bright black eyes.» Always wearing a red kerchief, constantly on the go, we meet her mostly out of doors where everything glitters in the midday glow, either among «a bright, many colored ring of

young woman and girls» or «against the background of a hazel and maple thicket, bathed in bright sunlight.» We also feel her presence where she is not, either by «the fresh imprint of her bare feet, and even of one that had slipped» or in that wood, where «biting on some leaves» while waiting for Irtenev, a trampled spot indicates that «everything within reach has been broken – the black alder, the hazel twigs, and even a young maple, the thickness of a stake.»

By contrast to Stepanida, the author presents a pale image of Lisa – Irtenev's wife. Her stretched-out, evanescent figure seemed to have been drawn in dim moonlight. «Her delicate, yellowishly white face» with «a delicate pink glow», «mild trusting eyes», «everything about her was long, her face and her nose (not prominently but downward) and her fingers and her feet.» «She was not a beauty... and yet she was not bad looking». Lisa is depicted most of the time indoors, in her household surroundings. While stepping out of her garden, upon crossing a little ditch «she fell gently on her side...» after which Irtenev «kisses her long, damp hand.» But one doubts the sincerity of their devotion to each other: the «happy» family life is recounted with a malicious smile, almost with mockery.

Irtenev's carnal obsession with Stepanida is conveyed with convincing psychological and artistic skill. Henceforth the memory of past sexual intercourse prey on his mind. In a somnambulistic walk when «midday comes – the hour of their former meetings and the hour when he had met her carrying grass – he goes to the forest.» Happiness seems to be possible only at the moment when he is with her. But soon even this eventuality vanishes. The erotic frenzy sweeps away all other values. Towards the end of the story Irtenev finds himself in some sort of hypnotic stupor: «She is a devil, against my will she has subjugated me» he moans in frantic delirium. At this point he ceases to value not only his own life, but the life of others. His free will is reduced to a single alternative: whom to kill? Murder or suicide – at this stage the final outcome is, to some extent, unimportant – turn out to be the only way out of sexual enslavement.¹

In this story the artist probes much deeper into the human soul than the moralist, in order to ascertain the ethical fiasco of the natural man. Tolstoy of course could not comfort his heroes in their fall by his didactic considerations. The human mind in fact is only a theoretical advantage: it is powerless to master life itself or to make it reasonable, and both Pozdnyshv in «Kreutzer Sonata» and Kasatsky in «Father Sergius»

---

1 It is significant to note that Tolstoy wavered between these two alternatives for the conclusion of his story: in the initial version Irtenev kills himself; in the second version, written some twenty years later, he murders Stepanida.

became the victims of that same devil of the Flesh. How pale and helpless are moralistic argumentations when juxtaposed to the truth of artistic imagery!

The same feeling of despair and helplessness permeates the story «Father Sergius». Here, the author deals with the problem of man's ethical behaviour with respect to religious momentum. Not only the human mind, but even the soothing power of prayer are unable to withstand sexual attraction. «Mary, are you the Devil?» asks the hermit Father Sergius on the verge of yielding to sexual temptation. «Oh, what does it matter? was her reply.» In this work we hear the lament of religious despair, of spiritual solitude. Father Sergius is faced with the same question as Irtenev was: «Shall I throw myself in the river? Hang myself?... as usual at moments of despair he felt the need for prayer. But there was no one to pray to. There was no God.» In «Father Sergius» Tolstoyan naturalism once more convinces us of the invincible power of the rule of natural sexual laws. Father Sergius withstood the seductiveness of Makovkina – an attractive woman «...in a cap and a coat of long white fur, with her sweet, kind, frightened, timid face,» even then, when behind the partition «he heard the silk rustle when she took off her dress.» However, he withstood the wiles of a conventional temptress only to fall overpowered by the sexual fascination of the coarse, primitive, senseless, and half-witted Mary. The psychological veracity of this incident is arresting.

One cannot help but be impressed by the radical change in Tolstoy's attitude towards his female personages after his «Confession». Among all the great Russian authors Tolstoy stands out for his exceptional ability to depict feminine characters. No one can use women's own language, their intonations, their specific wording better than he. His artistic intuition makes him fully aware of a woman's doubts, concerns, joys, and sufferings. Take for instance his portrait of Natasha Rostova, snapped in that mysterious transitional age when, no longer a child, she had not yet acquired a consciousness of her womanhood. Tolstoy's women are completely devoid of the specific features which, in the middle of the 19th century, characterized the conventional type of the «ideal Russian Woman». Tolstoyan heroines do not perform any heroic deeds, they do not protest against their surroundings, do not try to save someone. «It would be deceptive to try to find a common ground between, let us say, Kitty or Dolly from *Anna Karenina* and Helene from *On the Eve*, or Lisa from *A Nest of Gentlefolk*; or even between Katyusha Maslova and Sonia Marmeladova. His feminine personages are too much absorbed in everyday trivia, too much concerned about their household or about children, who, even though also present in the works of Dostoevsky, there have hardly any relationship with their mothers.» (P. Bitsilli, «Zametki o Tolstom,» *Sovremennye zapiski*, 60, 1936, 285).

In Tolstoy's later works female personages underwent a significant psychological metamorphosis. They are now described in a restricted, two-dimensional range; either they represent a mere female body («Kreutzer Sonata», «The Devil», «Father Sergius»), a diabolical vessel, hardly a human being but a beast, or they become abstract, sexless creatures indistinguishable from men, as for instance in «The Ways of Life» (1910). In other words, there is no longer any inherent femininity, nor its beguiling riddle. As a result, love between the sexes becomes considerably simplified: either it is reduced to a casual physical fulfillment, or the relationship between men and women becomes that of brothers and sisters. Why is it that in *Anna Karenina* Tolstoy praises Kitty and Levin's marital bliss? In fact, their family life was not substantially different from that of the Pozdnyshyevs in «Kreutzer Sonata». Yet, the family bonds of Kitty and Levin are presented to us as an example of normal marital relationship, while Pozdnyshyev declares: «we live like pigs.» It might be suggested that, to some extent, it is the same story interpreted from two different points of view. After 1888 Tolstoy's outlook on marriage as an institution underwent a radical change. His contempt for it as a social institution, already present in «The Devil», is given full display in «Kreutzer Sonata». It would be wrong, however, to attribute this attitude only to a sudden outburst of moralistic extremism. For Tolstoy marital life is now to be considered only as a ritual, as a social convention and therefore an inner deceit, so very contrary to his spontaneous naturalistic credo. Is it not better to remain morally pure rather than submit to society's conventional requirements?

In the present context it seems pertinent to set forth a few considerations on the subject of Tolstoy's religious doctrine. From its inception this complex and sensitive question has generated much criticism. Akin to his belief in the goodness of the natural man, Tolstoy's religious faith stems from a purely rational approach to religion. It makes use of intellectual methods, while completely ignoring its essential spiritual, non-rational counterpart. Tolstoy selects from different religious denominations only what could be rationally accepted by the human mind and combines it into one doctrine. But can one speak then in terms of religion *per se*? Man's theodicy, or a justification of a human being without God, has been rejected by all religions. In fact Tolstoy did not create any new religious theory in the literal sense of this word. Neither would his oversized, variegated and often divergent personality fit even the Tolstoyan sect founded according to the principles enunciated in his teachings. Criticism and denunciation of the official Church are recurrent themes within his writings on religion. Tolstoy strikes us not by his teachings, but rather by the magnitude of the questions he raised, by his lonely quest for God, a quest which after his excommunication, he pursued

until his death. The more Tolstoy persists in his naturalistic belief, the more important does the problem of evil become – evil that has to be understood, and evil that has to be suffered. Locked in the vacuous cage which represents the natural world, he finds only words of forbiddance – don't oppose evil, reject sensuousness, don't fight, don't drink, don't smoke. This negative ethic is more indicative of human despair, of spiritual loneliness and helplessness than revelatory of a religious conviction. The God of Tolstoy appears to be an inaccessible and impersonal cosmic deity, a distant, faceless and undefinable Supreme Reasonable Being upon whose breast Christian society no longer dares to rest its head, as did St John once, at the Last Supper.

I do not venture this opinion as an indictment of Tolstoy. It is not my intent, nor my place, to condemn or absolve anyone. But could it not be that those who search for God are closer to Him than those who have already found Him? A religious man could be distinguished not only because of his allegiance to a dogma or his observance of ritual, but through the importance he ascribes to questions and problems to which only religion can provide the answers. A truly religious man can also be defined in relation to the spiritual and existential problems which prey upon his heart, and to which he can find no answers outside of religion, these answers being to him as vital as the earthly blessings of this life are to others.

THE CORRESPONDENCE BETWEEN COUNT LEO TOLSTOY AND THE AMERICAN SHAKERS: INTRODUCTION AND TEXTS

by Richard S. Haugh*

Although there is a paucity of literature at present on the subject of Tolstoy's interest in and correspondence with the American Shakers, the situation will, it appears, soon be rectified. According to the 1977 *Shaker Literature: A Bibliography* (No. 2116),¹ Nicholas Fersen is presently working on a monograph specifically on this topic.² The sole purpose of this brief introduction is to present the religious and social development of Tolstoy's later thought. This thought ineluctably led him to an interest in various sectarian movements, including the Shakers. The possible influence of the Shakers on *The Kreutzer Sonata* and the point of agreement between Tolstoy and the Shakers must be mentioned.

I

After Tolstoy's critical year of 1879, a year in which he claims he even contemplated suicide, Tolstoy's *Weltanschauung* became increasingly individualistic and, to many, radical. While his social views and humanitarian empathy for the masses broadened, his religious views became overly

---

* Dr. Richard S. Haugh, currently a National Endowment for the Humanities' Fellow in Residence in Mediaeval Studies at Harvard University, is the author of *Photius and the Carolingians: The Trinitarian Controversy*, coeditor of and contributor to *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*; Editor of the *Collected Works of G.P. Fedotov*; and Editor-in-Chief of *Ways of Russian Theology* by Georges Florovsky. He is presently completing a major study in 8th- and 9th-century comparative Carolingian and Byzantine intellectual history.

¹ Compiled and annotated by Mary L. Richmond and published by the Shaker Community, Inc. of Hancock, Massachusetts (distributed by the University Press of New England in Hanover, New Hampshire).

² Nicholas Fersen's monograph will include, it is stated, «hitherto unpublished Tolstoi-Shaker correspondence». Presumably this would be the 7 letters (80 manuscript pages) written by Alonzo G. Hollister which are preserved in the State Tolstoi Museum in Moscow.

restricted to moralism and to a reductionist Christianity which, as Tolstoy himself fully realized, rejected most traditional Christian beliefs and forms of worship.¹ Tolstoy's religious convictions and the energy and aggression with which they were advocated evoked, finally, a response from the Russian Orthodox Church. On February 22, 1901 the Russian Holy Synod issued a Decree of Excommunication.²

These very views of Tolstoy which led to his excommunication also found a home in the hearts of many, both in Russia and abroad. These later convictions – a rejection of private property, a populism based on the peasantry or «the people», and a socio-religious anarchism – these views were disseminated in America where several religious groups quickly became interested in Tolstoy's ideas and, more importantly, in claiming Tolstoy as «their own».³ At the same time Tolstoy became increasingly interested in «things American», especially the religious movements of 19th-century America.⁴

---

1 In the years following 1879 Tolstoy wrote an attack on the Russian Orthodox Church *Kritika dogmaticheskogo bogosloviea [A Critique of Dogmatic Theology]*; *V chem moia vera [What I Believe]*; *Tak chto zhe nam delat? [What then Must We Do?]*; and the important *Tvarstvo bozhie vntri vas [The Kingdom of God is Within You]*. Tolstoy's moralistic aesthetic theory elaborated in *Chto takoe Iskusstvo [What is Art?]* belongs to this period of his life.

2 The Decree reads in part: «Count Leo Tolstoy preaches the abolition of all the dogmas of the Orthodox Church and of the very essence of the Christian faith with fanatical frenzy; he denies the living and personal God glorified in the Holy trinity... he refutes Our Lord Jesus Christ, God made Man... he does not believe in the life hereafter or in the judgment after death; he refutes all the Mysteries of the Church and their beneficial effect... he has not feared to mock the greatest of all mysteries: the Holy Eucharist... Therefore the Church no longer recognizes him among her children and cannot do so until he has repented and restored himself to communion with her». (English translation from Henri Troyat, *Tolstoy* (New York: Doubleday, 1967), p. 560 f.). In fairness it must be pointed out that the Decree of Excommunication accurately described Tolstoy's positions and that Tolstoy was not disturbed by the excommunication.

3 For example, the American Swedenborgians sent Tolstoy their *New Christianity* and the Mormons sent him a Mormon Bible and a biography of Joseph Smith. Tolstoy found the former to be spiritually devout but interpreted Mormonism as deceitful.

4 For example, Tolstoy was profoundly impressed by Edward Bellamy's *Looking Backwards* (1888), a novel which takes place in Boston in 2000 when the U.S. is under socialism. According to Bellamy's novel, one works only until age 45, there is no poverty, and everyone is motivated by honor. Tolstoy was also deeply impressed by Adin Ballou's *Christian Non Resistance Catechism*. His letter of June 30, 1890 to Ballou reads in part: «The non-resistant catechism I have translated and will circulate it among our friends... I quite agree with you that Christianity will never enter its promised land till the divine truth of the non-resistance principle shall be recognized, but not the nominal church will recognize it. I am fully convinced that the churches are and have always been the worst enemies of Christ's work. They have always led humanity not in the way of Christ, but out of it...» (From L.N. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii*, vol 65 (Moscow, 1953), p. 113; see also pp. 34-36).

II

It was during this stage of his life; that is, during the time of his later socio-religious views and during his interest in American socio-religious movements that Tolstoy became preoccupied with the question of chastity and the problem of marriage. He received and read the writings on and by the Shakers while he was writing *The Kreutzer Sonata* [*Kreitzerova Sonata*]. The same Tolstoy who once positively portrayed domestic life in *War and Peace* and who later described the deterioration of a marriage in *Anna Karenina* now totally disavows any value in marriage. Indeed, through Pozdnyshv in *The Kreutzer Sonata* marriage is condemned as perverse.

Accounts vary concerning the origin of Tolstoy's *The Kreutzer Sonata*. What is known is that he received *some* inspiration¹ for this *novella* by listening to Beethoven's *Opus 47* – the *Kreutzer Sonata*² and that he received Shaker literature while in the process of writing the *novella*. Perhaps the most accurate account comes from Tolstoy's daughter in her book *Tolstoy – A Life of My Father*.³

III

It is noteworthy that Tolstoy's diary entry on April 9, 1889 reads: «I read the writings of the Shakers... Perfect, Total chastity Odd to receive them just when I am concerned with the question.» Who, then, were the Shakers and what was the point of agreement between them and Tolstoy?

---

1 In the spring of 1888 at the family's Moscow residence Tolstoy was deeply moved by Beethoven's violin and piano sonata.

2 So named because it was dedicated to the French composer and violinist, Rodolphe Kreutzer.

3 Alexandra L. Tolstoy, *Tolstoy – A Life of My Father* (Nordland Publishing, 1975), p. 300 ff.: «It must have been on this spring evening when the young man played the Beethoven sonata... with especial verve. The first part, which Tolstoy particularly liked, strongly affected everyone present. They spoke of how fine it would be if Tolstoy wrote a story on the theme of the Kreutzer Sonata, and Repin illustrated it and Andreyev-Burlak acted it. This idea was not realized; Andreyev died shortly afterward. But in Tolstoy the idea continued to mature. It is difficult to say exactly when the theme of *The Kreutzer Sonata* first entered his head – that evening, under the influence of music or very much earlier, when in the 1870's he sketched out and then abandoned a story called *The Murderer of His Wife*... But Sophia Andreyevna wrote in her diary in December, 1890, that the idea of making a real *story* was given to him (Tolstoy) by Andreyev-Burlak, an actor and wonderful storyteller. Then Sophia Andreyevna added: 'It was he who told about how once in a railroad train a man confided in him the misfortune of his wife's unfaithfulness and this was the subject used by Lyovochka'.»

The Shakers,¹ the largest *communal* religious society in American history,² actually originated in France during the time of Louis XIV (1638-17-5). A group of French «prophets» claimed that the Holy Spirit had prophesied the imminent second coming of Christ and had warned that they must return to primitive Christianity. The movement, persecuted in France, spread to England where it gained converts, especially from the ranks of the Quakers. In 1758 Ann Lees Standerin (1736-1758), better known as Ann Lee Stanley or Mother Ann, joined the movement.³ Ann Lee began to assume a position of leadership within the ranks of the sect. At their meetings the sect shaked in dance, whirled, shouted, prophesied, and sang in tongues. In 1770 Ann Lee and others were arrested for profaning the Sabbath. It was in prison that she claimed to have received a revelation which clearly revealed the essence of the «mystery of iniquity» – sexual participation. In 1774, after being released from prison, she came to America with seven disciples. She and her followers believed that she was the «female principle in Christ,» the female counterpart of Jesus, the bride of Jesus, and worthy of honor and respect. In general, the underlying doctrine of the American Shakers was sexual dualism. If, they held, God created mankind in his image, then it clearly follows that, if there is male and female, then God must be both masculine and feminine. The revelation in Jesus was masculine and hence incomplete. The culmination of revelation was reached in Mother Ann as female, as the mother of all spiritual things. Restoration of all things had to be sought by a simultaneous, unmixed spiritual ascent by both sexes. The key to salvation and restoration lay in sexual chastity.⁴ It was the Shaker doctrine of chastity which interested Tolstoy. His letter, dated August 25, 1890, to Charles Anderson is illustrative:

---

1 Formally the Shakers were known as the United Society of Believers in Christ's Second Appearing; the Alethians; or the Millennial Church.

2 The Shakers were famous for their organization, their ingenuity, and the prosperity of their communal farms. Few are aware of the inventions of the Shakers: a special type of broom; a special type of non-peeling paint (the nature of which still remains unknown); the screw propeller: a rotary harrow; a turbine waterwheel; an automobile spring; a threshing machine; the circular saw; the clothespin. The Shakers were also the largest producers of medicinal herbs and were the first to package and market seeds.

3 Illiterate, poor, and prone to ill health, Ann Lee worked at various jobs in her youth and was dismayed by the suffering condition of child labor. The wife of a blacksmith, she experienced bitterness and tragedy in marriage – her four children all died in infancy.

4 Mother Ann died in 1784. In the early 1800's the Shakers grew rapidly until by the mid-19th century they had approximately 6,000 adults. Their growth was based on converts and the adoption of orphans. Today the sect is almost extinct.

Dear Sir,

I have tried to answer your question in the epilogue to the *Kreutzer Sonata*. You ask if I mean that sexual intercourse should not be indulged at all. I answer: yes. Every man and woman ought to know and believe that it would be better for him or for her to be completely chaste (in marriage or out of it) and to have no sexual intercourse at all...¹

IV

TEXTS²

Letter 1: Tolstoy to A.G. Hollister October 18, 1889 (spelling, punctuation and syntax are Tolstoy's)

Dear friend,

Last spring I was busy writing a book about marriage and I got quite new views of the matter. At the same time I was reading the books I could get about communiti's in America. I read Noyes book and a book of a German whose name I forgot. In those books I found quite new notions for me about the Shakers. At the same time I received a letter from a Shaker with books, treats and three photographs. I read the books and was very thankful to the brother, who sent me them, but infortunally I lost the letter with the address, so that I could not answer and thank him. Now I received your books, and treats and letter. I read it all and thank you for it. All this strengthens my vews on marriage, which I expose in my book that I am just now finishing. I think that the ideal of a christian always was and must be complete chastity and appreciate very much your books about that matter.

I know that you, shakers, speak always the truth and therefore expect the same from others. So I will tell you frankly all what I think of your religious views. I think that you profess the true christian religion and the true christian life, but you believe in two things in which I never can believe and you ought not: firstly, in the *saintity* of the whole Bible, including in it the old Testament, the Epistles and the Revelation of mother Ann, and secondly that you believe in manifestation of spirits.

---

1 L.N. Tolstoi, *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 65 (Moscow, 1953), p. 149.

2 The first text was published in L.N. Tolstoi, *Polnoe sobranie sochinenii*, vol 64 (Moscow, 1953), p. 319. The remaining letters came from the North family at Mount Lebanon. They were published in a Shaker publication (*the Peg Board*) in 1936.

The true revelation of God is only in the words of Jesus which are recorded in the Evangeliums and those only can guide us. There are no other spirits than our spirit, which is always battling with matter. Spirit is only the opposit of matter and can manifest itself only in matter. All manifestations of spirits without matters are delusions.

Please do not deprive me of your love for my boldness; I very much appreciate your good disposition to me and love you.

Leo Tolstoy.

Letter 2: Frederic W. Evans to Tolstoy

Mt. Lebanon, N.Y., U.S.A.

Dec. 6th. 1890

Leo Tolstoy

Dear friend:

I am deeply interested in you & your work, so far as I understand both you & it.

Wisdom says, "I love those who love me"; & we love those who are in the same truths that we ourselves are in. It is wonderful how clear are your ideas in relation to the definition of the words Christian & Christianity. Calvin Green (some of whose writings you have seen) was an inspired man. He was spiritually impressed about the future of Russia: & he was enthusiastic upon the subject. Leo Tolstoy seems to be inspired to begin the fulfillment of the prophecies of Calvin Green.

I purpose to send you some of my writings to read & to criticise; & in so doing, I shall be much obliged. Why should not theologic problems be subject to the same rigid logic that mathematical problems are subject to? And why should not theologians be as cool & self-possessed as are mathematicians? If possible, they should be far more so: they should love each other; & that would be like oil, in all parts of a complicated piece of machinery.

You are "pained" at our ideas about "Ann Lee, & spirit intercourse" between parties in & out of mortal bodies. I suppose it to be caused by misconceptions of what our views have been & are *now*, at this present writing. What they *were*, when the 'millennial Church' was written, leave to the people of those times. Paul says, "When I was a child, I thought & spake as a child: but when I became a man, I put away childish things, & thought & spake as a man." Should that not be the case with those who are in the "kingdom of heaven," - of whose *increase* & government, to order & establish it in justice & judgment, "there should be no end?" The little stone cut out of the mountain, without hands - by revelation -

grew, & became a great mountain, & filled the earth. You are exactly adapted to the present condition of the people of Russia.

At one time, the God of Israel told Moses that he would not lead the people of Israel hereafter; but that he would appoint an angel in his place, as leader. Israel, instead of increasing with the increase of God, has retrograded.

I will send you an 'Open Letter' that I wrote to Judge Thayer, who released a man that had been arrested under the ruling of the Post-master-General Wanamaker, "that your book was immoral, & that it was unlawful to sell it." The letter to the Judge had an extensive circulation. I will also send you my Autobiography.

What is your age? Do not work too much for your age & strength: where the mind is as fully employed as is yours, the muscles are easily overdone. Why cannot you come to Mt. Lebanon, & see "what God hath wrought?" It would do you good.

A poor, illiterate, uneducated factory-woman has confounded the wisdom of all *men*-reformers, legislators, & scholars, who have come to nothing, as promoters of human happiness. Their systems have ended, in Christendom, as you now see it; & as Booth & his companion who inspired him, saw it. The end has come! & Tolstoy & Shakerism remain, as the last hope of mankind.

Love to you
F.W. Evans

Mt. Lebanon, Col. Co., N.Y., USA

Letter 3: Tolstoy to Frederic W. Evans January 27, 1891

Dear Friend and Brother,

Thank you for your kind letter, it gave me great joy to know that you approve of my ideas on christianity. I was very much satisfied with your views upon the different expressions of religious sentiments, suiting the age of those to whom they are directed. I received the tracts you sent me and read them not only with interest but with profit, and cannot criticize them because I agree with everything that is said in them. There is only one question, that I should wish to ask you. You are, as I know, nonresistants. How do you manage to keep communal but nevertheless - property? Do you acknowledge the possibility for a christian to defend property from usurpators? I ask this question because I think that the principle of non-resistance is the chief trait of true Christianity and the greatest difficulty in our times is to be true to it. How do you manage to do so in your community?

I received your tracts; but you say in your letter that you have sent me books, do you mean that you have sent me books and tracts, or do you call the tracts books?

I received more than a year the Oregon paper "Worlds Advance Thought". I have several times seen your articles in it. I am very thankful to the editor for sending this paper; in every No. of it I get spiritual nourishment and if it were not for some spiritistic tendency, which is foreign to me, I would absolutely agree with all its religious views. I like this paper very much. With sincere respect and love, Yours truly,

Leo Tolstoy.

Letter 4: Frederic W. Evans to Tolstoy

Mt. Lebanon, March 6/91

Leo Tolstoi

Dear friend and brother,

Your welcome letter of the 3, ult. duly received. There is much union of sentiment between us, and more union of spirit.

You are ministered unto by a Christ Spirit, as Jesus was.

It is not for yourself alone, but has reference to thousands of other souls who are ripe for the harvest sickle. The "end of the world" is coming upon them. Russia is a mighty Empire. It has produced large crops of spiritual men and woman, in the past, under the first appearing of Christ, in the male order.

They knew God as a heavenly father, but not as a Heavenly Mother. They had a male priesthood Order. They were a John the Baptist people, looking, waiting, praying, for the "coming of our Lord."

They were sincere and self sacrificing, but "knew not how to pray." being blinded by theological ignorance and consequent error. The Mennonites & Moravians and what a noble people!!

And many others, bearing different names, but all actuated by the same Christ Spirit, down to the Quakers, as Friends. Who came nigh unto the Kingdom of Heaven.

These were the "Two Witnesses" – Male and Female – who prophesied, prayed, and practised Christian virtues, "in part." Their persecutions were not "in part," but in whole. And those who brought them to the "Holy Inquisition," or killed them by thousands, under the Duke of Alva, or by a Saint Bartholomew massacre, "thought they were doing God good service." All the great European nations are *Christian*. War is a

permanent institution among them. They are exhausting their national resources either fighting, or "in Peace, preparing to fight". Do they not all pray to the same God to help them kill each other? Could the Devil do any worse by them?

You ask, "How do you manage to keep Communal, but nevertheless - property. Do you acknowledge the possibility for a Christian to defend property from usurpers?" These are important questions. Jesus said, "Be ye perfect, even as your father in Heaven is perfect." That is the *end* of our Christian travail. But is it the *beginning*? Did Jesus come to it, while yet in the body? "Jesus was not yet perfected." This is said of him after his death. If we scrutinize closely the history of Jesus, from birth to death, do we not see growth, from where he was to where he would be? "He saw the travail of his soul and was satisfied." Suppose we should have a list of the sins that he confessed to John, before he was baptised, and previous to the Christ Spirit descending upon him? And then suppose we make another list of the various transgressions and violations of the abstract principles of Christianity as you and I now see them? What would be the result? Should we not conclude that he was our "elder brother," was "touched with a feeling of our infirmities," because he had the same nature, and by it "was tempted in all respects like those whom the Christ Spirit came to redeem." He was simply "the firstborn of many brethren" just as Ann Lee was the first born of many sisters.

The Mennonites, Moravians, and Quakers, were non resisters, as were most of the "true Witnesses." Not until the separation of Church and State, by "the horns" - Infidel powers - that grew out of the "Beast," in the Am. Revolution, could "communal property" be held by non resisters. That is the "New Earth," and has it become more perfect in its righteousness, the "New Heavens" will be nearer perfect in all of the Christian virtues. It will travail from Faith to Faith, through seven Cycles, unto the perfect day. The light shining brighter and brighter until the light of one day shall be as the light of seven days. We hold and defend our Communal property under the Civil Laws of the New Earth. But in no case, or under any circumstances, should we injure a fellow being. You see that our Civil government is the voice of the people - Vox populi, Vox Dei - And the people who are the Rulers, are more progressed than are the Rulers of Russia or of any Church-and-State Government on the face of the Earth, we - the Shakers - under the Am secular Gov't can carry out the abstract principles, taught by revelation of the Christ Spirit, more perfectly than has hitherto ever been done by mortal men and woman. Just as we do carry out sexual purity, notwithstanding the sexes are brought face to face, in every day life, living without bolts or bars, in the same Household of Faith. Come and see what God hath wrought.

Dear friend, Come to Lebanon and bind your joining to the Church of Christ's Second Appearing.

Then, return and found the Order in Russia, with consent of the Government, which the Shaker Order can and will obtain for you.

Calvin Green, one of our prophets, many years ago, predicted a glorious spiritual work in Russia. A Russian Minister visited Lebanon and was very friendly. He invited the Order to Russia. Has not the time arrived? And are not "Thou the Man?" In the Church of Christ Sd. Appearing, the Spirit is of God. It is not of the people. "Ye have not chosen me but I have chosen you" – And Revelation of God is the Rock upon which the Church is founded. And the Gates of Hell – religious controversy – will not prevail against it.

Frederik W. Evans

Letter 5: Frederik W. Evans to Tolstoy

Mt. Lebanon, Columbia Co., N.Y., U.S.A.

Leo Tolstoy, Dear friend, A.P.C. from you was the last we have heard. We often speak of you. And our prayers for your health and safty are unceasing. The Shakers are your fast friends. You will be a welcome visitor, if Providentially you are led to our continent to visit the World's Fair. The North Family will be your home. All Societies of Shakers are your fast friends. You are recognized as a servant of God and a friend to your race. As such, the blessing of God rests upon you. The truths that will constitute the Millenium are open to your spiritual vision. There are a few, here and there, who are with you. The fact that the whole Shaker Order live out the principles you advocate, can but be encouraging to you.

The Government does not interfere with us. One poet said, "Slaves cannot live in England. That moment their feet touch our soil, their shackles fall." Spread it then, until wherever Britain's power is felt her justice shall be as fully inherited.

That hope has been wonderfully actualized. It will be so with your aspirations regarding spiritual things. When you can see seventeen Communities of people whose every right is secured to them, whose every rational want is supplied, does it not demonstrate that all mankind may be made happy in this world?

Our Sisterhood are redeemed. The Rights of woman are theirs, the rights of property we enjoy. Capital and Labor are at peace. Hygiene is religion with us.

Love to you again and again. A love that would cheerfully – gladly – give you and yours a life home.

ANGLO-AMERICAN BOOKS ON L.N. TOLSTOY :

A critical bibliography for the 70's

K. Filips-Juswigg*

This critical bibliography includes books on L.N. Tolstoy in English published in England and America or by English or American writers published elsewhere during the 70's. As the number of monographs on Tolstoy alone would indicate, the current decade has witnessed a striking increase in English language publications in the general field of Russian literature. In the 60's an increase in publications on Tolstoy among other major Russian writers was considerable.¹ The decade of the 70's has not yet ended, while the quantity of monographs on this writer has already superseded the number of similar publications of the preceding 60's.

Increasingly intelligent, profound and methodologically updated scholarship in the area of Tolstoy's art and the artistically relevant human and psychological features of the man seem to have noticeably changed an earlier concern with the simple need to fill «huge gaps» in the English language studies of major Russian literary figures. Among other things, Anglo-American researches have contributed their distinguishing mark (no matter how imperfectly implemented at times) of English and American literary tradition and their critical methods.

The following bibliography attempts to present as complete a record as possible of the available publications on Tolstoy in the 70's. All major bibliographies in the field and other occasional and relevant sources have been carefully searched to fulfill the task. It does not include articles appearing in scholarly journals, or reprints (a considerable number of both categories of high quality was published in the current decade), or TV guides for productions of Tolstoy's works in the media. Occasional publications among those listed below are not monographs in the strict sense of the word: (Speirs), critical editions (Gibian, Sisk), a few translations

* Katherina Filips-Juswigg. Professor of Russian. Wisconsin-Milwaukee.

1 Robert Whittaker, «A Checklist of English-Language Books on Russian Literature: 1960-1970». *Zapiski Russ. Akad. Gruppy*, VI, 1972, 81.

(I. Tolstoy, B. Eikhenbaum), a mixed collection of ethico-religious essays (ed. Murray) are included along with other books in order to complete the list of English-American publications on the writer.

Benson, Ruth Crego. *Woman in Tolstoy: The Ideal and The Erotic*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 1973. xii. 141 pp. \$ 6.95.

The author of this first book dedicated to the study of Tolstoy's views of woman, faithfully pursues the subject, concentrating on Tolstoy's basically divided image of woman «as both angel and devil». Benson considers most of Tolstoy's relevant major works, but surprisingly leaves out *Resurrection*, thus missing an important development in Tolstoy from Anna to Katjusha.

Carroll, Sara Newton. *The Search: A Biography of Leo Tolstoy*. New York: Harper and Row, 1973. 155 pp.

This seems to be a short edifying biography of Tolstoy, probably meant for a young audience. The author concentrates on Tolstoy's search for peace, truth, freedom, and God. It is illustrated by Stephen Gammell.

Cohen, Elliot F. «The Genre of the Autobiographical Account of Childhood – Three Test Cases: The Trilogies of Tolstoy, Aksakov, and Gorky», Yale University (PhD dissertation), 1973.

Although the book's subtitle suggests a study of «the novelist», Crankshaw's interest lies mainly in Tolstoy the man and his psychological peculiarities. As a lavishly illustrated (over one hundred photographs) popular biography of Tolstoy, this volume, produced by a well-known journalist, will have its main appeal for the general reader.

Eikhenbaum, Boris. *The Young Tolstoj*. Translation from the Russian and edited by Gary Kern, et al., Ann Arbor: Ardis, 1972. 141 pp. \$ 2.95.

This translation by Gary Kern and his group of one of Eikhenbaum's seminal formalist writings on Tolstoy is probably one of the most significant recent contributions to the studies of the writer in English. In *The Young Tolstoj*, and in his other books on the same writer, Eikhenbaum

analyzes Tolstoy's concrete artistic method, his stylistic and structural devices, leaving aside Tolstoy the man and his psychological features. The three central chapters of the book consist of 1) Diaries (1847-1852), 2) Experiments in the novel, 3) The struggle with Romanticism. The translation is good.

Greenwood, E.E. *Tolstoy: The Comprehensive Vision*. New York: St. Martin's Press, 1975. 184 pp. Cloth \$ 10.95.

This book belongs to the category «life and work». It begins «with a brief account of the main events in Tolstoy's life» and then investigates in detail connections between that life and the writer's work. Basically Professor Greenwood painstakingly recapitulates main points of earlier critical studies of Tolstoy's work and offers a few new insights. It seems to be a serious, concise introductory study.

Gun, Elizabeth. *A Daring Coiffeur: Reflections on War and Peace and Anna Karenina*. Totowa, N.J.; Rowman and Littlefield, 1971. x, 146 p.p. \$ 5.00.

In the chapter «*On War and Peace*», the first of the two chapters of this book, the author explores «the euphoria *War and Peace* engenders in its readers»; she also looks for the «blight that corroded his life and work». In the second chapter «*On Anna Karenina*» the emphasis is shifted from the traditional theme of marriage to the problem of individual isolation. While it is an independent, or rather, subjective, approach to Tolstoy, the book also offers some fresh insights.

Hayman, Ronald. *Tolstoy*. New York: Humanities Press, 1970. 116 pp. \$ 3.50.

This book was published as a guide for the students of literature and general readers. As an aid to the study of Tolstoy, the novelist, it is well-organized and will serve as a good introduction to Tolstoy's creative method.

Murphy, Terry W. «Dostoevsky and Tolstoy on Dickens' Christianity» Kent State University (PhD dissertation), 1973.

Salaman, Esther. *The Great Confession: From Aksakov and De Quincey to Tolstoy and Proust*. London: Allen Lane; New York: St. Martin's, 1973.

Samson, R.V. *Tolstoy: The Discovery of Peace*. London: Heinemann; New York: Pantheon, 1973. 205 pp.

This author follows up Tolstoy's conflicting attitudes towards the politics of war and power with particular attention to Tolstoy's novel *War and Peace*. The book consists of three chapters: 1) Tolstoy, Lev Nikolaevich: Religion and Ethics, 2) Power (Social Sciences), and 3) War. Perhaps the most informative part of the book is the historic study of the earlier ideas on war and politics found in DeMaistre, Stendhal, Herzen, and Proudhon. Dr. Samson concludes his book with a political epilogue on the Cuban missile crisis.

Simmons, Ernest J. *Tolstoy*. Routledge Author Guides, London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. 260 pp. pb. \$ 6.00.

The first impression this book gives is that it is very comprehensive as a popular, well-rounded introduction to the total Tolstoy, as man and artist. The scholar, however, will miss many, now classic, insights into Tolstoy's art.

Sisk, Jean C. *Lessons in Critical Reading and Writing: Three Masters of Russian Fiction*, New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970. 413 pp.

In addition to Tolstoy, the book deals with Turgenev and Dostoevsky. It is an introductory critical learning guide to the writings of the three Russian masters. «The major purpose of this book is to ...open, for American readers, the door to one of the greatest literary worlds.» Alongside the stories by the three writers, the compiler offers samples of critical opinions from Henry James, D.S. Mirsky, M. Gorky, L.N. Tolstoy, M. Slonim, E. Simmons. A chapter on the problems of translation is also included.

Speirs, Logan. *Tolstoy and Chekhov*. London and New York: Cambridge University Press, 1971. 237 pp. \$ 8.00.

The author's obvious purpose was to present a comparative study of the two writers. He roughly divides the book into two parts; in the first he deals with Tolstoy, in the second with Chekhov, occasionally juxtaposing the two. There is also «A Note on Tolstoy and D.H. Lawrence»

at the end of the book. Unfortunately, the work suffers from over-generalizations and wrong statements («Tolstoy and Chekhov form a pair in Russian literature», Tolstoy's characters are «faithful reproductions of experience itself», Tolstoy uses «direct reporting», etc.) and similarly controversial conclusions.

Stenbock-Fermor, Elisabeth. *The Architecture of Anna Karenina: A History of its Writing, Structure, and Message*. Lisse: Peter de Ridder Press, 1975. 127 pp.

The author sets out to examine Tolstoy's design in the novel's architecture which, in his own words, is built not through «the plot» or «the relationship of the characters» but through «the inner linkage» and «inner content». The author attempts «to trace patterns of the invisible pillars». She successfully builds her arguments around Tolstoy's eight architectural pillars, including the family principle and the quest for the meaning of life. Within the limited space of 124 pages, she has probably written one of the best contemporary scholarly analyses of the novel in English.

Tolstoy, Alexandra. *Tolstoy: A-Life of my Father*, Nordland Publ. Co. Mass., 543 pp. \$ 8.95. Alexandra L'vovna Tolstoy, daughter of and personal secretary to Leo Tolstoy, is internationally known for her humanitarian work as well as for her writing. She is the founder and President of the Tolstoy Foundation. This work is a well written intimate biography of one of Russia's greatest writers, thinkers and personalities.

Tolstoy, Ilya. *Tolstoy, My Father; Reminiscences*. Transl. by Ann Dunnigan. Chicago, Illinois: Regnery Co., 1971. 320 pp. \$ 7.95.

Reminiscences by Tolstoy's son Ilya were first published in 1913; in 1914 they were translated and published in London. The book before us is the first translation of his latest revised version of 1969 as it appeared in the Soviet Union. Ilya Tolstoy describes family life. Ann Dunnigan's translation is not without errors, but on the whole, it is acceptable.

Tolstoy, Leo. *Anna Karenina*. The Maude Translation, Background and Sources, Essays in Criticism. Edited by George Gibian. (Norton Critical Editions). New York: W.W. Norton, 1970. xlv, 920 pp. \$ 3.45.

Many professors and students will welcome this handy critical edition of *Anna Karenina* which follows Professor Gibian's earlier similar publication of *War and Peace*. The new book comprises the text of the novel, its publication history, a chronology of Tolstoy's life, excerpts from letters, diaries, and newspapers, and essays in criticism by Dostoevsky, Matthew Arnold, Merezhkovsky, Eikhenbaum, Lukács, Lubbock, Steiner, and Blackmur, to name a few. Surprising in the edition is Gibian's choice of Maude's translation over Berberova's and Kent's revised Garnett's translation. Although this publication is not free from translating and other errors it undoubtedly will serve its original purpose.

Tolstoy, Leo. *Why Do Men Stupefy Themselves and Other Writings, with Studies of Modern Pharmacology and the Mysterious Drop of «Drugs» and «Drugging» in the New Testament*. Ed. Meredith Murray. Hankins, N.Y.: Strength Books, 1975. 164 pp. Paper. \$ 2.50.

The book reflects Tolstoy's later period of mostly moral and religious writing. It contains three of Tolstoy's essays «Why Do Men Stupefy Themselves?» «The First Step», «Industry and Idleness» and the editor's own essays of similar character.

Zweers, Alexander F. *Grown-up Narrator and Childlike Hero: An Analysis of the Literary Devices Employed in Tolstoj's Trilogy Childhood, Boyhood, and Youth*. The Hague and Paris: Mouton, 1971. 165 pp.

The author of this contemporary study of Tolstoy's methods applied in his famous trilogy to recreate child's consciousness, its relationship to the outside world, uses subtle modern tools of literary criticism. Both his theme and his approach merit serious attention.

WAS TOLSTOY A TRADITIONALIST OR AN INNOVATOR?

by Boris Sorokin*

This question is not easily answered. The conservative element has long been a stumbling block for interpreters of Tolstoy. Dostoevsky and Plekhanov, although ideologically far apart, both tried to expose him as a reactionary.¹ Critics also saw Tolstoy as a conservative because neither serfdom nor nihilism are important issues in his works. Others felt that the religious element in them meant that Tolstoy the preacher was interfering with Tolstoy the artist. The implication was that, freed from this religious straitjacket, Tolstoy would be able to write better. But these views are simply restatements that there is a philosophical element in Tolstoy's work and hardly an explanation for his overwhelming importance as a cultural phenomenon.² Assuming this to be the case, how does one explain his influence and the fact that he is greatly admired in the Soviet Union today? This admiration for an old-world aristocrat, in spite of his religious stance, is not explained by Lenin's articles about him as a «mirror» of the Russian revolution.³ Historical, biographical, economic, cultural, even political explanations are available, but its moral and political basis, to the extent that it is seen as moral and political, will not enforce consensus or always stand scrutiny. Moreover, to rely on them is to reduce our theories of literary value. And even then, are we sure that any public, general idea can be the prime cause of such emotional intensities? A better explanation is called for. One is moved

---

* Boris Sorokin, Slavic Dept. University of Kentucky.

1 Dostoevsky in *The Diary of a Writer* for 1877 (cf. his critiques of *Anna Karenina*), and Plekhanov in a series of articles dated from 1907 to 1911. [They are reprinted in *L.N. Tolstoy v russkoi kritike*, S.P. Bychkov, ed., (Moscow, 1960)], as well as in various statements in his *Literaturna iestetika: Teoriia iskusstva i istoriia esteticheskoi mysli* (2 vols. Moscow: GIKHL, 1958), passim.

2 Andrei Bely [Boris Bugaev] describes Tolstoy as the most momentous phenomenon of Russian life during the nineteenth century. *Tragediia tvorchestva: Dostoevsky i Tolstoy* (Moscow: «Musaget», 1911), p. 36.

3 «Lev Tolstoy kak zerkalo russkoi revoliutsii» [1908], reprinted in *L.N. Tolstoy v russkoi kritike*.

to assume that Tolstoy's popularity and lasting influence on Russian writers is based on something more than ideology and literary excellence. In short, that it is rooted in a very real human need that he was able to articulate. Problems of this sort suggest a psychological explanation. The purpose of this article is to study the composite picture that emerges as the essential features of Tolstoy's art and to propose an explanation of how it satisfies such a need.

It is my contention that Tolstoy, who was, of course, a traditionalist, was also a psychological realist who had found rational explanations for the psychological changes experienced by men and women of our times, expressed these changes in the peculiar behavior of his protagonists and developed a new trend in modern fiction – the psychological novel. Herein lies his importance as a modern writer. In turn, this serves as a representation of his views of literature as part of the political and historical process – a view which endears him to his Soviet critics and readers.

The old-fashioned quality of Tolstoy's works is ostensibly related to past trends in European literature. His overt didacticism, stressing the moral purpose of art, is characteristic of the classical period. The «thinking intellect», which interferes with the «great talent» who writes the story for him is a device used by humanists and is found in the figure of the intruding neoclassicist author. The situation is actually a common one in eighteenth-century literature where the narrator or «editor» often assumes the role of the omniscient guardian or alter ego of the protagonists. The variety of life is thus filtered through the medium of a serene personality. The fake «eyewitness account», which blends with confession and travelogue, artlessly told but actually composed by rifling a *Baedeker*, is used by Goethe, Fielding, and Rousseau. The conflict between poetry from the heart and the sordid prose of reality in characters who are outwardly ridiculous but inwardly great (Grisha-the-fool in *Childhood*, Karataev in *War and Peace*), are themes that go back even further in time to preceding centuries (*Don Quixote*). Tolstoy employs the extensive as well as the intensive style of eighteenth-century Sentimentalism, featuring background as well as foreground. He is at the same time meditative and descriptive, generalizing and realistic. Like his predecessors, Defoe and Balzac, he achieves a heightened sense of actuality by combining detailed exposition with broad generalizations. Tolstoy depicts other themes of Sentimentalism: the debilitating effects of «artificial» city life in pointed contrast to the regenerative effects of healthy «natural» life in the idyllic countryside.

Tolstoy's novels, furthermore, are pedagogical. The genre intends the education of the reader as well as the hero, revealing its origins in the didactic and optimistic themes of the Enlightenment. His novels resemble the sentimental novel of education called the *Bildungsroman* – a development

of a traditional genre that employs the simple narrative of the picaresque tradition to depict the leisurely odyssey to self-awareness by a hero, who ripens into maturity after a series of adventures which range from the sensual to the sublime. Significantly, the hero of the sentimental novel does not grow, but simply matures. At this point Tolstoy departs from the sentimental journey of education. Deep and far-reaching changes take place in the Tolstoyan protagonist, precisely with regard to his assimilation into society, for they lead ultimately to his repudiation of its values and his role in it. Tolstoy's novels are stories of development, but a development with a different dimension and direction, as they point to the development of the inner man. There is a radical difference between the forward-looking, utopian mood of the sentimental novel and the anguished state of the Tolstoyan protagonist. Memory and reflection, together with their attendant phenomenon of moral guilt, not action and adventure, are the moving forces shaping the character's development, and in this the author himself actively participates. The goal of the Tolstoyan hero is his own development as an individual. Instead of trying to conquer nature without, he attempts to conquer his own nature by understanding it. He grows by trying to understand himself. B. Eikhenbaum has pointed out that *Childhood* for Tolstoy was not an indulgence in sentimental nostalgia about an idyllic childhood but a research project, an investigation of human nature, a meticulous self-study undertaken as a journey of discovery into the secrets of growing consciousness.¹ The image of the hero becomes transformed from that of an adventurer through space to confessor, i.e., an adventurer through time. To suggest this transition, Tolstoy applies the technique of the *physiological sketch* to psychological descriptions. The «object»-ivity of his descriptions is carried into the inner world of the protagonist where it becomes the «inner monologue». In a number of ways, Tolstoy's autobiographical novels and not such others as Ivan S. Turgenev's *Sportsman's Sketches* are the most logical and at the same time most radical development of the genre. The Tolstoyan protagonist wants to shoulder the burden of his past, to affirm the organic connection between himself now and what he was before. He is preoccupied with the idea that his childhood did not exist unless he can remember it fully. He tries to recollect as much of his childhood as he can. Losing all track of time he buries himself in recollections of his earlier years, recording them as he remembers them. Extensive picaresque passages alternate with intensive confessional elements, until the two are combined in ultimate synthesis which both transcends and unites the two elements of opposition.

---

1 Boris Eikhenbaum, *Molodoj Tolstoj* (Petrograd-Berlin: Grzhebin, 1922).

Tolstoy gave form to this psychological journey in his analytical trilogy, *Childhood*, *Boyhood*, and *Youth*, which dramatizes the idea of the three initial stages of consciousness. Each work represents one of the three stages in the development of personality. The first and most naive of these is a state of low, intermittent consciousness as it occurs in the naive, untutored mind of a child who is content merely to watch something going on. The second stage is that of a boy who not only sees but feels and can intermittently think and understand. The third stage is that of a young man, more or less fully conscious of himself, who is capable not only of seeing and feeling but also of thinking and reflecting upon his experiences. At this stage he is often painfully self-conscious. Throughout the narrative not only do we watch the antics of the protagonist as he learns from his adventures, but we also participate in the experiences directly through the eyes of the protagonist, at a remove in time and space. The self-portrait of the artist as a young man affords us, in effect, two viewpoints, that of the «I» telling the story, and the «I» who experiences it, at which point the reader is jolted into viewing the youthful protagonist through the eyes of the omniscient narrator. With this double vision Tolstoy underscores not only the differences in levels of awareness but also the a-temporal nature of consciousness.

All of Tolstoy's stories written before 1862 were psychological. They have a direct bearing on his inner development and furnish, in effect, «illustrations» for his autobiography. The protagonist in each is motivated to examine his life. He asks probing questions, first in a dialogue with himself, and later in a dialogue with his environment. The young landowner of «A Landowner's Morning» talks to his peasants to find out what he is doing wrong but they resist him and give evasive answers. This has only apparent similarity to a theme of Sentimentalism (the shrewd country folk's mistrust of the sophisticated), in which wise nature comes to replace ill-advised bourgeois morals as protectress and guide. In Tolstoy's works nature (including natural man) is naturally and intrinsically opposed to culture. It resists efforts of the intellect to penetrate it by infusing it with meaning, and obstinately remains as it is – in an unconscious state. It is hostile to the self-conscious civilized man whom it treats as an alien. In *The Cossacks* (1862) Olenin flees civilization to embrace primeval nature in the Caucasus. He hopes to be reborn by immersing himself in the rejuvenating flood of warm, simple humanity. But instead of thriving in a medium of Rousseauesque permissiveness, he undergoes a crisis and must flee. His efforts to penetrate the self-contained world of the mountaineers ends in failure.

Attempts by self-conscious civilized man to «cultivate» natural man, within or without his natural habitat, provide the subjects of several of Tolstoy's stories. His war stories illustrate this theme from another

point of view. Here the determined efforts of civilized man to act on his artificial standards during combat derange his self-conscious mind, while the instinctive natural man adjusts to these conditions more easily and sanely because he merely reacts, without much conscious effort. In these stories the natural dignity and heroism of soldiers is juxtaposed with the unnatural and cowardly behavior of officers, their paltry vanity, and lack of character in the face of death.

The war stories also explore another one of Tolstoy's ideas – the notion that the «chaos» of experience is not a problem in metaphysics but a psychological experience – a problem of incomplete consciousness. Tolstoy suggests that experience is not really incongruous but merely appears so to the lopsidedly inward-oriented, excessively rational, self-conscious mind of civilized man. Tolstoy hints that experience may have an altogether different meaning, and the significant aspects of reality and really important work of nature go on in ways that are hidden from the mind of man. This is akin to the «Higher Hand», of which other writers of the time spoke, that rather tired, forced poetical image of a huge ghostly arm that supposedly led their protagonists toward «happier goals», in terms characteristic of the humdrum, prosaic style of the Age of Enlightenment. These works also reflected a distrust of the church, an attitude which was widespread in the eighteenth century, but had appeared sporadically long before, perhaps with the impact of literacy,¹ in dreams about a churchless Christianity (Boehme, Stilling, St. Martin, the Quakers). The eighteenth-century rationalist, an acutely self-conscious man himself, was painfully aware of the pitfalls of human reasoning and preferred to rely on his own reason or the guidance of a depersonalized spirit, rather than trust the reasoning of his elders. In his mind an anonymous power replaced the church – the sacred society of the past – and the only higher order left was that of a personal intellect or an impersonal spirit; but the nature of this invisibly effective higher source must be grounded, ultimately, in the religious attitudes of the author himself. Tolstoy revealed his opinion in *War and Peace* where he speaks of a higher, non-human intelligence arranging the affairs of man and nature, against which all efforts and schemes of paltry human intellect to fathom its design are ineffectual. Critics have sometimes interpreted this as a rejection of reason by Tolstoy, but that interpretation is false. Tolstoy merely

---

1 For a selection of research in this area one can consult the following works: Hugh D. Duncan, *Communication and Social Order* (New York: The Bedminster Press, 1962), H.A. Innis, *The Bias of Communication* (University of Toronto Press, 1951), H.M. McLuhan, *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man* (University of Toronto Press, 1962), Eric Havelock, *Preface to Plato* (New York: Grosset and Dunlap, 1967), Rosamund Tuve, *Elizabethan and Metaphysical Imagery* (University of Chicago Press, 1947), John U. Nef, *Cultural Foundations of Industrial Civilization* (Cambridge University Press, 1958), et al.

wanted a greater reliance on feeling and other archaic modes of thinking such as intuition. He opposed the idea (grounded in eighteenth-century rationalism) that the powers of intellect were supreme, and he portrayed reason as clumsy and ineffective whenever it becomes too self-reliant. Conversely, he also depicted the older, more natural modes of thought as inadequate when one is dealing with the highly structured, artificial world of culture. Thus he suggested a productive union of opposites – reason and intuition. This theme parallels his idea of a synthesis of nature and culture in the consciousness of man.

Tolstoy, whose positions are characterized by a certain degree of organicism (which was an offshoot of German Romanticism) came to see consciousness as a product of growth and assimilation: a gradual «realization» of intellect and an «embodiment» of consciousness in nature. The intellect grows by feeding upon nature – becoming progressively more aware of it. A harmonious association between intellect and nature, then, was a prerequisite for a healthy growth, but this condition was initially absent, when the intellect began to «realize» itself as a thing apart from, and thus opposed to nature. At this stage efforts to understand reality resulted in a desire for control, a virtual state of «war» with nature from an excess of logic and analysis which interfered with understanding (synthesis). Eventually, growing awareness would bring about a more peaceful association. Thus «war» and «peace» were fundamental concepts for Tolstoy. It can even be said that «war» as an initial confrontation, and «peace» as a resolution of conflict were, for Tolstoy, not so much objective conditions, social and historical concepts, as psychological states. The sequence also reflects the idea that all genuine transitions in life tend to be crises or «sicknesses». In time, Tolstoy came to see the integration of intellect with nature as at best problematic. Culture, he concluded, was an internal matter, a state of mind akin to religion, to be achieved only within man's consciousness.

In Tolstoy's works we can observe a number of other developments strikingly different from the fairytale world of conventional fiction. In fact, the experience of the Tolstoyan hero traces a curve diametrically opposed to that of the sentimental hero who, after sowing his wild oats can nearly always count on being accepted back into society. Tolstoy dispenses completely with this staple of popular fiction whereby the author eases the reader at the end into an imaginary frame of mind about a world that is essentially, and comfortably, at peace with itself. The outlook dramatized by the Tolstoyan hero represents a very different point of view. At an age when the sentimental hero prepares to marry and establish himself in society, the Tolstoyan hero only begins his adventures. From a conventional background, his path leads him directly to the loneliness of a confrontation with himself. In place of a sentimental education,

the Tolstoyan protagonist suffers a series of moral jolts. Morbid reflection and a desire for self-improvement plague him constantly. The condition periodically resolves itself in crises of consciousness. The crisis is triggered by disillusionment with himself, reality, and life's ideals, which appear empty and false. He becomes a brooding, solitary figure who mistrusts his own judgment and tries to come to terms with this somber realization as best he can. He believes that his feelings and truth stand in opposition to his judgment and devises rules of conduct to guide himself through the maze of conflicting experiences. The search for external standards is paralleled by another tendency – to seek out and destroy false ideals. In all this frenetic moral activity and search for truth, analysis figures prominently. Ideals and preconceived notions are examined closely; collide with logic but analysis does not destroy faith, it only forces the protagonist to examine further his ideals. Thus one set of standards is periodically replaced by another. This cyclic development has an intensity to it that lends the author-protagonist's life a compelling sense of dramatic realism, of social and psychological growth.

Tolstoy's works reflect the trend toward secularization in religious fiction, particularly in the didactic and the confessional genres. The predecessors of the Tolstoyan protagonists were not foolish men of action and adventure like Don Quixote but self-conscious men of reflection. Tolstoy drew on the rise in the eighteenth and nineteenth centuries of secularized forms of pietistic literature, the fusion of which was accomplished in the sentimental novel of education. He made it more complex by combining it with Romanticism's interest in the phenomena of consciousness and memory. These are the central themes of his work, upon which both the author and the protagonist reflect a great deal. The confessor, because of his fascination with inner states, often merges with the figure of the author. His orientation inward causes him to reassess his values, ponder life and death, doubt immortality, and lose hope of reconciling ideals with reality. His growing self-consciousness progressively demythologizes God: from a powerful parental figure projected outside to a mere subjective «feeling» and eventually an «illusion». This development is paralleled by a corresponding development: a decrease in the role of the omniscient narrator and a corresponding rise in importance of the neurotic protagonist who takes over his function. The protagonist becomes the author's «double» who «represents» him by taking over his psychological crises. In this way the cathartic act of writing enables the author to dispense with projecting his problems outside, and yet to detach himself from them, and thus come to terms with himself and his past. By making the protagonist his own shadow and burdening him with his unresolved problems of adaptation to the modern world the author deals with them more objectively and hence effectively. Thus the protagonist, although

indubitably an important figure in Tolstoy's fiction, is not independent and therefore not the most important. Ultimately Tolstoy reserves that role for himself. In short, the one person who really grows there is the author himself.

The development of the Tolstoyan protagonist reflects one of the most significant developments in modern fiction: the gradual internalization and psychologization of reality, in contrast to older conventional genres where the protagonist projected himself outside. Such turning inward on the part of the protagonist to examine his reactions to his surroundings, rather than to deal with them in a direct confrontation, signals the change in the nineteenth-century toward psychological forms of fiction. The author is no longer content to describe what he sees. Rather than picture the infinite variety of life's panorama, he turns inward to consult his own mind about what it all means to him, to dwell on it and to reflect, catching every distortion as it is mirrored in his consciousness.

One can thus see Tolstoy as an innovator in the realm of psychological fiction. In this sense – paraphrasing Lenin – his works can be looked upon as a mirror of modern life and as belonging to the twentieth-century. Although they can be said to reflect, on the whole, the autobiographical trend in nineteenth-century fiction, they represent its most modern psychological form. Tolstoy depicts psychological man, whose heightened impressions and alienation from his surroundings stem not from social or economic factors but from inner tensions: an increased inwardness and self-consciousness and a profound change in his manner of thinking.

What has been called his social intransigence was an awareness of growth, expressed in a continuous quest for new forms of expression, evolving from the objectivity and naturalism of his early sketches to the psychological naturalism of the «inner monologue». This quest for new forms to express the inner as well as the outer adventure is a sign of a revolutionary artistic awareness. It is also a perfectly consistent statement of his poetic and philosophical vision of the human predicament as at once an inner and an outer experience, thinking and doing, which each denies the other in objective reality, yet must be fused in consciousness, whose paradoxes assert the subject's freedom as an individual. Tolstoy tried to show that this was a new condition: a realization in consciousness of a self that is at odds with itself, a permanently unstable condition – a state of being that continually violates its own system, often results in an inner split, and reconstitutes itself in the dialectics of thought and action.

Tolstoy was, then, a traditionalist with regard to the form, and an innovator as regards the (psychological) content of his works. Herein lies his importance for modern literature, as well as his appeal to the modern

Russian reader who is starved for psychological insights in modern Soviet literature. His ideas fit the Soviet concept of *historicism* in literature – important for Socialist Realism, which wants literature to incorporate the concrete historic content of the period as well as its significant historic changes, which are seen as its «essence» (*veianie*)¹. At the same time, Tolstoy's work is free from the artistic shortcomings that plague the work of modern practitioners of Socialist Realism. It is thus clear why Tolstoy's works are regarded by the Soviets as a shining example of what can be done within the constraints of Socialist Realism, and makes him a valuable and exemplary writer. His is the correct forward-looking orientation. His illumination that a transformation of mankind and the world is conceivable – may even already be germinating in modern man's imagination – is the source of the radiance that suffuses his works. They represent an honest, searching exploration of modern man's predicament in a world of crumbling values, reaching back to his childhood and his fall into error and forward to the possibility of creating a new world of meaningful values by a reawakened humanity.

---

1 Cf. «Istorizm», *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* (Moscow, 1966).

ROSSEELS PRINTING C^o
VAARTSTRAAT 70-72 & 82
B-3000 LOUVAIN-BELGIUM
☎ 3216 23.60.01 (2 lines)

ASSOCIATION OF RUSSIAN - AMERICAN SCHOLARS IN U.S.A., INC.
85 - 20 114th Street, Richmond Hill, N.Y. 11418

Professor, ~~Mr. Mrs.~~ Alexey von Schlippe

Regular membership dues for 1978	\$10.00
Membership dues for retirees for 1978	\$ 5.00
<u>Transactions</u> , Vol. XI (Tolstoy) - regular	\$10.00
<u>Transactions</u> , Vol. XI (Tolstoy) - retirees	\$ 6.00
<u>Transactions</u> , Vol. XI (Tolstoy) - schools and libraries	\$12.00
Contribution for future publications	_____
Total:	

Please check appropriate amount(s) and return top portion with your payment.

Note: At the December 1977 meeting of the Association, the Executive Board regretfully voted to raise the membership dues and the price of the Transactions according to the above scale.